

РАС РРРРЦС РРРРЦС

РУССКИЙ
РЕСПУБЛИКАНИЗМ
ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
ДО КОНЦА
XX ВЕКА

Кирилл Соловьев

**Res Publica: Русский
республиканизм от
Средневековья до конца XX
века. Коллективная монография**

«НЛО»

Соловьев К. А.

Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. Коллективная монография / К. А. Соловьев — «НЛО»,

Республиканская политическая традиция – один из главных сюжетов современной политической философии, истории политической мысли и интеллектуальной истории в целом. Начиная с античности термин «республика» постепенно обрастал таким количеством новых коннотаций и ассоциаций, что достичь исходного смысла этого понятия с каждой сменой эпох становилось все труднее. Сейчас его значение и вовсе оказывается размытым, поскольку большинство современных государственных образований принято обозначать именно этим словом. В России у республиканской традиции своя история, которую авторы книги задались целью проследить и интерпретировать. Как республиканская концепция проявляла себя в общественной жизни России в разные эпохи? Какие теории были с ней связаны? И почему контрреспубликанские идеи раз за разом одерживали победу? Ответы на эти вопросы читателю предстоит искать вместе с авторами – ведущими историками и политологами.

Содержание

Введение	5
Глава I	10
Республика и государство: методологические замечания	10
Основа политического объединения	13
Идеальная политическая форма	25
Когда respublica – это государство	31
Жан Боден	33
Томас Гоббс	37
Глава II	41
Предварительные замечания	41
«Политический народ» и «вся воля новгородская»	44
Отчина великого князя, люди вольные	59
Республиканская риторика в Пскове	68
Нереспубликанские республики?	75
Заключение	82
Глава III	84
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Res Publica. Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. Коллективная монография

Введение

К. А. Соловьев

Что такое республика? Вопрос, казалось бы, не очень сложный. Республика – это противоположность монархии. Есть цари, императоры, короли – нет республики. Она предполагает сменяемость и избираемость власти. Этот простой ответ подготовлен политическим опытом XIX столетия. Тогда понятие «республика» обрело именно этот смысл. Другого, по сути дела, и нет. Так случилось, что в XIX в. сложился категориальный аппарат, которым политически активная часть человечества пользуется до сих пор. Возможно, старые слова плохо описывают новые реалии, но других пока не придумали.

Проблема в том, что понятие – это не только строгая дефиниция. Это в первую очередь набор ассоциаций, ожиданий и даже эмоций, которые с ним связаны. Понятие будит воображение, а значит, становится предпосылкой для политического действия. Это касается и термина «республика». К настоящему моменту оно девальвировано. Мало стоит слово, слишком часто упоминаемое. В мире остались преимущественно республики. При таких обстоятельствах трудно объяснить значение понятия. Даже в XIX – начале XX в. это было не так. Европа оставалась монархической. Республиканская традиция была на задворках. Ей предстояло доказывать свое право на существование, а значит, в том числе объяснить, что она собой представляет. Во Франции XIX в. она тесным образом была связана с идеей революции конца XVIII столетия или 1848 г. В отличие от монархистов, республиканцы смотрели в будущее, а не в прошлое, верили в прогресс и не боялись его. Они составляли складывавшийся политический класс, который образовался поверх традиционных сословий¹. Иными словами, республиканцы – это не только идеологическое, но и социальное понятие. Это представители свободных профессий, профессиональные правоведы, университетские профессора. Адвокаты и журналисты, а не аристократы с родословной. К последней четверти XIX столетия республиканцы во Франции победили, оттеснив старую аристократию в глубину политической сцены. В 1881 г. 41% депутатского корпуса составляли юристы. В период Третьей республики более половины всех министров – профессиональные правоведы².

Монархия XIX в. апеллировала к традиции, республика – к проекту. Само слово заключало в себе веру в возможность политического, а значит, социального и правового конструирования. Монархия поддерживала огонь столетий, республика строилась на пустом месте. Она основывалась не на опыте, а на выстраданном идеале. Правда, у него были свои корни, свои предшественники.

Проблема, однако, в том, что само по себе противопоставление монархической и республиканской традиций уводит от коренной проблемы. Вплоть до XIX столетия разговор о республике значительно объемнее и сложнее, чем просто о форме правления. Речь шла о форме

¹ Зельдин Т. Франция, 1848–1945. Честолюбие, любовь и политика. Екатеринбург, 2004. С. 403.

² Там же. С. 417.

человеческого общежития, о модусах политической жизни. В этом смысле монархия и республика – понятия из разных категориальных рядов. Их столкновение случайно, хотя, конечно же, объяснимо.

Разговор о республике стал возможен благодаря многовековой работе юристов, сумевших найти абстрактные формулы действовавшим властным (разумеется, монархическим) институтам. Средневековая мысль так или иначе конструировала политическую общность. Это могли быть люди (*gens*) – объект истории, волей-неволей вписывающийся в порядок империи. Это мог быть субъект политических отношений – народ (*populus*), «сердцем» которого был король³. Закон, законность, правовой порядок – результат усилий европейских университетов, которые многие годы обобщали и формулировали⁴. По оценке известного российского государствоведа Ф. В. Тарановского, расцвет юридической мысли в университетских стенах пал на правление Людовика XI (1461–1483) во Франции. В XVI в. еще имели место последние отголоски университетских вольностей, которые сменились новой эпохой как будто бы безраздельного королевского доминирования. Университетская традиция притихла. Юридические факультеты застыли в своем развитии. В итоге к XVIII в. возникла уникальная ситуация – колоссальной пропасти, отделявшей университетскую догму от интеллектуальных веяний времени⁵. Рациональная философия плохо рифмовалась с юридическим стилем мышления. Это отбрасывало законников на периферию интеллектуального процесса. Не они определяли повестку эпохи, перед которой стояла задача переоснования всего государства.

Оно могло быть осуществлено по-разному. Мог быть заключен общественный договор или же создано Учредительное собрание, которое перепишет текущее законодательство. Предлагая столь смелые проекты, обращались к опыту далекого прошлого: греческого полиса или Римской республики. Казалось, что из «кубиков» Античности можно сложить новое политическое здание, заметно более светлое и удобное, чем современное. Эта мечта не выглядела утопичной. Был опыт прошлого, была своя теория и была гнетущая реальность – наслоение многочисленных ошибок минувших столетий. При таких обстоятельствах республиканизм – живое политическое учение, правда, с весьма размытыми очертаниями. Опыт прошлого был разный, как будто бы реальный, но плохо известный, и теорий, соответственно, было много.

Сила республиканской традиции – не в словах, не в практике, а как раз в эмоциях. В XVIII в. был подведен своего рода итог эволюции монархических режимов. Они претендовали на то, чтобы служить «общему благу», написать тотальный регламент для всех, установить торжество закона. Они надеялись олицетворять государство, в сущности, принадлежащее прошлому, временам феодальных привилегий. Они в меру своих скромных сил осуществляли проект всеобщей рационализации, будучи сами по себе вполне традиционным институтом. Юристы, обслуживая интересы государства, играли в тайну, мистерию государства⁶. Они подменяли содержание символами, практики – ритуалами. Беспомощность власти компенсировалась шумом фанфар и блеском эполет. В известной мере эта линия была продолжена и в дальнейшем: «Бюрократическая алхимия, работавшая десять веков, действует и сегодня, она воплощена в республиканской гвардии и в красном ковре, в словах..., в готовых формулах...»⁷

Монархия не желала отступать. Она искала свою формулу квадратуры круга. Монарх стремился доказать свое бессмертие, не имея для того основания. Ставился вопрос об обезличивании власти короля, которого в силу житейских обстоятельств нельзя лишить привычек,

³ Марей А. В. Такое разное обаяние власти: российский контекст, христианская традиция и кастильский пример // Polystoria. Анатомия власти: государи и подданные в Европе в Средние века и Новое время. М., 2021. С. 393.

⁴ Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 2. М., 2005. С. 89–90.

⁵ Тарановский Ф. В. Догматика положительного государственного права во Франции при Старом порядке. Юрьев, 1911. С. 5–7.

⁶ Бурдые П. О государстве. Курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992). М., 2012. С. 104.

⁷ Там же. С. 106.

настроений и характера. И все же для квалифицированных правоведов монарх – это не просто человек и даже не человек вовсе. Это краеугольный камень порядка, неотъемлемая часть системы. Однако такое утверждение не всегда звучало убедительно.

Мнимая рациональность государственного администрирования плохо вязалась с образом королей-чудотворцев. Возникал неизбежный разлад между мифологией власти и идеологией управления. Республика, подменив собой королевскую власть, его как будто бы снимала.

Правда, во что же должна воплощаться на практике республиканская идея, оставалось загадкой. Древнегреческий полис или древнеримские комиции – в обстоятельствах Нового времени не воспроизвести. Прямая демократия в условиях большого европейского государства в принципе невозможна. Какова же должна быть механика властвования и управления? Это будет президентская квазимонархия? Или диктатура, отстаивающая «общее благо»? Безраздельное господство клубов и кружков, имеющих смелость выступать от имени народа? Ребус, сочиненный в свое время Ж.-Ж. Руссо, не имел однозначного решения. Народный суверенитет, как и монархия, подразумевал миф, а не технологию власти. Это создавало напряжение в политической и правовой мысли XIX–XX вв. – в Европе в целом и в России в частности. Французская революция не ответила на загадку. Она скорее еще более озадачила современника. В конце XVIII – в начале XIX в. республика предстала в форме и якобинской диктатуры, и наполеоновской империи.

В конце XX в. республиканизм как особое политическое учение был вновь открыт гуманитариями⁸. Видимо, сказаласть усталость от слов, избыточность абстрактных понятий, раздутость идеологий, настойчивость их сторонников. Социализм, консерватизм, либерализм – между этими тремя соснами блуждали и продолжают блуждать общественные науки. При этом не всегда ясно, что имеется в виду под каждым из этих течений. Но даже тогда, когда дискуссий на этот счет нет, споры идут о другом: как уместить одного отдельно взятого человека в жесткие идеологические рамки. Чаще всего это не получается сделать: личные взгляды шире, сложнее, парадоксальнее любой самой хитроумной схемы.

Понятие «республиканизм», казалось бы, позволяло разнообразить интеллектуальный ассортимент. Возрожденное слово взывало не к абстрактным ценностям, а к практическому уму греков, гражданским добродетелям римлян и почтительности к прошлому любознательных флорентийцев, которые спустя тысячелетие рассчитывали возродить почти забытые античные традиции⁹. Политический идеал получал новое звучание. Он состоял в меньшей степени из абстрактных теорий и в большей – из исторических ассоциаций. Значение республиканизма не только в этом.

В современном понимании этого словосочетания политическая теория – явление сравнительно недавнее. Это не означает, что политика была безразлична человеку, жившему многие столетия назад. Так или иначе он должен был объяснить хотя бы себе, почему одни господствуют, а другие подчиняются. Это была проблема не научная, не теоретическая, а сугубо бытовая, а значит, жизненная и очень важная. Человек столетия назад был вынужден выстраивать отношения между различными центрами силы – без конституций, без лишних разговоров о государственном праве, без пространных ссылок на Аристотеля или Цицерона. Он творил практику, которую трудно описать языком современных теорий. Например, вечевая традиция Средневековой Руси подчеркивает тот факт, что властные отношения того периода были устроены не по позднейшим славянофильским схемам. Они не описываются в категориях государственного права Нового и Новейшего времени. Это ставит вопрос о политических формах эпохи, которые не сводятся к элементарной дихотомии монархия / республика.

⁸ См.: Хархордин О. Республика. Полная версия. СПб., 2021. С. 159–199.

⁹ Ожье С. Теория республики. СПб., 2021. С. 26.

Соответствующий понятийный аппарат будет русскими книжниками осваиваться позже. Это будет происходить почти синхронно (хотя, разумеется, по-своему) с тем, как аналогичные процессы разворачивались в Западной Европе. Разумеется, и тогда не будет речи о форме правления. Для XVI–XVII вв. концепт «республика» несет принципиально другое значение. Он позволяет осмыслить политический порядок как таковой.

В слове «республика» заключено воспоминание об утраченной теории, надежда на возможность ее воспроизведения. Само понятие подразумевает проекцию в будущее, которое оказалось настоящим в конце XVIII столетия. Тогда республика стала фазой эволюции государства. В России дело обстояло принципиально иначе. Государство старалось придать себе форму контрреспублики, республики наоборот: без нации, но с народностью; без конституции, но с самодержавием, которое зиждется на совести монарха; без революции, но с царем, способным осуществлять самые широкие реформы во благо наиболее нуждающихся. Республика была вызовом для русского интеллектуала. Она побуждала того дать свое понимание текущей политической организации и перспектив ее эволюции. В сущности, речь шла о переосмыслении государства, отказе от его нормативной интерпретации, характерной для правовой мысли XIX в.

Русская мысль практически во всех своих проявлениях (за редкими исключениями) была сугубо государственнической и ни в коей мере не республиканской. Такое положение явно расходилось с практикой. Государственничество исповедовалось теми, кто осуществлял или надеялся осуществлять власть в стране с дефицитом привычных государственных механизмов контроля и управления. Администрация в империи на протяжении всего XIX – начала XX в. была чрезвычайно разреженной. Правительство практически повсеместно сталкивалось с проблемой нехватки бюрократических кадров. Эта проблема разрешалась в России самым разным образом: ставкой на сословное самоуправление, на эластичность правовой системы, в конце концов, на спорадическое насилие. Сцепляющим элементом для крайне пестрой страны становилось самодержавие, которое представляло собой не столько политический институт, сколько идею власти. Это была предельная конкретизация государственнической идеи, которая обрела черты особого политического культа.

Представители самых разных (порой противоположных) взглядов доказывали исключительную значимость государственной власти в истории России. В рамках их представлений именно монархия создала расплывающуюся во все стороны страну. Соответственно, как должное воспринималось и то, что Россия драматически централизованное государство, где все – идеи, деньги, люди, бумаги – стекаются не просто в один город, а буквально в одну точку.

Этот культ обрел законченные черты, когда у него появилось достаточное количество служителей – профессиональных бюрократов – и он был законодательно оформлен. Иными словами, речь идет о кодификации времен Николая I, когда политический «космос» Российской империи был описан языком нормативно-правовых актов. Это создавало иллюзию тотальности государства и рациональности его устройства. Практика же свидетельствовала о прямо противоположной ситуации. Империя была слабо описана: научных, статистических изысканий критически не хватало.

Императорская власть неуклонно утрачивала нити управления страной. Все сложнее было развернуть тяжеловесную бюрократическую машину. Ее внутренние законы становились определяющими при принятии законодательных решений. В этих обстоятельствах самодержавие царя – это скорее предмет веры, нежели политическая практика. Эту веру разделяли далеко не все. Сложно было не усомниться в ней, зная тайные пружины политической системы. Сам царь не был уверен в собственном самодержавии. Соответственно, политический спор строился вокруг ложного основания. Причем большинство участников политической дискуссии признавали самодержавие таким, каким оно было заявлено в официальных доктринальных документах.

Республиканская традиция была слабо представлена в русской общественной мысли, а контрреспубликанская – обильно. Ее сторонники предлагали свое понимание политических институтов. Народничество, славянофильство самых разных изводов – это был своего рода республиканизм, правда, без республики, а часто – без государства. Политические партии начала XX в. не распространялись на тему республиканской формы правления. Правые и октябристы ей, разумеется, не сочувствовали. Кадеты старались быть прагматиками: до 1917 г. они не верили в возможность установления республики в ближайшем будущем. Как будто бы республиканцами были сторонники леворадикальных партий. Однако они в своих программах детально не прописывали, как видели будущее политическое устройство России. Слова о республике имели прежде всего ритуальный характер. Они должны были подчеркнуть коренное расхождение социалистических партий с их соседями справа – в лучшем случае боязливymi, осторожными, умеренными. Когда в 1917 г. Россия все же стала республикой, политические силы самых разных направлений к этому оказались не готовы. Для них не было очевидным, на какую республику следовало рассчитывать. Республика, которая в итоге сложилась, таковой, в сущности, не была. Советский республиканизм в своем основании тоже имел умозрительную конструкцию – и не одну, а сразу несколько. Мечта о государстве-коммуне отсылала к радикальному республиканизму XIX в., однако не проясняла, как должен осуществляться правовой порядок в новых обстоятельствах. В итоге республиканская риторика камуфлировала стремительно складывавшееся сверхцентрализованное бюрократическое государство.

Эта книга о республиканской идее. В то же самое время эта книга о республиканской традиции. И, конечно, эта книга о слове «республика» и его бытовании в общественной мысли России и Западной Европы. В России было и слово, и идея, и традиции. Политическая жизнь страны была сложнее и многомернее, чем это порой кажется. Она не сводилась к вековечному самодержавию. Однако важнее, пожалуй, другое. Понятие «республика» позволяет разглядеть то, что обычно остается незамеченным: теории, концепции, дающие расширительное толкование власти и государства в России.

Эта власть *лишь* могла претендовать на тотальность. В разных частях страны она чувствовалась по-разному. В некоторых случаях не чувствовалась вовсе. Обычно эти обстоятельства игнорируются исследователями. Страна традиционно описывается из столицы. В свое время к этому занятию был приставлен чиновник, в отчете которого не было явных противоречий. Он описывал единую правовую, социальную, политическую систему, которой не было на практике, а зато было великое множество плохо сопрягающихся элементов. Чиновника сменил историк, который сдул пыль с отчета многолетней давности и стал его аккуратно переписывать, снабжая одобрительными комментариями. Однако были и другие тексты, в которых ставились под сомнение отвлеченные юридические конструкции, где делалась попытка по-новому осмыслить властные отношения в огромной империи, текущие и будущие. Как охарактеризовать это хаотическое единство? И в броуновском движении есть своя логика и порядок. Их только важно осознать и описать. Даже только постановка такой проблемы позволяет разглядеть нечто важное в российской истории.

Глава I

Понятие *res publica* в европейской политико-правовой мысли: от Древнего Рима до XVII в.¹⁰

А. В. Маре́й

Республика и государство: методологические замечания

Латинское понятие *res publica* (или *respublica*, слитно, без пробела) является одним из смыслообразующих для интеллектуальной культуры Европы от Античности до наших дней. Вместе с тем оно же доставляет и огромное количество проблем исследователям, связанных прежде всего с потенциальной неопределенностью его наполнения. По меткому замечанию Кл. Моатти, исследовавшей понимание концепта *res publica* в Древнем Риме, он представляет собой своего рода «движущееся понятие» и его история подобна движению маятника, от абсолютно пустого к предельно полному и обратно¹¹. Эта подвижность понятия ожидаемо приводит к разногласию в переводах его на разные языки.

В англосаксонской традиции этот термин чаще всего переводят словом *Commonwealth*, несколько реже – *State*; встречается буквальный перевод – *Common thing*. Альтернативой этим трем вариантам служит перевод-калька, пришедший в английский из французского, т. е. *Republic*. Последнее слово, впрочем, используется, как правило, для обозначения формы правления, альтернативной монархии. В романских языках спектр перевода *res publica* исчерпывается тремя значениями, а именно *République*, *État* и *Chose publique*. При этом в современных текстах первое из трех слов практически всегда служит для обозначения формы правления, если только переводчики не оговаривают иное. Третье словосочетание, в свою очередь, используется сейчас весьма редко и лишь в тех случаях, когда надо указать на особую, негосударственную, природу описываемого явления. Германская традиция, которой во многом наследуем мы, применяет для перевода латинского *res publica* два понятия: *Gemeinwesen* и *Staat*, из которых первое акцентирует общественную, а второе – государственную природу переводимого понятия. Наконец, в отечественной традиции словосочетание *res publica* в подавляющем большинстве случаев передается понятием «государство» или, если им обозначают форму правления, «республика». Иные примеры относятся к самому концу XX – началу XXI в. и связаны с несколькими конкретными исследователями, о работах которых скажу ниже.

Таким образом, в языке отечественной гуманитарной науки *res publica* оказывается объединена переводом с целым кустом разных латинских понятий¹², прежде всего с *civitas*, т. е. «городом» или «гражданской общиной», *imperium*, т. е. «империей», «властью», «повелением» или же территорией, на которую распространялась эта власть, и т. д. Перевод всех этих и ряда других понятий термином «государство» способствует размыванию и, как следствие, обес-

¹⁰ Отдельные тезисы этой главы публиковались ранее в сокращенном виде в статье: (Маре́й А. В. Народ: рождение, смерть и воскрешение политического субъекта (От Цицерона до Гоббса) // Социология власти. Т. 31 (2019). № 4. С. 95–111).

¹¹ См.: Moatti C. Res Publica, Forma Rei Publicae and SPQR // Bulletin of the Institute of Classical Studies. Vol. 60 (2017). No. 1. P. 35.

¹² Ни в коем случае не претендуя на полноту списка, отмечу, например, что только на первых страницах русского перевода 3-й книги Тита Ливия (переводчик – Г. Ч. Гусейнов) словом «государство» оказываются переведены понятия *civitas*, *res publica*, *res Romana*, и еще минимум в одном случае «государство» появляется там, где у него не было латинского аналога. При этом, понятно, текст для примера был выбран буквально наугад, и с другими переводами, выполненными иными блестящими специалистами (В. М. Смирным, Н. В. Брагинской, С. А. Ивановым и др.), ситуация будет полностью аналогична.

смысливанию как самого слова «государство»¹³, так и переводимых им латинских концептов. Чтобы избежать этого эффекта, необходимо остранить понятие *res publica*, посмотреть на него как бы извне, со стороны породившего его языка. И начинать такое исследование нужно, разумеется, с эпохи Древнего Рима, не потому что Греции была чужда республиканская мысль¹⁴, но потому что само понятие *res publica* родилось именно в Риме.

Хронологические и географические ограничения этого исследования продиктованы именно заявленным стремлением остранить *res publica*. Очевидно, что начало исследования совпадает с первыми упоминаниями искомого понятия в письменных источниках, т. е. с III в. до н. э. Завершающая его точка тоже может быть установлена относительно легко. Поскольку мы говорим о латинском термине и о его бытовании, его исследование будет логично охватывать период его существования в интеллектуальной культуре вплоть до смены его вернакулярными аналогами, т. е. примерно до конца XVII в. Географически же исследование будет ограничено рамками латинской Европы. Я не буду на этих страницах рассматривать процессы заимствования концепта *res publica* и его производных в польских и чешских землях, не буду привлекать южно- и восточнославянского материала. Останется без внимания и греческая *ta demosia pragmata*, поскольку изучение этого понятия потребует серьезного погружения в интеллектуальную культуру Византийской империи, на что нет ни сил, ни времени.

Прежде чем говорить о структуре исследования, отмечу и еще одно его ограничение, на этот раз смысловое или даже понятийное. Концепт *res publica* практически с самого момента своего возникновения обладал среди прочих двумя значениями, весьма и весьма распространенными и известными: он означал ту территорию, на которой существовало и действовало описываемое им политическое объединение, а также использовался для обозначения формы правления, при которой вся власть принадлежит максимально широким кругам граждан (латинский аналог греческого *demokratia*). Эти два значения были свойственны понятию *res publica* практически с самого его возникновения, есть они у него и сейчас. Они, а особенно второе из них существуют, практически не развиваясь и не изменяясь, и уже потому я почти не буду писать о них, дабы не множить сущности сверх необходимого.

Соответственно этим ограничениям будет выстраиваться и структура исследования. Она разделяется на три основных блока, внутри каждого из которых, в свою очередь, возможны дополнительные подразделения¹⁵. Основным критерием деления становится соотношение понятия *res publica* с понятием *populus* (т. е. «народ»), дополнительным – сочетание двух названных понятий с концептами *civitas* и, позднее, *status*. Соответственно, первая часть исследования хронологически охватывает период с Древнего Рима и практически до середины – второй половины XII в. Этот период характерен приоритетом цicerонианско-августинианской парадигмы в трактовке понятий *res publica*, «народ» и «гражданская община». Еще одной отличительной чертой периода является отсутствие там государства в привычном нам европейском варианте¹⁶. Во второй части исследования, охватывающей период с середины XII

¹³ О присущей авторам отечественной традиции убежденности в имманентном присутствии государства и, по сути, в его внеисторической природе можно спокойно написать отдельный текст (и даже не один!), анализируя причины этого явления и его следствия для современного гуманитарного знания. Но поскольку данная работа посвящена совершенно иной задаче, в этом вопросе я остановлюсь здесь.

¹⁴ Хотя при том, что есть исследования, посвященные греческой традиции республиканской мысли (см., например, любопытное исследование Эрика Нельсона: *Nelson E. The Greek Tradition in Republican Thought*. Cambridge, 2004), все же всерьез говорить о республиканизме становится возможным лишь после появления словосочетания *res publica* и его последующей кристаллизации в понятие.

¹⁵ Разумеется, я осознаю всю меру условности этого деления и ввожу его прежде всего для удобства изложения материала.

¹⁶ Еще одна необходимая методологическая оговорка: я не буду вдаваться в этом тексте в полемику о том, когда и где впервые возникает государство. Скажу лишь, что с моей точки зрения, позиция, вдохновленная вульгарно понятым марксизмом, согласно которой государство появляется сразу же по разложению рабовладельческого строя, не имеет никакого эвристического потенциала. Я разделяю позицию, согласно которой европейское государство представляет собой систему публично-правовых институтов, созданных ради ограничения частного произвола, создания и дальнейшей нейтрализации

по начало XVI в., я обращаюсь к политической теории томизма, в основе которого, как следует из названия, лежит богословие Фомы Аквинского. Связь понятий «народ» и *res publica* перетрактовывается Фомой, два этих концепта становятся практически независимыми друг от друга. Государство все еще отсутствует в это время, но политическая теория Фомы наполняется его предчувствием, интуицией, предшествовавшей его явлению. Наконец, последняя часть работы описывает период раннего Нового времени, т. е. с начала XVI по конец XVII в.; отличительными чертами периода становится полный разрыв между понятиями *res publica* и «народ», характерный для позднего томизма, и последующее за этим отождествление концепта *res publica* с нарождающимся европейским государством в том или ином его изводе.

Основа политического объединения

Понятие *res publica*, как видно даже при первом, поверхностном взгляде, состоит из двух слов – существительного *res* и согласованного с ним прилагательного *publica*. Оба этих слова как вместе, так и по отдельности неоднократно подвергались детальнейшему анализу¹⁷, так что нет смысла повторять все уже проделанные предшествующими исследователями операции. Отмечу лишь два момента, необходимых для дальнейшего разговора.

Во-первых, прилагательное *publicus* этимологически восходит к архаическому латинскому *poplicus*, а то, в свою очередь, происходит от существительного *populus*, т. е. «народ». Таким образом, становится очевидна неразрывная (на первом этапе) связь понятий *res publica* и «народ» и необходимость совместного их анализа. Во-вторых, само по себе слово *res* в латинском языке является одним из наиболее многозначных, и точное определение его значения требует каждый раз взвешивания анализа контекста, в котором оно использовано.

Два основных значения, выделяемых традиционно всеми авторами, – «дело» и «достояние / имущество / вещь» – Клаудия Моатти удачно дополняет еще одним, имеющим непосредственное отношение к сфере частного права и процесса: «вещь как предмет спора»¹⁸. Это, в свою очередь, позволяет ей уточнить и ее понимание народа как «сообщества людей, объединенных неким совместным действием или конфликтом вокруг некоей *res*»¹⁹. Однако несмотря даже на это уточнение, словосочетание *res publica* все равно остается одним из самых неопределенных и абстрактных понятий латинского языка, что, собственно, иногда признавали и сами римляне²⁰. Наиболее близким к реальному положению вещей мне видится здесь уже приведенная выше метафора Кл. Моатти, сравнившей развитие значений термина *res publica* с движением маятника, от совершенно пустого до предельно конкретного и материально осязаемого.

В латинских текстах словосочетание *res publica* впервые появляется достаточно давно: в комедиях Плавта и Теренция оно используется уже очень активно, наряду с формами *res populi*, *res Romana* и т. д.²¹ Однако первая попытка определить *res publica* как политическое понятие была предпринята только Цицероном в его одноименном диалоге *De re publica*, переведенном на русский язык В. О. Горенштейном как «О государстве»²². Судебный оратор, блестяще владевший языком и правом, Цицерон был довольно слабым философом, его построения отличались эклектичностью. Так, в упомянутом его диалоге достаточно ярко выделяются элементы аристотелианской философии и концепции стоиков, в то время как основой для диалога стал переведенный им на латынь диалог Платона *Politeia*²³. Вместе с тем Цицерон был

¹⁷ Помимо цитированной выше статьи Клаудии Моатти и приведенной там библиографии позволю себе отослать к трем классическим статьям немецких антиковедов, переведенным на русский язык и вышедшим в 2009 г. под одной обложкой по инициативе исследовательского центра «Res publica» и лично О. В. Хархордина: Дрекслер Х. *Res Publica // Res Publica: История понятия. Сборник статей.* СПб., 2009. С. 67–169; Штарк Р. *Res Publica // Там же.* С. 7–65; Шорбаум В. Цицерон: *De Re Publica // Там же.* С. 171–245.

¹⁸ Об этом см.: Moatti C. *Res Publica, Forma Rei Publicae and SPQR.* P. 35–36.

¹⁹ Ibid. P. 38.

²⁰ См., например, у Цицерона, где он говорит о том, что *res publica* – «расплывчатая, слишком общая и широкая» тема для оратора (*Cic. De orat. II. 67*); или не менее показательное высказывание Цезаря, сохранившееся в передаче Светония, о том, что *res publica* – «пустое имя без тела и облика» (*Svet. Iul. 77, 1*). Любопытно перетрактовывает эту фразу Цезаря Олег Хархордин в своей недавно вышедшей книге «Республика, или Достояние публики». Он считает ее указанием на то, что Цезарь, взявший единоличную власть в Риме с помощью войска, не придавал *res publica* вообще никакого значения и считал, что ее нужно «отбросить, как пустышку» (*Хархордин О. В. Республика, или Дело Публики.* СПб., 2020. С. 34). Полагаю эту интерпретацию художественным упрощением – всерьез относиться к этому высказыванию, строящемуся всего на одной фразе, к тому же даже не на собственных словах Цезаря, но на пересказе их Титом Аммием, зафиксированном в книге Светония, вряд ли возможно.

²¹ См. прежде всего: Дрекслер Х. *Res Publica*; Штарк Р. *Res Publica*.

²² См.: Цицерон. *О Государстве. О Законах.* М., 1994.

²³ В русском переводе известен как «Государство»; на этом факте акцентирует внимание О. В. Хархордин в уже упоми-

весьма консервативен в своих воззрениях, и это позволяет утверждать, что его позиция достаточно четко отражала взгляды римского нобилитета той эпохи²⁴.

Определение, о котором идет речь, находится в первой книге диалога и было вложено Цицероном в уста одного из основных участников беседы, Сципиона. Отвечая на вопрос Лелия, он говорит: «Государство есть достояние народа, а народ не любое соединение людей, собранных вместе каким бы то ни было образом, а соединение многих людей, связанных между собою согласием в вопросах права и общностью интересов (Cic. De re publ. I, 39)»²⁵. Позволю себе не согласиться с переводом, предложенным В. О. Горенштейном, поскольку считаю, что в нем допущен ряд серьезных концептуальных ошибок. Чтобы объяснить их, рассмотрим дефиницию, данную Цицероном, подробнее. Прежде всего, привлекает к себе внимание первая фраза: *Res publica est res populi*. В приведенной редакции она состоит из пяти слов и достаточно очевидно делится на две части: слева от глагола *est* стоит определяемое, справа – определение. В обеих отмеченных частях есть одно и то же слово, а именно *res*, что заставляет утверждать, что настоящим определяемым оно являться не может (в противном случае мы получим классический порочный круг, т. е. определение слова через само себя). Следующим шагом отбросим в сторону слово *publica*: как прилагательное оно не может служить определяемым, но только определением. В результате этой несложной операции у нас останется лишь одно слово, которое может служить настоящим определяемым в этой фразе, и этим словом будет *populus*, т. е. «народ». Отдельно замечу, что переводить два слова – *res publica* – одним, т. е. «государство», конечно, возможно, но вряд ли оправдано даже чисто с филологической точки зрения²⁶.

Таким образом, можно утверждать, что эта фраза служит лишь вступлением, красивой подводкой к настоящему определению, начинающемуся сразу же после слова *populi*. И, более того, понять, что такое *res publica* для Цицерона (кроме короткого «дело народа» или «достояние народа»), становится невозможным без того, чтобы не разобрать понимание арпинским оратором концепта «народ». На это же, конечно косвенно, указывает и официальное самоназвание римлян, использовавшееся ими в сношениях с другими народностями, а начиная с Октавиана Августа, и во внутривластической сфере, – *Senatus Populusque Romanus*, т. е. «Сенат и римский народ».

Народ, по мнению Цицерона, – это собрание многих людей, которых связывает, во-первых, *communitas utilitatis* и, во-вторых, *consensus iuris*. Оба этих понятия заслуживают самостоятельного пояснения. Первое из них, передаваемое по-русски как «общность пользы», может быть истолковано одним из двух способов. С одной стороны, речь может идти о некоем совместном предприятии, созданном группой лиц, каждый из которых заинтересован в успехе их общего дела и получает прибыль в объеме, пропорциональном внесенной им доле капитала. Этот вариант, очевидно, не проходит, поскольку Цицерон говорит не о договоре товарищества (*societas*), но об ином явлении, возможно, схожей природы, но принципиально иного масштаба.

навшейся книге, утверждая, что, переведя греческое *politeia* латинским понятием *res publica*, Цицерон «пошел на решающую теоретическую инновацию, привнеся вещественно-имущественные коннотации, которые имело слово *res*, входившее в выражение *res publica*, для интерпретации всей традиции античной полисной жизни» (Хархордин О. В. Республика, или Дело Публики. С. 30). Позволю себе не согласиться с коллегой, поскольку античная трактовка полиса изначально предполагала сильнейшую вещественно-имущественную коннотацию, ведь полис – не только собрание граждан, но и их община, проживающая на определенной территории, имеющей свои границы. Таким образом, Цицерон в этом смысле не внес ничего принципиально нового, отличие его концепции от греческой политики было в другом, о чем см. подробнее в тексте.

²⁴ См.: Утченко С. Л. Цицерон и его время. М., 1974.

²⁵ Cic. De re publ. I. XXV. 39: Res publica est res populi, populus autem non omnis hominum coetus quoquo modo congregatus, sed coetus multitudinis iuris consensu et utilitatis communione sociatus.

²⁶ Я сознательно оставляю в стороне вопрос о существовании (или несуществовании) в республиканском Риме государства. Об этом см. большую полемику, начатую в журнале «Вестник древней истории» на рубеже 80-х и 90-х гг. XX в. вокруг статьи Е. М. Штаерман (Штаерман Е. М. К проблеме возникновения государства в Риме // Вестник древней истории. 1989. № 2. С. 76–94); в последующей дискуссии приняли участие такие ученые, как В. И. Кузищин, Кл. Николе, А. Л. Смьшляев, Л. Л. Кофанов, Л. Капогресси Колоньези, И. Л. Маяк, Г. А. Кошеленко, А. Я. Гуревич и другие.

С другой стороны, *communio utilitatis* можно воспринимать как указание не на наличие некоей единой абстрактной *utilitas*, которая будет общей для всех членов того или иного коллектива, но на совокупность частных *utilitates* (польз), имеющих общее условие реализации. Для того чтобы представить себе то, о чем я говорю, необходимо абстрагироваться от государства и помыслить себе социальную жизнь в ситуации его отсутствия. В таком случае различные отношения между формально равными друг другу членами гражданской общины (*civitas*) должны будут регулироваться на основании частных договоренностей или, шире, сделок. В условиях же, когда отсутствует единый источник власти, гарантирующий корректность проведения той или иной сделки, единственным гарантом для лица, вступающего в сделку, является презюмируемая *bona fides*, т. е. «добросовестность» его контрагента. Соответственно, частная польза данного лица будет заключаться именно в соблюдении его контрагентом (или контрагентами) всех условий сделки и в добросовестном его (их) поведении. Разумеется, верным будет и обратное: кто бы ни выступал контрагентом данного лица, он будет заинтересован в соблюдении тем принятых на себя обязательств. Таким образом, *communio utilitatis* для всех лиц, входящих на правах граждан в обсуждаемую гражданскую общину, будет заключаться именно в их общей добросовестности, в том, что каждая конкретная сделка будет исполняться и тем самым приносить пользу ее участникам. Совокупность множества таких частных польз и дает в итоге *communitas utilitatis*, названную Цицероном.

В свою очередь, использованное Цицероном *consensus iuris*, т. е. «разумное согласие о праве»²⁷, указывает на алгоритм формирования и развития права в Древнем Риме. В отличие от современного мира, где право представляет собой комплекс норм и правил поведения, зафиксированных в соответствующих нормативных документах и подкрепленных принудительной силой государства, в Риме право возникало из единичных сделок между гражданами, из решений судей, из частных казусов. По мере увеличения их количества сделки неминуемо типизировались, формировались правила их проведения, условия действительности и т. д. Из множества частных «справедливостей» выросло общее представление о том, что есть *справедливость* и какой она бывает. Таким образом, на протяжении многих веков складывалась система практик и правил общежития, которая представляла собой *право граждан* данной общины, т. е. *ius civile*. При этом, разумеется, в отсутствие государства, которое своей принудительной силой могло бы гарантировать действенность права, единственным возможным его гарантом оставалось именно *согласие граждан*, т. е. домовладык Рима. Именно это согласие, основанное на реитеративном, многократно повторяемом проговаривании практик и правил общежития, Цицерон, по-моему, и называет *consensus iuris*, т. е. «разумным согласием о праве».

Теперь вернемся к первой фразе разбираемого пассажа, с тем чтобы уточнить смысл исходного понятия *res publica*. Если принять приводимую выше трактовку понятий *communitas utilitatis* и *consensus iuris*, получится, что основными маркерами, указывающими на принадлежность человека к римской гражданской общине, становятся добросовестное участие в сделках гражданского оборота и соучастие же в развитии и эксплуатации правовой системы. Соответственно, общим делом становится поддержание, забота и осмысление как гражданской добросовестности, так и системы норм и правил общежития. Это и будет тем *общим делом* (*res publica*), которое объединяет всех граждан независимо от их частных интересов и делает их

²⁷ Любопытную интерпретацию этого выражения предлагает Олег Хархордин, трактующий *sensus* не как «разум», а как «чувство»: «Латинское выражение *consensus iuris* можно буквально перевести не как „со-гласие“, а как „со-чувствование“ (в вопросах права), если исходить из того, что *sensus* – это прежде всего „чувство“. И в практическом смысле это сочувствование может появляться как результат общей практики по производству и применению права» (Хархордин О. В. Республика, или Дело публики. С. 31). Не могу согласиться с этой трактовкой, поскольку кажется очевидным, что для римлян закон прежде всего разумен. Об этом много пишет и сам Цицерон (см.: *Cic. De Leg. I. 6. 18*, где он называет закон «высшим разумом» (*summa ratio*), или *Cic. De Leg. I. 7. 23*, где утверждается, что, поскольку лучше разума (*ratio*) нет ничего, именно он соединяет людей с богами в правовом единстве»). Соответственно, и *sensus* в цицероновском *consensus*'е скорее будет указывать на разум, нежели на чувство.

единым целым, т. е. народом. Поэтому полагаю, что в исправленном виде Цицероновское определение должно выглядеть так: «Общее дело есть достояние народа. Народ же не любое скопление людей, собранных вместе каким бы то ни было образом, но собрание многих, объединенное общностью пользы и разумным согласием о праве»²⁸.

Это соображение, впрочем, требует корректировки еще по двум основаниям. Прежде всего, необходимо развести между собой понятия *res publica* и *civitas*, которые зачастую отождествляются исследователями друг с другом или как минимум переводятся одним и тем же словом, будь то *государство*, *Država* или *State*²⁹. Иногда (как в указанной статье Арины Браговой) делаются попытки, трогательные в своей наивности, развести эти понятия, поясняя, что словом *civitas* Цицерон называет любое государство, тогда как термином *res publica* – только римское. Тот факт, что в таком случае *res publica* становится всего лишь частным случаем *civitas*, остается без внимания исследователя. Одним из основных текстов, на которых строится аргументация авторов, стремящихся приравнять *civitas* и *res publica*, является знаменитый «Сон Сципиона» из 6-й книги диалога *De re publica*, в котором звучит среди прочих такое рассуждение о посмертной награде, ожидающей достойных правителей (здесь и далее приводится в переводе В. О. Горенштейна): «... Всем тем, кто сохранил отечество, помог ему, расширил его пределы, назначено определенное место на небе, чтобы они жили там вечно, испытывая блаженство. Ибо ничто так не угодно высшему божеству, правящему всем миром, – во всяком случае, всем происходящим на земле, – как собрания и объединения людей, связанные правом и называемые государствами; их правители и охранители, отсюда отправившись, сюда же и возвращаются»³⁰.

Взглянув в оригинальный текст Цицерона, приведенный в сноске, легко увидеть, что в данном случае на месте слова «государствами» стоит латинское *civitates*. Понятно и то, почему В. О. Горенштейн использовал именно это слово для перевода: сходство формулировок этого фрагмента с разобранным выше определением несомненно (что, кстати сказать, и было отображено в комментарии переводчика). Но очевидна, как кажется, и та ошибка, которую как обсуждаемый переводчик, так и целый ряд исследователей (равно отечественных и иностранных) допускают в этом месте. Если еще раз вернуться к исходному определению Цицерона из первой книги диалога, можно увидеть, что «собранием / объединением людей, связанных правом» там называют не *res publica*, а *populus*, не «достояние народа», а сам «народ». Если *civitas*, т. е. «гражданскую общину», и отождествлять с чем-либо, то не с «общим делом», а с самим «народом». Об этом же сам Цицерон говорит устами Сципиона в 1-й книге диалога, продолжая рассуждение о том, что такое *res publica*: «Что такое государство, как не достояние народа? Итак, достояние общее, достояние, во всяком случае, гражданской общины. Но что такое гражданская община, как не множество людей, связанных согласием?...»³¹ и дальше: «... всякий народ, представляющий собой такое объединение многих людей, какое я описал, всякая гражданская община, являющаяся народным установлением, всякое государство, которое, как я сказал, есть народное достояние, должны, чтобы быть долговечными, управляться, так

²⁸ Любопытно, что практически к тому же определению, хотя и другим путем, приходит Рудольф Штарк в упоминавшейся выше работе: (Штарк Р. *Res Publica*. С. 9).

²⁹ См., например: *Asmis E.* The State as a Partnership: Cicero's Definition of «Res Publica» in His Work «On the State» // *History of Political Thought*. Vol. 25 (2004). No. 4. P. 569–598; *Simendić M.* Ciceronova Država: Između Prava, Korisnosti i Dužnosti // *Godišnjak Fakultet Politickih Nauka Beograd*. T. IX (14). 2015. P. 55–69; *Брагова А. М.* Понятие «государство» в сочинениях Цицерона // *Самарский научный вестник*. 2016. № 1 (14). С. 93–97.

³⁰ *Cic. De re publ. VI. 13. 13:* omnibus, qui patriam conservaverint; adiuerint; auxerint, certum esse in caelo definitum locum; ubi beati aevo sempiterno fruuntur; nihil est enim illi principi deo; qui omnem mundum regit; quod quidem in terris fiat; acceptius quam concilia coetusque hominum iure sociati, quae civitates appellatur; harum rectores et conservatores hinc profecti huc revertuntur.

³¹ *Cic. De re publ. I. 25. 40:* Quid est res publica nisi res populi? res ergo communis res utique civitatis. Quid est autem civitas nisi multitudo hominum in quoddam vinculum redacta concordiae?

сказать, советом, а совет этот должен исходить прежде всего из той причины, которая породила гражданскую общину»³².

В первой из приведенных цитат стоит отметить два момента. Во-первых, в ней Цицерон явно разводит между собой понятия *res publica* и *civitas*, определяя первое из них как «достоинство народа» или даже «достоинство гражданской общины», а второе – как «множество людей, связанных согласием». Это лишний раз подтверждает приведенный выше тезис об ошибочности отождествления этих двух концептов. Окончательно это закрепляется определением, данным гражданской общине в следующей цитате, – *constitutio populi*, или же «народное установление». Эта дефиниция позволяет предположить, что народ бывает разным по своему объему: он может ограничиваться рамками одной *civitas*, совпадая с ней в таком случае, но может и превышать эти размеры, устанавливая или, лучше сказать, учреждая некое количество *civitates*. *Res publica* же, определяемая как «народное достоинство», не имеет (если верить этой фразе) четко закрепленного материального обличья и, в отличие от *civitas*, являющей одну из форм бытования народа, определяется по отношению к нему как нечто внутреннее, нечто делающее собранных вместе людей народом, субъектом политического и / или нормотворческого действия.

Во-вторых, в первой из приведенных цитат привлекает внимание любопытная терминологическая замена: вместо звучавшего в первом определении народа слова *consensus*, передающего идею разумного согласия, здесь стоит слово *concordia*, имеющее оттенок «сердечного согласия», т. е. совпадения скорее чувств, нежели разума. Не возьмусь утверждать наверняка, но рискну предположить, что причина появления здесь понятия *concordia* в том, что этот фрагмент диалога дошел до нашего времени в передаче Августина, будучи включен в одно из его писем. Для Августина же, как будет показано ниже, понятие *concordia* в контексте образования как гражданской общины, так и народа имеет особое значение.

Второе основание для корректировки понимания *res publica* исключительно как «дела народа» заключается в наличии у рассматриваемого понятия еще одного, весьма важного значения: «публичной вещи» или, если во множественном числе, «публичных вещей». В наиболее общем виде это понятие встречается в классификациях вещей, выстраивавшихся римскими юристами, как правило, в дидактических целях. Наиболее ярким примером подобного может служить фрагмент из начала 2-й книги знаменитых «Институций» Гая – учебного курса по праву, созданного римским провинциальным юристом первой половины II в. н. э. Согласно Гаю, «...главное разделение вещей проводят на две группы: ведь одни вещи божественного права, другие – человеческого. <...> Вещи человеческого права – либо публичные, либо частные. Те, что публичные, считаются не принадлежащими никому; ведь считается, что они принадлежат самому объединению. Частные вещи – те, что принадлежат отдельным людям. Кроме того, некоторые вещи телесные, некоторые – бестелесные» (Inst. II, 2, 10–12)³³.

Эта классификация, как уже говорилось, носит дидактический характер, однако необходимо понимать, как и почему она вообще стала возможна. Для того же, чтобы это понять, необходимо кратко затронуть проблему складывания латинской юридической терминологии. Как мне уже приходилось писать раньше³⁴, ключевым периодом для ее формирования стал период Принципата, поскольку, по всей видимости, именно в эти века она сложилась в том виде, в

³² Cic. *De re publ.* I. 26. 41: *Omnis ergo populus, qui est talis coetus multitudinis, qualem exposui, omnis civitas, quae est constitutio populi, omnis res publica, quae, ut dixi, populi res est consilio quodam regenda est, ut diuturna sit. Id autem consilium primum semper ad eam causam referendum est, quae causa genuit civitatem.*

³³ Цитата приведена в переводе Д. В. Дождева по изданию: Институции Гая / Перевод с лат., коммент. Д. В. Дождева. М., 2020. С. 73; оригинальный текст приводится по тому же изданию (Там же. С. 72): *Inst. II, 2, 10–12: Summa itaque rerum divisio in duos articulos diducitur: nam aliae sunt divini iuris, aliae humani. <...> Haec autem, quae humani iuris sunt, aut publicae sunt, aut privati. Quae publicae sunt, nullius videntur in bonis esse; ipsius enim universitatis esse creduntur. Privatae sunt, quae singulorum hominum sunt. Quaedam praeterea res corporales sunt, quaedam incorporeales.*

³⁴ См.: Марей А. В. Язык права Средневековой Испании: От законов XII таблиц до семи партий. М., 2008. С. 65–69.

котором ее знают и изучают по сей день. В пользу этого предположения можно привести два довода: во-первых, в этот период был создан один из важнейших источников римского права – знаменитый *Edictum Perpetuum*, в тексте которого были обобщены и закреплены преторские эдикты за практически весь предшествующий период; во-вторых, в это же время появились и получили широкое распространение такие жанры римской юридической литературы, как комментарии к эдикту и к сочинениям наиболее именитых предшественников и учебники по римскому праву, излагавшие его основные начала, – *Institutiones*.

В 130 г. н. э. император Адриан приказал юристу Сальвию Юлиану³⁵ обобщить все имевшиеся версии преторского эдикта и создать из них единый эдикт, получивший название *Edictum perpetuum*, «вечный эдикт». Сам *Edictum perpetuum* не дошел до нашего времени, но в XIX в. был реконструирован О. Ленелем на основе «Комментариев к эдикту» юриста III в. н. э. Домиция Ульпиана³⁶. Причем в данном случае важно не столько содержание *Edictum perpetuum*, сколько сам факт его создания, свидетельствующий об унификации правовой процедуры, которая, в свою очередь, непременно требовала унификации юридической терминологии, установления единой четкой системы понятий.

Также об определенной унификации юридической терминологии в рассматриваемый период свидетельствуют и изменения, происшедшие в жанровой системе римской правовой литературы. Юристы раннереспубликанского периода отдавали предпочтение произведениям, разъяснявшим смысл законов «Законов XII Таблиц» и написанным в жанре, определенном Помпонием как *cunabula iuris*³⁷, т. е. начала права. К началу же I в. до н. э. наметились перемены, ставшие очевидными, когда сначала Марк Порций Катон написал сочинение, озаглавленное «О гражданском праве», а затем свои труды, также посвященные рассмотрению гражданского права, создали Публий Муций Сцевола, Брут и Маний Манилий. Эти сочинения были написаны под сильным влиянием греческой философии и отличались от предшествовавших им попыткой систематического изложения права. Особенно же в этом преуспел сын Публия Сцеволы – Квинт Муций Сцевола, юрист, консул 95 г. до н. э., написавший труд «О гражданском праве» в 18 книгах и впервые изложивший в нем право, разделив его «по родам и видам». По всей видимости, именно в этом произведении впервые была введена классификация вещей на вещи божественного и человеческого права, а последних – на частные и публичные. Принципиально новый жанр юридической литературы появляется под пером Сервия Сульпиция Руфа, консула 51 г. до н. э., одного из наиболее любимых Цицероном юристов. Среди множества различных произведений им была написана небольшая работа в двух книгах, озаглавленная *Ad Brutum* и представлявшая собой первый в истории римского права краткий комментарий к преторскому эдикту³⁸.

³⁵ Юлиан (L. Octavius Cornelius Salvius Iulianus Aemilianus) ок. 100 г. н. э. – ? – один из наиболее известных римских юристов; консул 148 г. н. э., советник императоров Адриана, Антонина Пия, Марка Аврелия и Луция Вера, ученик Яволена Приска, последний глава школы сабинианцев. Около 130 г. н. э. по приказу Адриана составил *Edictum perpetuum*. Произведения: «Дигесты» в 90 кн.; комментарии «К Миницию» и «К Урсею Фероксу». См.: Бартошек М. Римское право: понятия, термины, определения. М., 1989. С. 336; Гарсия Гарридо М. Х. Римское частное право: казусы, иски и институты. М., 2005. С. 100; Дождев Д. В. Римское частное право: Учебник. М., 2008. С. 43–44, 53–54.

³⁶ Ульпиан (Domitius Ulpianus) ? – 228 г. н. э. – блестящий юрист-классик, помощник Папиниана, префект анноны, префект претория, главный советник императора Александра Севера; в 228 г. н. э. убит преторианцами на глазах императора. Отличался ясностью мысли и стиля изложения материала; фрагменты его произведений составляют около одной трети всех «Дигест» Юстиниана. Основные произведения: «Комментарий к эдикту» в 83 кн.; «Комментарий к Сабину» в 51 кн. Помимо этого были написаны монографии, посвященные анализу конкретных сюжетов (*Ad l. Iuliam de adulteriis*, *Ad l. Iuliam et Papiam*, *De appellationibus*, *De adulteriis* и др.), группа работ о правомочиях отдельных магистратов (*De officio consularium*, *De officio proconsulis* и т. д.), «Институции» и т. д. О нем среди бесчисленного множества справочной и учебной литературы см. прекрасную монографию: Honoré T. Ulpian: Pioneer of Human Rights. Oxford, 2002.

³⁷ D.1.1.2.38 *Pomp. sing. Ench.*: Sextum Aelium etiam Ennius laudavit et exstat illius liber qui inscribitur «tripertita», qui liber ueluti *cunabula iuris* continet: tripertita autem dicitur, quoniam lege duodecim tabularum praeposita iungitur interpretatio, deinde subtexitur legis actio.

³⁸ D.1.2.2.44 *Pomp. sing. Ench.*: ...Seruius duos libros ad Brutum perquam breuissimos ad edictum subscriptos reliquit.

Спустя один век после этого ученик Атея Капитона юрист Массурий Сабин написал дидактическое сочинение в трех книгах, озаглавленное «О гражданском праве» и ставшее фактически первым учебником по римскому гражданскому праву. В короткой и доступной форме в нем разбирались вопросы наследственного права, затем права лиц, обязательственного и вещного права. Еще чуть меньше, чем через век после Сабина, в 130 г. н. э., юрист Сальвий Юлиан по приказанию императора Адриана на основе всех доступных ему преторских эдиктов составил *Edictum perpetuum*. Эти два памятника юридической мысли – сочинение Сабина и «Вечный эдикт» – во многом предопределили облик всей последующей римской правовой науки: практически все видные юристы классического периода – Помпоний, Павел, Ульпиан и другие – оставляли после себя многотомные «Комментарии к эдикту» и «Комментарии к Сабину». Естественно, что единство комментируемых первоисточников предполагало по меньшей мере схожесть употребляемой юристами лексики, нахождение их в едином семантическом поле.

Наконец, появление и развитие жанра институций также указывают на становление единой системы правовой терминологии: в учебной литературе автор был вынужден излагать материал максимально просто и однозначно и, следовательно, должен был подбирать для этого как можно более техничную и профессиональную лексику. Классическим примером такого сочинения стали как раз процитированные выше «Институции Гая».

Основываясь на сказанном, можно утверждать, что причина появления разного рода дидактических схем, классификаций и обобщений в трудах юристов периода Ранней империи коренится в том, что к этому периоду постепенно вырабатывается профессиональный язык юриспруденции, складывается общее понятийное поле, в рамках которого в дальнейшем развивается римская правовая наука. Применительно к исследуемому понятию это означает, что примерно в период с I в. до н. э. до II в. н. э. складывается и закрепляется «материальное» понимание термина *res publica* в значении «общие» или «публичные вещи». В его состав входили многочисленные статьи имущества общего пользования, как то: дороги, реки, акведуки, мосты, городские стены и т. д. Тот же факт, что само понятие *res publicae* использовалось достаточно редко, объясняется особенностью римской юриспруденции, которая, как правило, имела дело с отдельными делами, частными казусами, где только можно избегая общих понятий и определений³⁹. Юристам доводилось разбирать дела, связанные с использованием публичными дорогами, рынками или мостами, но крайне редко возникала нужда высказываться относительно публичных вещей в целом⁴⁰.

Подводя промежуточный итог сказанному, легко заметить, что коннотации «общее дело» и «достояние народа» ни в коей мере не противоречат друг другу. Напротив, первое из этих значений, как более широкое, в известной степени вбирает в себя второе. Ведь признание неких вещей (дорог, рек, мостов, площадей и т. д.) публичным достоянием подразумевало необходимость общей ответственности за них, а также публичной заботы о поддержании этих вещей в должном состоянии, т. е. как раз «общего дела». Более того, римляне осознавали, что вещи бывают как телесные, так и бестелесные (см. приведенную выше цитату Гая), и под последними они понимали, как правило, обязательства, право наследства или, шире, права,

³⁹ По этому поводу можно вспомнить знаменитое высказывание Яволена Приска, закрепленное в 50-й книге «Дигест»: *D.50.17.202, Iavolenus XI epist.: Omnis definitio in iure civili periculosa est: parum est enim, ut non subverti posset*. Именно этим, а не некоей злой волей имперских юристов, которые с некими «имперскими целями» ввели «категорию *res publicae* (во множественном числе) и тем самым дали возможность указывать на эмпирически ощущаемые вещи в имперской жизни, стоящие за этим термином» (Хархордин О. В. Республика, или Дело публики. С. 36; см. также схожие рассуждения О. В. Хархордина, но подкрепленные большим количеством цитат в статье: Хархордин О. В. Была ли Res Publica вещью? // Неприкосновенный запас. № 55. 2007. С. 97–119), стоит объяснять, с одной стороны, относительно позднее появление понятия *res publicae*, с другой же – редкое его использование.

⁴⁰ Исключения, впрочем, были. См., например, суждение Ульпиана о видах интердиктов, где раскрывается содержание понятия *res publicae*: *D.43.1.1pr., Ulp. LXVII ad ed.: De rebus hominum interdicta redduntur aut de his, quae sunt alicuius, aut de his, quae nullius sunt. Quae sunt nullius, haec sunt: liberae personae, de quibus exhibendis ducendis interdicta competunt. Quae sunt alicuius, haec sunt aut publica aut singulorum. Publica: de locis publicis, de viis deque fluminibus publicis.*

законы, суд, т. е. то, что необходимо должно быть элементом жизни любой общности, считающей себя народом, элементом ее *res publica*, «общего дела» или «народного достояния»⁴¹.

Определение «общего дела», данное Цицероном, хотя и было очень сильным, но все же имело свои ограничения и не было универсальным. Требование «разумного согласия о праве», как уже говорилось, подразумевает регулярные гражданские собрания и активное общение граждан как на них, так и вне их. Подобного же рода собрания возможны и действительны лишь в пределах относительно небольшого коллектива. Иначе говоря, социальную реальность гражданской общины (или даже нескольких общин) этим определением описать можно, а реальность огромной империи уже нельзя. Дефиниция Цицерона сохраняла свою актуальность вплоть до начала III в. н. э., когда социально-политическая жизнь Империи подверглась ряду фундаментальных перемен, начавшихся эдиктом Каракаллы 212 г. и закрепленных реформами Диоклетиана (284–303) и Константина (306–337). До начала этих перемен принципиально важной, образующей для всей римской правовой системы была возможность прямой связи простых граждан с властью (будь то претор в республиканский период или император в период Принципата), осуществлявшаяся благодаря юристам. Они консультировали обывателей и судей, помогали формулировать запросы, облакали их в нужную, юридически верную форму и транслировали вверх или вниз, в зависимости от инициатора и адресата запроса, а затем они же истолковывали полученный ответ. Благодаря этой коммуникации, пронизывавшей, по сути, все римское общество, и держалась та самая *res publica*, то правовое согласие, о котором писал Цицерон в одноименном диалоге.

Эта возможность сохранялась и реализовывалась не в последнюю очередь благодаря тому, что число римских граждан – не жителей Империи, но людей, обладавших всей полнотой прав и привилегий, входящих в понятие римского гражданства, – было относительно невелико. Эдикт Каракаллы, даровавший гражданство всему населению Империи, нанес жестокий удар существовавшей системе, поставив под вопрос реальность прямой коммуникации граждан и власти. Реформы Диоклетиана и Константина довершили изменения структуры римского общества и окончательно уничтожили описанную выше коммуникацию. Это достаточно легко прослеживается по инскрипциям (адресам) императорских конституций, включенных в позднейшие кодификации, прежде всего в кодексы Феодосия (438) и Юстиниана (529). Императорские постановления более раннего периода были, как правило, адресованы частным лицам и представляли собой классические рескрипты, т. е. ответы императоров на адресованные им жалобы, прошения и запросы. Начиная же с Константина, императорские письма адресуются высшим должностным лицам Империи – префектам претория, префектам города, на худой конец, наместникам провинций или, в качестве альтернативы, – Сенату, народу, палатинам, жителям какой-либо конкретной провинции, т. е. некоей зачастую вполне абстрактной общности, а не отдельным лицам.

С одной стороны, уничтожение связи граждан и верховной власти, а с другой – неимоверное, во множество раз, увеличение количества самих граждан сделали абсолютно невозможным достижение «разумного согласия о праве», чаемого Цицероном. Необходимо было искать другое основание для объединения, по-прежнему называвшего себя «римским народом». Оно было предложено епископом Гиппона Аврелием Августином (354–430) в тексте его

⁴¹ См. классическую цитату Цицерона из диалога *De officiis* (I. 17. 53): *multa enim sunt civibus inter se communia, forum, fana, porticus, viae, leges, iura, iudicia, suffragia, consuetudines praeterea et familiaritates multisque cum multis res rationesque contractae*. Ср. с очень близким по содержанию фрагментом из «Шести книг о государстве» Жана Бодена: *République*, I. 2. 5: «Но кроме суверенитета нужно, чтобы было что-либо и общее, и публичное: как публичный домен, публичная казна, окрестности города, улица, стены, площади, храмы, рынки, обычаи, законы, кутюмы, правосудие, награды, наказания и другие подобные вещи, которые или общие, или публичные, или и то и другое вместе: так как это не *Res publica*, если в ней нет ничего публичного» (пер. Е. С. Захаровой под ред. А. В. Мареля).

знаменитого трактата *De civitate Dei*, некорректно переводимого на русский язык как «О граде Божьем»⁴².

В 19-й книге трактата Августин выстраивает критику Цицероновской дефиниции народа, завершая ее своим предложением по модификации старого определения: «Если же народу дать не это, а другое определение, если сказать, например: „народ есть разумное собрание множества, объединенного сердечным согласием (*concordia*) относительно некоей общности вещей, которые она любит“, в таком случае, чтобы видеть, каков тот или иной народ, нужно обратить внимание на то, что он любит. Что бы, впрочем, он ни любил, если это собрание множества не скотов, но существ разумных и если оно объединено сердечным согласием относительно общности вещей, которые оно любит, оно не без основания называется народом, который будет, конечно, настолько лучше, насколько он единокорен (*concor*) в лучшем, и настолько хуже, насколько единокорен в худшем. Согласно этому нашему определению, римский народ является народом; и вещь его, без сомнения, есть достояние публичное» (*De civ. XIX, 24*)⁴³.

Можно отметить несколько моментов, как сближающих определение Августина с Цицероновской формулировкой, так и разводящих их в стороны. Прежде всего, бросается в глаза, что оба автора воспринимают римский народ как некий единый организм, обладающий политической субъектностью. *Res publica* у них обоих описывается как нечто внутреннее по отношению к народу, имманентное ему, то, без чего народ не может существовать, и одновременно – то, что не существует вне и помимо народа. Но если Цицерон делает больший акцент на «общем деле», объединяющем людей (пусть даже этим делом становится забота о «публичных вещах»), для Августина более важным становится именно вещественная природа рассматриваемого понятия, *res publica* трактуется им как объект любви. Это, по-моему, стало прямым следствием отказа Августина от правовой природы *res publica*. Он подчеркивает, что в языческом сообществе невозможно согласие о праве, поскольку оно требует для начала общих представлений о справедливости (*iustitia*), а справедливость покоится в Боге. Соответственно, утверждает гиппонский епископ, если принимать определение народа, предложенное Цицероном и Сципионом, то в отсутствие согласия о праве народ рассыпается. Без народа же исчезает и «достояние народа», превращаясь в достояние какой-то толпы, недостойной иного имени⁴⁴.

Таким образом, точкой расхождения Цицерона и Августина стал спор о конституирующем принципе, т. е. о том, что именно лежит в основе любого политического объединения, претендующего на имя народа. Прямым следствием этого, как уже было показано выше, стало разное понимание ими того, что есть *res publica*. Там, где Цицерон выделяет рациональное проговаривание правил общежития и поддержание принципа гражданской добросовестности, Августин выдвигает вперед эмоциональное начало. Рациональное начало, по его мнению, при-суще каждому человеку в отдельности, но оно не способно выступить триггером какого-либо политического объединения. Напротив, эмоция, а точнее, любовь к некоей общей вещи (*res publica*) как раз объединяет людей, сплачивает их, делает единым целым, одним народом⁴⁵.

⁴² *Civitas*, как было показано выше, прежде всего не город, а именно гражданская община, т. е. город как сообщество жителей, а не совокупность построек.

⁴³ Перевод дается с моими исправлениями. – А. М. *De civ. XIX. 24: Si autem populus non isto, sed alio definiatur modo, velut si dicatur: «Populus est coetus multitudinis rationalis rerum quas diligit concordia communitate sociatus», profecto, ut videatur qualis quisque populus sit, illa sunt intuenda, quae diligit. Quaecumque tamen diligit, si coetus est multitudinis non pecorum, sed rationalium creaturarum et eorum quae diligit concordia communitate sociatus est, non absurde populus nuncupatur; tanto utique melior, quanto in melioribus, tantoque deterior, quanto est in deterioribus concors. Secundum istam definitionem nostram Romanus populus populus est et res eius sine dubitatione respublica.*

⁴⁴ *De civ. XIX. 21: Quocirca ubi non est vera iustitia, iuris consensu sociatus coetus hominum non potest esse et ideo nec populus iuxta illam Scipionis vel Ciceronis definitionem; et si non populus, nec res populi, sed qualiscumque multitudinis, quae populi nomine digna non est.*

⁴⁵ Отдельно отмечу, что у Августина речь идет о единении в любви к некоей общей вещи, а вовсе не «сердечное согласие братьев во Христе», как об этом пишет Хархордин в своей книге: Хархордин О. В. Республика, или Дело публики. С. 37. В противном случае получается, что настоящим народом может быть только народ Христов, а Августин открыто утверждает

Иными словами, Цицерон говорит, что *res publica* надо делать, Августин же утверждает, что ее нужно любить.

Позднейшие приверженцы политического августинианства разовьют эту мысль, утверждая, что подобным *предметом общей любви* может быть и человек, а именно король (природа слова *res* позволяет прочитывать его и подобным образом). В таком случае народ становится народом лишь тогда, когда объединяется в любви к своему королю. В случае же восстания против него, равно как и в случае предательства, совершенного народом по отношению к королю, народ перестает быть таковым, превращаясь в лишенную всякой субъектности толпу. Впрочем, неизменно верно и обратное – как уже говорилось, *res publica* не живет вне и помимо народа, что в данном контексте означает, что король остается таковым только тогда, когда с любовью и с подобающей строгостью правит своим народом.

Определение Августина и, шире, его концепция любви как триггера всякого политического объединения⁴⁶ оказались более востребованными и актуальными, нежели изначальная дефиниция Цицерона. Дело в том, что формула римского оратора прекрасно работает лишь в относительно небольших коллективах. Да, Цицерон нигде не прописывал территориального ограничения понятия «народ» и, как следствие, понятия *res publica*, но оно вытекало из самой его логики. Ведь если нашим «общим делом» становится реитеративное проговаривание и коллективное осмысление практик общежития, то это требует относительно небольшого (в количественном и территориальном отношении) состава гражданской общины. Представить себе подобные рационализирующие практики в объеме огромной империи просто невозможно. Замена же их на фактор эмоциональной общности, очевидно, снимает это ограничение. Даже в Древнем мире было понятно, что сердечное согласие относительно предмета общей любви вовсе не требует ни личных встреч соглашающихся друг с другом или с предметом их любви, ни даже личного знакомства. Любить нечто общее вполне можно, даже находясь на огромном расстоянии друг от друга.

Подводя итоги раздела, можно постулировать, что к середине V в. н. э. сформировались два основных подхода к тому, что есть *res publica*. В рамках первого из них, принадлежащего Цицерону, это понятие трактовалось как «общее дело» и подразумевало наличие между членами политической общности – народа – рационального согласия относительно того, что такое право и по каким правилам им следует выстраивать свою жизнь. Еще одной гранью «общего дела», отраженной не только у Цицерона, но и в текстах римско-правовой традиции, в том числе и вошедших в состав Свода Юстиниана, было понимание того, что у народа (или, уже, у гражданской общины – *civitas*) есть некий объем общих (или публичных) вещей – *res publicae*. В их отношении «общим делом» становилась забота о них, поддержание в надлежащем порядке дорог, скотопроездных путей, акведуков, мостов, стен, площадей и т. д. В рамках второй трактовки, сформулированной прежде всего Аврелием Августином, *res publica* воспринималась как общий объект любви и единение, в том числе политическое, достигалось как раз благодаря любви к этому объекту.

При этом обоим авторам объединяет понимание *res publica* как начала, имманентного по отношению к народу (*populus*), который и является единственным актором политического поля. Собственно, именно наличие «общего дела» или, если следовать Августину, «общего предмета любви» и делает из разрозненного множества людей народ – единый, обладающий субъектностью, способный к совершению солидарных действий и к назначению своих представителей-магистратов, выступающих от его имени.

совершенно обратное.

⁴⁶ Именно всякого: можно вспомнить классическое его рассуждение о различии *civitas Dei* и *civitas terrena*, в русском переводе «града Божьего» и «града земного». Они, пишет прелат, объединены двумя родами любви: первый – любовью к Богу, доходящей до презрения к себе, второй – любовью к себе, доходящей до презрения к Богу.

На протяжении последующих нескольких веков можно проследить сначала постепенное угасание интереса к феномену *res publica* (или, как его стали писать в Средние века, *respublica*), а затем возрождение, связанное во многом с комплексом процессов в европейской культуре, известных как «Ренессанс XII века». Это не могло не отразиться и на судьбе понятия «народ». С одной стороны, превалирующей методологической рамкой его осмысления в этот период оставалась Цицеронианско-августинианская парадигма. С другой же – видно, как на фоне серьезнейшего упадка интеллектуальной культуры – в частности, тексты Цицерона на несколько столетий практически выпали из оборота, их перестали читать и комментировать – деградировала и мысль о народе. Формулировки Цицерона и Августина, безусловно, знали, но, поскольку фрагмент из *De re publica* был известен только в контексте августиновского трактата⁴⁷, они иногда подвергались весьма любопытным трансформациям, смешиваясь друг с другом.

Достаточно ярким примером, иллюстрирующим сказанное, можно счесть труды Исидора Севильского, одного из так называемых «последних римлян», человека энциклопедически образованного, автора знаменитых «Этимологий», или «Начал в 20 книгах»⁴⁸. На протяжении всего своего творчества Исидор крайне редко обращался к теме народа, еще реже – к понятию *respublica* (оно у него употреблялось всего 2 раза). Определение Августина он, безусловно, знал, что ясно из фрагмента его «Этимологий»⁴⁹. Как видно из приведенной в сноске цитаты, у испанского прелата выпущено слово *coetus*, фигурирующее в обеих исходных дефинициях. В оставшейся же части определения остался цицеронианский *consensus iuris*, а «общность пользы» оказалась заменена словосочетанием *communio concordi*, т. е. искаженной «общностью сердечного согласия». В свою очередь, «вещей, которые любит *humana multitudo*», т. е. объекта августинианского сердечного согласия, в определении Исидора тоже нет. Очевидно, что Исидор цитировал нужное ему определение наизусть, не сверяясь с рукописью, – только так можно логично объяснить возникшую в его тексте контаминацию двух разных определений. В результате, что естественно, и родилась полубессмысленная формула, практически не получившая дальнейшего развития⁵⁰.

Схожий вариант эволюции цицеронианского понимания народа можно найти в творчестве Фомы Аквинского (1225–1274), о собственной концепции которого дальше будет сказано гораздо подробнее. В одном из комментариев на книгу Псалмов Аквинат, размышляя о том, являются ли иудеи народом Божиим и чем они как такой народ отличаются от прочих народностей (*gentes*), вспоминает определение Цицерона. Правда, в трактовке Фомы оно звучит как «множество людей, связанных согласием о праве»⁵¹: из исходной дефиниции пропадают как *собрание (coetus)*, так и «общность пользы», а то право, относительно которого соглашаются

⁴⁷ О судьбе в средневековой традиции комментируемых фрагментов Цицерона см. статью: *Kempshall M. S. De Republica I.39 in Medieval and Renaissance Political Thought // Cicero's Republic / Ed. by J. A. North and J. G. F. Powell. London, 2001. P. 99–135.*

⁴⁸ О жизни и творчестве Исидора см. относительно недавнюю монографию Елены Марей и ряд разделов в коллективном труде «Теология и политика...»: *Ауров О. В., Марей Е. С. Теология и политика. Власть, церковь и текст в Королевствах Вестготов (V – начало VIII в.): Исследования и переводы. М., 2017; Марей Е. С. Энциклопедист, богослов, юрист: Исидор Севильский и его представления о праве и правосудии. М., 2014.*

⁴⁹ *Isid. Etym. IX. 4. 5–6: Populus est humanae multitudinis, iuris consensu et concordi communione sociatus.*

⁵⁰ Отмечу, что отечественным исследователем С. В. Рассадным была предпринята достаточно смешная и наивная попытка «реабилитации» Исидоровой дефиниции народа. Он предлагает свой «перевод» приведенной в предыдущей сноске фразы: «Народ – это человеческое множество, объединенное по общему договору законом и согласием» (*Рассадин С. В. Становление модели 'Populus Christianus'. «Метасоциальный» порядок Средневековья // Вестник ТвГУ. Серия «Философия». 2017. № 1. С. 48*). Причем, нимало не стесняясь, он использует для своего «перевода» раскавыченную цитату из книги В. И. Уколовой, где та не переводит Исидора, но дает свою интерпретацию его концепции (*Уколова В. И. Античное наследие и культура Раннего Средневековья. М., 1989. С. 242*).

⁵¹ *Super Psalmo 2, n. 1.: Populus est multitudo hominum iuris consensu sociata. Et ideo Judaei dicuntur populus, quia cum lege et sub lege Dei sunt. Alii dicuntur gentes, quia non sunt sub lege Dei. Alii dicuntur gentes, quia non sunt sub lege Dei.*

члены народа, трактуется как закон Божий. Отвлекаясь немного в сторону, отмечу, что из критериев, выделявшихся Цицероном, именно «общность пользы» страдала более всего в последующей рецепции. Причину этого однозначно установить сложно, однако рискну предположить, что понимание *communio utilitatis* было напрямую связано с бытованием гражданской общины полисного типа.

Идеальная политическая форма

Еще в римской культуре сформировались представления о *res publica* как некоем теле⁵², но римляне никогда не прописывали их полностью, целостной корпоральной метафоры не возникало. Причиной этого следует считать тот факт, что основным (а временами и единственным!) действующим лицом в политике и правотворчестве для римлян выступал народ, о чем говорилось выше. Именно он осознавался как некая целостность, имеющая определенную форму. На долю *res publica* в этом контексте оставались в основном содержательные коннотации – ее, как правило, нельзя было потрогать и даже увидеть (если речь не шла о конкретных публичных вещах, конечно). Поэтому и корпоральные метафоры воспринимались как нечто вторичное, орнаментальное.

Ситуация изменилась с закреплением христианства как официальной, а потом и единственно допустимой религии в Империи. Благодаря тому, что образ Церкви как тела содержался в Первом послании Павла к Коринфянам (1 Кор. 12:12–14), а это Послание, в свою очередь, было одним из самых читаемых и цитируемых текстов Нового Завета, корпоральные метафоры стали весьма популярны в христианском мире. Еще одним фактором, который нельзя не упомянуть, стало фактическое исчезновение из европейской интеллектуальной культуры всего массива классической философии как минимум с конца VI – начала VII в. На протяжении нескольких веков, вплоть до так называемого «Ренессанса XII века»⁵³, основным (а временами и единственным) источником понятийной, терминологической, образной систем для европейских интеллектуалов осталось лишь Священное Писание. В отсутствие переведенных сочинений Платона и Аристотеля, в отсутствие речей и иных сочинений Цицерона, Ливия, Тацита и др. даже сочинения Отцов Церкви (того же Августина) читались «одномерно», с них считывался слой, восходящий к Библии, остальное же терялось. Наконец, разрушение полисного строя, упадок и гибель многих европейских городов, исчезновение на Западе империи (не как образа, но как геополитической реальности) тоже способствовали упрощению и вульгаризации политико-философских и правовых представлений, свойственных предшествующей эпохе. Мысль о *res publica* замерла на несколько столетий, а когда вернулась, понятие воспринималось уже по-иному. *Respublica* стала пониматься как тело.

Одна из наиболее ярких иллюстраций этого – знаменитый «Поликратик» Иоанна Солсберийского. Во 2-й главе 5-й книги трактата его автор описывает *respublica*, ссылаясь при этом на так называемое «Наставление Траяну» – латинский трактат конца IV – середины V в., авторство которого Иоанн приписывает Плутарху⁵⁴, – как «некое тело, что одушевляется благодеянием Божественной щедрости, движется волей высшей справедливости и управляется кормилом разума»⁵⁵. Головой этого тела Иоанн называет правителя⁵⁶, сердцем – сенат⁵⁷, душой

⁵² На это, в частности, указывает О. В. Хархордин, упоминая метафору «*nervi rei publicae*» и ссылаясь при этом на речи Цицерона и на фрагменты «Дигест» Юстиниана (Хархордин О. В. Была ли Res Publica вещью? С. 97–119).

⁵³ См. одноименную работу американского исследователя, по сути давшую свое имя упомянутому периоду: Haskins C. H. The Renaissance of the Twelfth Century. New York, 1927.

⁵⁴ О трактате псевдо-Плутарха «Наставления Траяну» см. подробнее: Desideri S. La «Institutio Traiani». Genova, 1958; Elsmann T. Untersuchungen zur Rezeption der Institutio Traiani. Ein Beitrag zur Nachwirkung antiker und pseudoantiker Topoi im Mittelalter und in der frühen Neuzeit. Stuttgart, 1994; Kloft H., Kerner M. Die Institutio Traiani: Ein pseudo-plutarchischer Text im Mittelalter. Text – Kommentar – Zeitgenössischer Hintergrund. Stuttgart, 1992, а также мою недавнюю статью, где я, в частности, обращаюсь к этому источнику: Мареи А. В. Бог, Король и Земля: Три облика души народа // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 14 (2019). С. 343–344.

⁵⁵ *Policrat. V. 2: Est autem res publica, sicut Plutarco placet, corpus quoddam quod diuini muneris beneficio animatur et summae aequitatis agitur nutu et regitur quodam moderamine rationis.*

⁵⁶ *Policrat. V. 6: Dictum est autem principem locum obtinere Capitis, et qui solius mentis regatur arbitrio.*

⁵⁷ *Policrat. V. 9: Cordis locum, auctore Plutarco, senatus optinet.*

– священников⁵⁸. Описание тела *respublica* продолжается в следующей, шестой книге «Поликратика», где возникают дополнительные подробности. Так, руками политического тела становятся рыцари (рука вооруженная) и судебные официалы (рука безоружная)⁵⁹, ногами же – земледельцы и разного рода ремесленники⁶⁰. По поводу последних Иоанн остроумно замечает, что их «столько, что *respublica* превосходит количеством своих ног не только восьминогих крабов, но даже и стоногих существ»⁶¹.

Обращает на себя внимание тот факт, что, говоря о *respublica*, перечисляя функции разных социальных групп в общем (политическом) теле, Иоанн нигде не использует понятия «народ». Разумеется, он знает слово *populus* и применяет его, но ни разу не дает ему определения и не пишет о нем специально. Народ не имеет в «Поликратике» никаких особенных функций и вообще практически ничего не делает. На него способны влиять грехи и пороки правителя⁶², его можно взбунтовать против *respublica*⁶³, но самостоятельных действий он не совершает. По сути дела, народа как некоего целого в «Поликратике» просто нет.

Складывается парадоксальная ситуация, в которой *respublica* есть, а народа нет. То есть *respublica* уже не может быть определена ни как «общее дело», ни как «общее достояние», поскольку нет того субъекта, делом или достоянием которого она должна была бы быть. Таким образом, она предстает в «Поликратике» как некая политическая форма, как родовое обозначение политического сообщества.

Очень похожим образом трактовал *respublica* и Фома Аквинский, концепция которого отличается, по сравнению с «Поликратиком», большей детализацией и четкостью. Именно с его именем следует связывать кардинальные перемены в понимании как *respublica*, так и народа, произошедшие в средневековой политической мысли, а затем в известной степени сформировавшие мысль Нового времени⁶⁴.

Рассматривая понятие *respublica* в творчестве Аквината, можно обратить внимание на несколько примечательных деталей. С социально-политической точки зрения *respublica* для него представляет собой политическое сообщество⁶⁵. Исходя из приведенного контекста,

⁵⁸ *Policrat. V. 2*: Ea uero quae cultum religionis in nobis instituunt et informant et Dei (ne secundum Plutarcum deorum dicam) ceremonias tradunt, uicem animae in corpore rei publicae obtinent. Illos uero, qui religionis cultui praesunt, quasi animam corporis suspicere et uenerari oportet.

⁵⁹ *Policrat. VI. 1*: Manus itaque rei publicae aut armata est aut inermis. Armata quidem est quae castrensem et cruentam exercet militiam; inermis quae iustitiam expedit et ab armis feriendo iuris militiae seruit. <...> Armata itaque manus in hostem dumtaxat exercetur, at inermis extenditur et in ciuem. Porro utriusque necessaria est disciplina, quia utriusque solet insignis esse malitia.

⁶⁰ *Policrat. VI. 20*: Pedes quidem qui humiliora exercent officia, appellantur, quorum obsequio totius rei publicae membra per terram gradiuntur. In his quidem agricolarum ratio uertitur qui a terrae semper adherent siue in sationalibus siue in consitiuis siue in pascuis siue in floreis agitentur. His etiam aggregantur multae species lanificii artesque mecanicae, quae in ligno ferro ere metallisque uariis consistunt, seruiles quoque obsecundationes et multiplices uictus acquirendi uitaeque sustentandae aut rem familiarem amplificandi formae, quae nec ad praesidendi pertinent auctoritatem et uniuersitati rei publicae usquequaque proficiunt.

⁶¹ *Policrat. VI. 20*: Haec autem tot sunt ut res publica non octipedes cancos sed et centipedes pedum numerositate transcendat, et quidem prae multitudine numerari non possunt, cum tamen non infinita sint per naturam, sed quia tam uariae figurae sunt ut nullus umquam officiorum scriptor in singulas species eorum specialia praecepta dederit.

⁶² *Policrat. IV. 5*: Frequens enim est ut subditi superiorum uitia imitentur, quia magistratui populus studet esse conformis, et unusquisque libenter appetit in quo alium cemit illustrem. (cfr.: *Policrat. VI.29* et al.)

⁶³ *Policrat. VI. 25*: Sunt autem plurima quae maiestatis infomiant crimen, ut si de morte principis tractetur aut magistratum, aut arma quis contra patriam tulerit aut relicto principe de publico bello profugerit aut concitatum in seditionem aduersus rem publicam sollicitauerit populum, cuiusue opera doloue malo hostes populi reique publicae commeatu armis telis pecunia quae alia re adiuuantur uel ex amicis hostes rei publicae fiunt, cuiusue dolo malo opera factum erit quo magis obsides pecunia dentur aduersus rem publicam, quo minus etiam gens extraneae regionis rei publicae obtemperet; fecerit item qui confessum in iudicio reum propter hoc in uinula coniectum emiseric; et in hunc modum plurima quae longum aut impossibile est enarrare.

⁶⁴ Подробный анализ социальной теории Фомы я провел в статье, опубликованной несколько лет назад (*Marey A. From People to Community: A Description of the Social Order by Thomas Aquinas. Part 1: Populus, Respublica, Multitudo // Russian Sociological Review. Vol. 15 (2016). No. 4. P. 162–175*); здесь я лишь кратко изложу основные аргументы.

⁶⁵ *ST, I–II, q. 100 a. 5 co.*: Respondeo dicendum quod, sicut supra dictum est, sicut praecepta legis humanae ordinant hominem ad communitatem humanam, ita praecepta legis divinae ordinant hominem ad quandam communitatem seu rempublicam hominum sub Deo. Ad hoc autem quod aliquis in aliqua communitate bene commoretur, duo requiruntur, quorum primum est ut bene se habeat

можно предположить с известной долей вероятности, что Фома обозначает этим словом не какой-то конкретный *вид* политического сообщества, но таковое как класс. *Respublica* могло быть названо практически любое сообщество, несмотря на его размер, расположение или структуру, – Церковь, к примеру, Аквинат тоже несколько раз определяет как *respublica omnium Christianorum*⁶⁶. При этом у *respublica* в теории Фомы всегда есть благо, иногда называемое *bonum commune*, т. е. «общее благо»⁶⁷, и всегда есть цель, которую обязаны защищать все, кто определяет себя как члена данного сообщества⁶⁸. Управляться такая *respublica* может практически как угодно (например, ей может править король, может – император, князь (*princeps*) или даже народ (*populus*)), и это никак не влияет на ее суть в глазах Фомы. Это, в свою очередь, еще раз прямо указывает на то, что понятием *respublica* Аквинат мог называть вообще любое политическое объединение, будь то империя, королевство или республика в современном значении этого слова.

Аквинат определяет *respublica* не только с социально-политической, но и с онтологической позиции. С такой точки зрения он описывает *respublica* как форму, в то время как охватываемая ею общность людей определяется им как материя⁶⁹. На этом образе стоит остановиться подробнее. Как у формы (в аристотелевской терминологии) у *respublica* не может быть ни начала, ни конца, она никогда не рождается и никогда не умирает, что означает, что она вечна. Все же изменения, которые могут быть замечены в *respublica* с течением времени, относятся к ее материальной стороне, т. е. к народу, так как один человек может умереть, другой – родиться. Меняются люди, но остается неизменной идеальная форма. То есть еще до анализа концепта «народ» в теории Аквината можно отметить, что его *respublica* – это нечто принципиально иное, нежели у Цицерона и Августина. Сходство же с теорией Иоанна Солсберийского подсказывает, что причину этого отличия нужно искать скорее не в классической философии, но в христианском богословии.

Переходя к разговору о народе (*populus*), можно начать с того, что Аквинат никогда, ни разу не упоминает о том, что народ может выступать как законодатель внутри *respublica*. Единственным исключением можно считать фрагмент из «Суммы теологии» (*STh, I–II, q. 97 a. 1 co.*), но и там Фома не излагает собственные мысли, но цитирует Августина. В остальной ситуации с понятием «народ» у Аквината выглядит во многом схожей с описанной выше концепцией Иоанна Солсберийского. Аквинат практически нигде в своем творчестве не обращается непосредственно к народу и не разбирает *populus* как понятие, хотя и использует его весьма часто. Чаще всего, говоря о народе, Фома определяет его как «множество людей», никак не расшифровывая и не углубляя этого определения⁷⁰. Народ, по его мнению, должен управляться свя-

ad eum qui praeest communitati; aliud autem est ut homo bene se habeat ad alios communitatis consocios et comparticipes.

⁶⁶ *ST, II–II, q. 187 a. 4 co.*; *Contra impugnantes, pars 2 cap. 6 co.*

⁶⁷ *Super Sent., lib. 4 d. 38 q. 2 a. 4 qc. 1 ad 1*; *Contra Gentiles, lib. 3 cap. 151 n. 3*; *ST, I–II, q. 61 a. 5 arg. 4*; *ST, II–II, q. 32 a. 6 co.*; *Quodlibet XI, q. 10 a. 2 co.*; etc.

⁶⁸ *Contra Gentiles, lib. 3 cap. 144 n. 4*; *Contra Gentiles, lib. 3 cap. 151 n. 3*; *Quodlibet XI, q. 10 a. 2 co.*; etc.

⁶⁹ *Quodlibet VIII, q. 3 co.* Ponit enim haec opinio quod utrumque, scilicet et quod ex alimento generatur, et quod a parentibus trahitur, indifferenter et aequaliter forma humana perficitur, et utrumque indifferenter manet vel consumitur; manet quidem secundum speciem, consumitur autem et restauratur secundum materiam. Sicut in aliqua republica diversi homines numero ad communitatem pertinent, quibusdam morientibus, et aliis in locum eorum succedentibus; et sic non manet una respublica secundum materiam, quia sunt alii et alii homines; manet tamen una numero quantum ad speciem sive formam, propter ordinis unitatem in officiis distinctis: ita etiam in corpore humano manet caro et os unaquaeque partium eadem numero quantum ad speciem et formam quae consideratur in determinato situ et virtute et figura; non autem manet quantum ad materiam: quia illa materia carnis, in qua talis forma erat, prius consumpta est, et alia in locum eius successit; sicut patet de igne qui continuatur secundum eandem formam et modum, per hoc quod consumptis quibusdam lignis alia supponuntur quae ignem sustinent. Et secundum hanc opinionem, de utroque praedictorum indifferenter, scilicet generato ex alimento et a parentibus tracto, tantum resurget, quantum est necessarium ad speciem et quantitatem debitam humani corporis. См. также: *Super Sent., lib. 4 d. 44 q. 1 a. 2 qc. 4 co.*

⁷⁰ *Super Sent., lib. 3 d. 6 q. 2 a. 1 ad 3*; *ST, I, q. 39 a. 3 co.*; *Sententia Metaphysicae, lib. 5 l. 8 n. 3. etc.*

щенниками, князьями (*principes*) или королями⁷¹, а один раз Фома даже называет его «вещью короля»⁷². Также достаточно часто слово «народ» употребляется им, чтобы обозначить простонародье, противопоставляемое в таком случае аристократии⁷³. Наконец, еще одно значение термина *populus* отсылает читателя к пониманию Аквином Церкви как сообщества верующих. Словосочетания «народ Божий», «народ верных» или «верный народ» достаточно часто употребляются им в его произведениях⁷⁴, однако нигде не разбираются подробно.

Лишь трижды за все время своего творчества Аквинат обращался к прямым определениям понятия *populus*, и каждый из этих случаев достоин отдельного разбора. У них есть как минимум одна общая черта, а именно то, что ни один из этих фрагментов не посвящен непосредственно народу – напротив, во всех трех случаях «народ» служит Фоме лишь примером для иллюстрации того или иного утверждения. Есть и еще один момент, который тоже стоит упомянуть: ни один из этих фрагментов не принадлежит к числу политических текстов Аквината и не входит в их состав. То есть понятие *populus* хотя и существует для Фомы, но не относится к числу принципиально важных и дискуссионных.

В первом из упомянутых фрагментов, включенном в состав первой книги «Комментариев к Сентенциям Петра Ломбардского», Фома рассуждает о том, что коллективное имя (*nomen collectivum*) подразумевает, с одной стороны, множественность означаемых, с другой же – наличие некоего общего принципа или критерия их объединения⁷⁵. В качестве примера он приводит понятие *народ*, которое определяет как *совокупность людей, объединенных вместе каким-либо образом*. Подробнее эта мысль раскрывается во втором из трех отобранных фрагментов, где Фома утверждает, что народ сохраняет свое единство не только в пространстве, но и во времени благодаря трем факторам: общей территории проживания, общим законам и общему образу жизни. Ссылается он при этом на третью книгу «Политики» Аристотеля, незадолго до того переведенную на латынь⁷⁶.

Внешне это определение народа может показаться похожим на те, что были выдвинуты Цицероном и Августином. Однако скрепы, собирающие людей в один народ, согласно теориям двух названных авторов, имеют характер внутренний по отношению к самому народу. И разумное согласие, построенное на воспроизводящихся ритуалах проговаривания правил общежития, и сердечное согласие, в основе которого лежат практики политического эмоционализма, возникают внутри коллектива, порождаются самим его существованием и не требуют наличия какого бы то ни было внешнего контроля. В то же время три критерия объединения, выдвинутые Аквином, имеют внешний характер по отношению к народу: ни территория, ни законы от него не зависят, а «образ жизни» представляется описательной категорией, включающей в себя ряд бытообразующих практик, сложившихся под влиянием окружающей среды и т. д. Как следствие, если для Цицерона и Августина народ видится *субъектом* политической, правовой

⁷¹ *ST*, I–II, q. 105 a. 1 s. c.; *ST*, II–II, q. 174 a. 6 ad 2; *Quodlibet* II, q. 6 a. 1 co.; *Quodlibet* III, q. 5 a. 2 arg. 5; etc.

⁷² *Super Sent.*, lib. 2 d. 33 q. 1 a. 2 ad 5.

⁷³ См., например: *De regno*, I. 2: Si vero iniquum regimen exercentur per multos, democratia nuncupatur, id est potentatus populi, quando scilicet populus plebeiorum per potentiam multitudinis opprimit divites. Sic enim populus totus erit quasi unus tyrannus.

⁷⁴ См.: *Super Sent.*, lib. 4 d. 4; *Super Sent.*, lib. 4 d. 8; *ST*, I–II, q. 102 a. 6; *ST*, II–II, q. 87 a. 1 co.; *ST*, II–II, q. 99 a. 1 ad 2. etc.

⁷⁵ *ST*, I, q. 31 a. 1 ad 2: Ad secundum dicendum quod nomen collectivum duo importat, scilicet pluralitatem suppositorum, et unitatem quandam, scilicet ordinis alicuius, *populus enim est multitudo hominum sub aliquo ordine comprehensorum*. Quantum ergo ad primum, hoc nomen Trinitas convenit cum nominibus collectivis, sed quantum ad secundum differt, quia in divina Trinitate non solum est unitas ordinis, sed cum hoc est etiam unitas essentialis. Подробный разбор этой дефиниции см. в классической работе: Congar Y. *Ecclesia' et «populus (fidelis)» dans l'ecclésiologie de S. Thomas // St. Thomas Aquinas: 1274–1974. Commemorative Studies / Ed. by Armando Maurer. Toronto, 1974. P. 159–174.*

⁷⁶ *De spiritualibus creaturis*, a. 9 ad 10. Ad decimum dicendum quod sicut fluvius Sequana non est hic fluvius propter hanc aquam fluentem, sed propter hanc originem et hunc alveum, unde semper dicitur idem fluvius, licet sit alia aqua defluens; ita est idem populus non propter identitatem animae aut hominum, sed propter eandem habitationem, vel magis propter easdem leges et eundem modum vivendi, ut Aristoteles dicit in III Politic.

и религиозной жизни, для Аквината он предстает *объектом*, претерпевающим те или иные формирующие воздействия на него со стороны правителя, территории или природы.

В третьем фрагменте Фома рассуждает о Церкви, уподобляя ее народу. Он выделяет два типа объединений (*congregatio*) людей: экономическое и политическое, относя Церковь ко второму типу. Критерием для деления становится принадлежность людей, входящих в эти объединения: если они все из одного домохозяйства, перед нами экономическая общность, если из одного народа – политическая. Церковь же, замечает Фома, подобна политическому объединению, поскольку она и есть народ⁷⁷. Но даже в этом определении, наиболее близком из всех остальных к теме политического, Аквинат отказывает народу в субъектности. Народ оказывается нужен ему лишь для указания на тот источник, откуда берутся люди, составляющие то или иное объединение.

Получается, что народ для Фомы Аквинского уже не является субъектом политического действия. Более того, в текстах великого доминиканца народ как нечто единичное тоже отсутствует, его подменяют разного уровня *совокупности* (*multitudo*), как и народ, лишённые субъектности, как и народ, определяющиеся по тем или иным внешним признакам. В этом смысле весьма характерным и показательным выглядит фрагмент из «Вопросов о чем угодно», приведенный выше⁷⁸, в котором Фома обращается к понятию *respublica*.

Причины подобной объективации народа следует искать в возвращении в политическую мысль Европы философии Аристотеля. Очевидно, что для самого Стагирита народ не существовал как понятие, поскольку греческий *demos*, как уже говорилось, означал скорее простонародье, нежели всю совокупность граждан полиса. С другой стороны, для концепции полиса принципиальную важность имело понятие территории и, как следствие, границ. Введение же в концепцию *populus* пространственного аргумента, как одного из образующих народ факторов, перенесло ее центр тяжести с человеческих взаимоотношений на территорию обитания этих людей. Собственно, люди при такой постановке вопроса стали вторичны по отношению к земле, больше того: они стали восприниматься как *принадлежность земли*, то, что произрастает на ней и, как следствие, составляет один объект, на который распространяется право собственности короля. В свою очередь, появление короля как обязательной фигуры собственника логично повлекло за собой и введение еще одного элемента в концепцию народа – законов, даваемых королем, которые объединяют людей и перед лицом которых все люди представляют собой один народ. Отсюда – от идеи ограниченной территории, охваченной законами, общими для всех ее обитателей, – оставался всего один шаг до образа современного государства.

Перед тем как его сделать, необходимо сказать несколько слов о еще одной коннотации понятия *respublica*, развивавшейся в рамках средневековой политической публицистики, прежде всего французской. На материале анализа латинского анонимного трактата «Спор между священником и рыцарем» и его французского перевода второй половины XIV в., включенного в состав знаменитого «Сна садовника», Мария Пономарева убедительно показывает, что в исходном тексте *respublica* понималась вполне в русле августинианско-цицеронианской парадигмы, как «источник и цель политического взаимодействия различных членов, от короля и рыцаря до городов и священников»⁷⁹, т. е. как «общее дело», объединяющее все королевство в единое целое. При переводе на французский, однако, понятийное единство раскалыва-

⁷⁷ *Super Sent., lib. 4 d. 20 q. 1 a. 4 qc. 1 co.*: Sed in Ecclesia tota est indeficientia meritorum praecipue propter meritum Christi; et ideo solus ille qui praeficitur Ecclesiae, potest indulgentiam elargiri. Sed cum Ecclesia sit congregatio fidelium; congregatio autem hominum sit duplex; scilicet oeconomica, ut illi qui sunt de una familia; et politica, sicut illi qui sunt de uno populo; Ecclesia similitur congregationi politicae, quia ipse populus Ecclesia dicitur. См. также разбор этого пассажа в упоминавшейся выше статье Ива Конгара: *Congar Y. Ecclesia' et 'populus (fidelis)' dans l' ecclésiologie de S. Thomas.*

⁷⁸ См. прим. 4 на с. 50.

⁷⁹ См.: Пономарева М. А. 'Patria' и 'Respublica' во французской политической публицистике XIV века // Философия. Журнал Высшей школы экономики. № II (3). 2018. С. 55.

ется. *Respublica* или переводится непосредственно как «публичная вещь» (*chose publique*), или используется для обозначения политического объединения, будь то империя или королевство. В этом случае рассматриваемое понятие «становится в один ряд с *le pays* и *le peuple*, а его место занимает классическое понятие общего блага – *le bien commun*»⁸⁰.

Таким образом, подводя итоги раздела, можно отметить, что в период высокого и затем позднего Средневековья понятие *respublica* претерпевает ряд серьезных изменений. В схоластической парадигме, представленной в статье Иоанном Солсберийским и Фомой Аквинским, а за пределами текста еще несколькими авторами, *respublica* начинает описываться как политическая форма, существующая автономно от народа. Народ при этом лишается своей субъектности и описывается как множество людей, объединенных общей территорией, законами и образом жизни, либо же просто не удостоивается никакого определения. Его роль вместо творца политики (как это виделось Цицерону и Августину) сводится к претерпевающей, а в предельном значении к роли королевского имущества. При этом, отмечу, в источниках упорно повторяется формулировка, согласно которой народ состоит не только из простолюдинов, но из представителей всех имущественных и социальных страт. В сочетании с предыдущим аргументом этот приводит к тому, что как «вещь короля» рассматриваются не только крестьяне, но и рыцари, и священники, и знать.

В подобной трактовке народа и *respublica* нельзя не увидеть предчувствия, интуиции, пока еще неясной, модерного государства и сопутствующей ему абсолютной монархии. Возможно, именно поэтому трактовка и народа, и *respublica*, предложенная Фомой и развитая его последователями, достаточно долгое время оставалась в тени исходной Цицеронианско-августинианской концепции. «Ее время» настало лишь в эпоху раннего Нового времени, в XVI–XVII вв., когда интеллектуалам, осмыслявшим новые реалии рождающегося европейского государства, пришлось создавать новый понятийный аппарат или отчасти приспособливать старый, переопределяя привычные уже понятия.

⁸⁰ Пономарева М. А. 'Patria' и 'Respublica' во французской политической публицистике XIV века // Философия. Журнал Высшей школы экономики. № II (3). 2018. С. 55.

Когда *respublica* – это государство

Автономизация *respublica* и фактически исчезновение концепта народа суть отличительные черты политической концепции одного из наиболее ярких представителей европейского томизма XVI в., основателя Саламанкской школы Франсиско де Витории (1483–1546). Прозванный учениками «Сократом своего времени», Витория не оставил после себя трактатов, зато сохранились записи его лекций, сделанные студентами. К проблеме понятия *respublica* Витория напрямую обращается несколько раз, в лекции о гражданской власти (1528) и во второй (из двух) лекции об индейцах и о праве войны (1539). Начну я со второй лекции из названных, поскольку именно в ней он дает определение понятию *respublica*.

Короче всего, говорит Витория, было бы сказать, что *respublica* есть совершенная общность. Но это сразу же вызовет вопрос о том, а что такое совершенная общность⁸¹. Отвечая на него, Витория по сути формулирует первую европейскую теорию суверенитета, почти за 40 лет до знаменитых «Шести книг о государстве» Жана Бодена. Он отмечает, что совершенство подразумевает полноту, и, следовательно, когда *respublica* называют совершенной общностью, имеют в виду, что она не составляет часть другой *respublica*, имеет свои законы, свое правительство и своих чиновников⁸². Как видно из латинского текста в сноске, Витория перехватывает республиканскую терминологию Цицерона, но использует ее уже в совершенно ином контексте. По сути дела, его *respublica* – это уже знакомое нам европейское раннемоdernое государство: у него есть своя территория, свои законы, за счет чего оно независимо от иных подобных ему, свои правители и свои чиновники, которых Витория называет магистратами.

Согласно лекции о гражданской власти⁸³, *respublica* возникает, с одной стороны, из человеческой природы, подразумевающей потребность всякого человеческого сообщества в управлении и во власти, с другой же – волею Бога, от которого исходит всякая власть⁸⁴. Как и в более поздней лекции, Витория подчеркивает здесь самодостаточность *respublica*, ее автаркичность, выражающуюся в том, что ее материальная причина лежит в ней самой и, следовательно, ей подобаает самой управлять собой и направлять все свои власти к общему благу⁸⁵.

При этом, по утверждению Витории, хотя *respublica* и имеет власть над своими частями, она не может ее реализовать, ибо власть не может реализовываться *совокупностью* (*multitudo*), для этого нужны специально поставленные люди, один или несколько⁸⁶. Ставит этих людей сама *respublica*, которая, по меткому выражению Витории, создает себе короля. Здесь таится один из самых сложных и плохо проговоренных моментов: *respublica* не может передать королю власть, ибо власть принадлежит не ей, но дается Богом. Она может передать королю

⁸¹ *DI-2.7*: Ad hoc breviter respondetur quod respublica proprie vocatur perfecta communitas. Sed hoc ipsum est dubium quae sit perfecta communitas.

⁸² *DI-2.7*: Pro quo notandum, quod perfectum idem est quod totum. Dicitur enim imperfectum cui aliquid deest, et contrario perfectum, cui nihil deest. Est ergo perfecta respublica aut communitas, quae est per se totum, id est, quae non est alterius reipublicae pars, sed quae habet proprias leges, proprium consilium et proprios magistratus, quale est regnum Castellae et Aragoniae et principatus Venetorum et alii similes. Nec enim obstat quin sint plures principatus et reipublicae perfectae sub uno principe.

⁸³ См.: *Vitoria F. Relecciones Teologicas* / Ed. Teófilo Urdañoz. Madrid, 1960; русский перевод см.: *Витория Ф., Марей А. В. Лекция о гражданской власти // Социологическое обозрение. № 12 (3). 2013. С. 52–75.*

⁸⁴ *DPC.5*: Patet ergo fontem et originem civitatum rerumque publicarum non inventum esse hominum, neque inter artificata numerandum, sed tanquam a natura profectum, quae ad mortalium tutelam et conservationem hanc rationem mortalibus suggestit. *DPC.7*: Constitutione ergo divina respublica hanc potestatem habet.

⁸⁵ *DPC.7*: Causa vero materialis, in qua huiusmodi potestas resided iure naturali et divino, est ipsa respublica, cui de se competit gubernare seipsam et administrare, et omnes potestates suas in commune bonum dirigere.

⁸⁶ *DPC.8*: Quia cum respublica potestatem habeat in reipublicae partes, haec autem potestas per ipsam multitudinem exerceri non potest (non enim commode posset leges condere atque edicta proponere, lites dirimere et transgressores punire), necesse ergo fuit ut potestatis administratio alicui aut aliquibus commendaretur, qui huiusmodi curam gererent, et nihil refert, uni an pluribus commendetur.

лишь *авторитет* (*auctoritas*), т. е. признание за ним права осуществлять над подданными эту власть⁸⁷. У самой же общности, составляющей *respublica*, власть в этот момент, по всей видимости, исчезает, ибо Витория отдельно подчеркивает, что никакой двойственности – власть короля и власть общности – не возникает, ибо власть всего одна и всегда едина.

Таким образом, в силу самой человеческой природы, дружелюбной и склонной к общению, возникает общность (*communitas*) или, на худой конец, совокупность (*multitudo*). Единжды возникнув, такая общность порождает в себе *respublica*, чему способствует естественное стремление к власти и необходимость ее иметь. Однако *respublica*, обладая властью над самой собой, не имеет достаточно возможностей, чтобы реализовывать ее – для этого ей необходим правитель, которого она и создает. Обращает на себя внимание то, что единственным актором в этой ситуации остается сама *respublica*, а потом, после создания ею короля, – уже король. Народ (*populus*) не появляется ни на одном из описанных этапов, в результате чего *respublica* в концепции Витории – это уже в полном смысле слова *respublica* без народа.

⁸⁷ *DPC.8*: Videtur ergo quod regia potestas sit non a republica, sed ab ipso Deo, ut catholici doctores sentiunt. Quamvis enim a republica constituatur (creat namque respublica regem) non potestatem, sed propriam auctoritatem in regem transfert, nec sunt duae potestates, una regia, altera communitatis. *DI-2.6*: Princeps non est nisi ex electione reipublicae. Ergo gerit vicem et auctoritatem illius. Imo iam ubi sunt legitimi principes in republica, tota auctoritas residet penes principes...

Жан Боден

Еще один образец перехвата Цицеронианской лексики и создания образа *respublica* в реалиях раннего Модерна дает Жан Боден в своих «Шести книгах о государстве». В самом начале первой книги он определяет понятие *respublica* (République) как «правильное управление многими домохозяйствами и тем, что у них есть общего, осуществляемое суверенной властью»⁸⁸. Уже из первых строк книги становится ясно, что у Бодена есть как положительный образец, следуя за которым он во многом (хотя и не во всем) описывает свою *respublica*, так и отрицательный, с которым он полемизирует. Роль последнего играет образ политики, описанной Платоном и Аристотелем⁸⁹. В их описании, отмечает Боден, не хватает сразу трех важнейших элементов всякой правильной *respublica*, а именно: понятия домохозяйства, понятия суверенитета и определения того, что в государстве есть общего, т. е. публичных вещей⁹⁰. Все это французский юрист находит у своего «положительного героя» – Цицерона, республиканская теория которого и берется им за образец.

Следуя за Цицероном, Боден, в отличие от Витории, проблематизирует домохозяйство (*famille, mesnage*⁹¹), делая его основной структурной единицей *respublica*. Может возникнуть ощущение, что он отходит от идеи Цицерона, который говорил не о домохозяйствах, но о «людях». Однако необходимо помнить о том, что те «люди», которых в определении римского оратора должны объединять согласие относительно права и общность пользы, суть не кто иные, как римские домовладыки, *patresfamilias*, и что за каждым из них стоит его домохозяйство (*familia*).

Можно выделить еще несколько пунктов, по которым Боден если и не совпадает с Цицероном, то по крайней мере не спорит с ним. Помимо понимания *respublica* как объединения домохозяйств, Боден проговаривает необходимую общность, которую можно при желании трактовать как «общность пользы», предложенную Цицероном. При этом стоит обратить внимание на то, что критерий «общего», которое должно объединять людей под суверенной властью, повторяется им и в определении домохозяйства, открывающем вторую главу⁹². Показательно и то, что власть домовладыки в этом определении занимает то же место, которое в определении *respublica* отводится Боденом суверенной власти, что позволяет некоторым исследователям делать вывод о том, что суверенная власть рождается у Бодена в домохозяйстве⁹³. Впрочем, и сам Боден говорит об этом практически прямым текстом, называя хорошо выстро-

⁸⁸ *République, I.1.1: République un droit gouvernement de plusieurs mesnages & de ce qui leur est commun, avec puissance souveraine.*

⁸⁹ Споры Бодена с Платоном и Аристотелем, равно как и упреки, обрушиваемые им на их головы, возможно, имеют достаточно простое объяснение: Боден создает «Шесть книг...» в полемике с Франсуа Отманом, в ответ на знаменитую «Франкогаллию» последнего. Отман, превозносивший свободу и проповедовавший необходимость ограничения королевской власти, отказывался брать за образец Рим, поскольку в образе Рима он видел не республиканскую свободу, но имперское рабство, которое Цезарь принес свободным галлам. Напротив, идеалом для Отмана стали греческие полисы, описываемые им как родина подлинной гражданской свободы. Боден, что естественно, берет за основу республиканскую модель Цицерона, доказывая тем самым неправоту Отмана.

⁹⁰ *République, I.1.4: C'est pourquoi les anciens appelaient République, une société d' hommes assemblés, pour bien et heureusement vivre; laquelle définition toutefois a plus qu'il ne faut d' une part, et moins d' une autre: car les trois points principaux y manquent, c'est à savoir, la famille, la souveraineté, et ce qui est commun en une République: joint aussi que ce mot, «heureusement», ainsi qu'ils entendaient, n'est point nécessaire: autrement la vertu n'aurait aucun prix, si le vent ne soufflait toujours en poupe.*

⁹¹ О понятии «домохозяйство» у Бодена см. недавно вышедшую статью Гульнары Баязитовой: *Баязитова Г. О понятиях 'семья' и 'домохозяйство' в политической теории Жана Бодена // Социологическое обозрение. № 18 (4). 2019. С. 130–148.*

⁹² *République, I.2.1: Mesnage est un droit gouvernement de plusieurs subject, sous l' obeissance d' un chef de famille, et de ce qui luy est propre.*

⁹³ См. об этом: *Баязитова Г. О понятиях 'семья' и 'домохозяйство' в политической теории Жана Бодена. С. 141–143; см. также приведенную там библиографию.*

енное домохозяйство «настоящим подобием государства», а домашнюю власть – подобием суверенной власти⁹⁴.

Есть у Бодена и понимание того, что настоящая *respublica* должна быть основана на законах – на это как раз и указывают самые первые слова его определения *respublica*, когда он говорит о том, что это «правильное управление»⁹⁵. Уже во втором абзаце первой главы он поясняет это, говоря: «мы сказали „правильное управление“, чтобы обозначить различие, которое существует между государствами и шайками разбойников и пиратов, с которыми не следует вступать в общение и заключать торговых или союзных отношений, как это всегда соблюдалось во всяком хорошо устроенном государстве...»⁹⁶. Стоит, правда, отметить, что издание законов, согласно Бодену, вовсе не является прерогативой народа – напротив, это одно из основных прав суверенной власти, к вопросу о которой я вернусь чуть ниже.

Наконец, объединяет Бодена с Цицероном и их позиция относительно того, что в *respublica* должны существовать публичные вещи, каковые, по мнению французского юриста, суть «...публичный домен, публичная казна, окрестности города, улица, стены, площади, храмы, рынки, обычаи, законы, кутюмы, правосудие, награды, наказания и другие подобные вещи, которые или общие, или публичные, или и то и другое вместе: так как это не Res publica, если в ней нет ничего публичного»⁹⁷. Боден опирает свой перечень на известную ему цитату из диалога Цицерона «Об обязанностях», несколько видоизменяя ее в соответствии с реалиями французской жизни второй половины XVI в.

На этом, однако же, сходства между концепциями Бодена и Цицерона заканчиваются и уступают место различиям, а точнее, одному кардинальному отличию, которое порождает все остальные. Речь идет о понятии суверенитета (*souveraineté / majestas*), сформулированном Боденом, и о производном от него понятии суверенной власти. Для Бодена это понятие самоценно, он помещает его в самый центр своей концепции, в то время как для Цицерона такого понятия, что естественно, не существовало и существовать не могло⁹⁸. Суверенная власть – вот то, что по-настоящему объединяет домохозяйства и «то, что у них есть общего» в единый народ и, как следствие, в единую *respublica*. Без нее, которую Боден называет «главным основанием любого государства»⁹⁹, не было бы никакого объединения и, соответственно, не было бы и *respublica*.

Как видно из приведенного в сноске определения, основными характеристиками суверенной власти выступают ее вечность и абсолютный характер. Следовательно, утверждает Боден, суверенной может считаться лишь та власть, носитель которой обладает ею безусловно и не отчитывается в своих действиях ни перед кем, кроме Бога. Это условие автоматически

⁹⁴ *République, I. 2. 1*: Tout ainsi donc que la famille bien conduite est la vraie image de la République et la puissance domestique semble à la puissance souveraine, aussi est le droit gouvernement de la maison le vrai modèle du gouvernement de la République.

⁹⁵ Любопытно, что О. В. Хархордин упрекает Бодена как раз в том, что тот потерял «согласие в вопросах права» (*Хархордин О. В. Республика, или Дело публики. С. 57*).

⁹⁶ *République, I. 1. 2*: Nous avons dit en premier lieu, droit gouvernement, pour la différence qu'il y a entre les Républiques et les troupes des voleurs et pirates, avec lesquels on ne doit avoir part, ni commerce, ni alliance: comme il a toujours été gardé en toute République bien ordonnée...

⁹⁷ *République, I. 2. 5*: Mais outre la souveraineté, il faut qu'il y ait quelque chose de commun, et de public: comme le domaine public, le trésor public, le pourpris de la cité, les rues, les murailles, les places, les temples, les marchés, les usages, les loix, les coutumes, la justice, les loyers, les peines, et autres choses semblables qui sont ou communes ou publiques ou l'un et l'autre ensemble: car ce n'est pas République s'il n'y a rien de public. Ср. с перечнем Цицерона, приведенным в *De officiis (I. 17. 53)* (см. прим. 3 на с. 37).

⁹⁸ Об отличии римской традиции понимания власти от последовавшей за ней христианской см. мою недавнюю статью и цитированную там библиографию: *Мареи А. В. О Боге и Его заместниках: Христианская концепция власти // Политика. Анализ и прогноз. № 93 (2). 2019. С. 85–107, особенно же: Buc P. L'ambiguïté du livre. Prince, pouvoir et peuple dans les commentaires de la Bible au Moyen Age. Paris, 1994; Costa P. Iurisdictio. Semantica del potere politico nella pubblicistica medievale (1100–1433). Milano, 1969; Kampitz H. «Potestas» // Thesaurus Linguae Latinae. Vol. X. 2. Lipsiae, 1982. P. 300–321; Magdelain A. Ius Imperium. Auctoritas. Etudes du droit romain. Roma, 1990; Münscher K. «Auctoritas» // Thesaurus Linguae Latinae. Vol. VII. Lipsiae, 1982.*

⁹⁹ *République, I. 8. 1*: Le fondement principal de toute République. La souveraineté est la puissance absolue et perpétuelle d'une République que les Latins appellent majestatem <...>, c'est à dire la plus grande puissance de commander.

выводит из круга суверенных правителей всех, кому власть была вручена на определенный срок или на тех или иных условиях. Ни один выборный правитель, равно как и ни один назначенный, по сути не могут быть суверенами, поскольку представляют интересы того или тех, кто их выбрал или назначил. Не может быть признан сувереном также и диктатор, который, хотя и обладает неограниченной, практически абсолютной властью, все же избран на конкретный срок, ни какой-либо иной магистрат или, по выражению Бодена, комиссар¹⁰⁰. С другой стороны – парадоксально, но факт, – тиран, взявший власть против права и закона, является сувереном, поскольку получает власть в полном объеме и не отчитывается ни перед кем¹⁰¹.

Соответственно, в тех случаях, когда Боден говорит о назначенных или выбранных правителях, у него возникает на заднем плане фигура суверена, причем зачастую таковым сувереном становится народ. При этом Боден нигде не проблематизирует фигуру народа и тем более не проговаривает понятия *народного суверенитета* как чего-то особенного, не анализирует его происхождения, как это позже сделает Руссо. Однако необходимо отметить, что сама возможность существования народа как суверена Боденом уже вполне отмечается. В остальном же народ в теории Бодена хотя и есть, но занимает в основном подчиненную позицию и не производит никаких осознанных действий.

Тезис о принципиальной неделимости суверенной власти, мешающей назвать сувереном, как уже было отмечено, любого правителя, обладающего властью на каких-либо условиях или на какой-нибудь срок, приводит Бодена к последовательной критике знаменитой теории смешанного правления, сформулированной Полибием, а затем Цицероном. Критика эта состоит из двух основных частей: отрицания собственно смешанной формы и встречного предложения Бодена в области политического анализа. В начале второй книги своего трактата Боден настаивает на том, что существуют лишь три основные формы *République*, а именно монархия, аристократия и народное правление¹⁰². Характерно, что для обозначения формы правления Боден использует понятие *estat de République*, что в латинской версии его трактата соответствует *status Rei publicae*¹⁰³. Утвердив тезис о трех формах правления, он переходит к критике как древних (Платон, Аристотель, Полибий, Цицерон), так и более современных ему (Макиавелли, Мор, Контарини), утверждавших преимущества смешанной формы правления. Основанием для критики становится уже упомянутый тезис о неделимости и неограниченности суверенитета: ведь если власть разделить между представителями монархического начала, аристократами и народным собранием, кто из них будет сувереном? Боден приходит к однозначному мнению, что в случае любого смешанного правления реальным сувереном будет лишь народ, т. е. по сути любая смешанная форма будет демократией, искаженной примешанными к ней

¹⁰⁰ *République, I. 8. 2*: Ces maximes ainsi posées comme les fondements de la souveraineté, nous conclurons que le dictateur romain, ni l'hermiste de Lacedemone, ni l'esymnete de Salonique, ni celui qu'on appelloit archus à Malte, ni la balie ancienne de Florence, qui avoyent mesme charge, ni les regents des royaumes ni autre commissaire ou magistrat qui eust puissance absolüe à certain temps pour disposer de la republique, n'ont point eu la souveraineté, ores que les premiers dictateurs eussent toute puissance et en la meilleure forme que faire se pouvoit, que les anciens Latins disoyent *optima lege*...

¹⁰¹ *République, I. 8. 7*: Je di que si le magistrat souverain et annuel seulement, ou bien à quelque temps prefix et limité, vient a continuer la puissance qu'on luy a baillée, il faut que ce soit de gré à gré ou par force; si c'est par force, cela s'appelle tyrannie; et neantmoins le tyran est souverain, tout ainsi que la possession violente du predateur est vraye possession et naturelle, quoyqu'elle soit contre la loy; et ceux qui l'avoient auparavant en sont dessaisis.

¹⁰² *République, II. 1*: Puis que nous auons dit de la souueraineté: & des droits & marques d' icelle, il faut voir en toute Republique, ceux qui tiennent la souueraineté, pour juger quel est l'estat: comme si la souueraineté gist en un seul Prince, nous l'appellerons Monarchie: si tout le peuple y a part, nous dirons que l'estat est populaire: s'il n'y a que la moindre partie du peuple, nous jugerons que l'estat est Aristocratique: & userons de ces mots pour eüter la confusion & obscurité qui prouient de la varieté des gouverneurs bons ou mauvais, qui ont donné occasion a plusieurs de mettre plus de trois sortes de Republiques...

¹⁰³ Подробный разбор понятия *état* во французском языке см. в статье Доменика Кола: Хархордин О. В., Скишнер К., Кола Д. Понятие государства в четырех языках. СПб., 2002. С. 75–113, особенно с. 83–96 применительно к использованию термина у Бодена. Я не во всем могу согласиться с автором и коллективом переводчиков, когда они трактуют *état* в одном из значений как «политический режим», но, возможно, такая трактовка вызвана к жизни еще до конца не устоявшимся терминологическим узусом Бодена.

чуждыми элементами. Отдельно отмечу, что неприятие у Бодена вызывает и описанная Полибием структура римской политики: невозможно, утверждает он, считать консулов представителями монархии, ведь монархия едина и не терпит деления власти внутри себя. В Риме можно говорить о бинархии, но и в этом случае крайне сложно предположить наличие у консулов суверенитета. То же относится и к Сенату, заставляя предположить, что в Риме была типично народная форма правления (*estat populaire*)¹⁰⁴.

В качестве альтернативы теории смешанного правления Боден предлагает теорию политических режимов. С этой целью он вводит различие понятий «государство» (*estat*) и «правительство» (*gouvernement*), которое он иначе называет «режимом правления» или «политическим режимом» (*reigle de police*)¹⁰⁵: «Ведь, разумеется, есть различие между государством и правительством, т. е. режимом управления, чего ранее никто не касался. Ведь государство может быть монархическим, а управляться тем не менее народом, если правитель делает сопричастными правлению, магистратурам, должностям и наградам всех, невзирая на знатность, богатства или добродетели. Может также быть, что монархия будет управляться аристократически, когда правитель допускает к правлению и наградам лишь знатных, либо наиболее добродетельных, либо наиболее богатых...»¹⁰⁶. Ключевое различие формы и режима видится Бодену в том, что форма сама по себе не меняется и, будучи установлена единожды, может лишь смениться другой (монархия – правлением немногих, например). Объединить две или все три формы вместе невозможно. Режим правления же, напротив, представляет динамический элемент данной классификации, он может меняться (и зачастую меняется) без какого-либо вреда для формы государства. Таким образом, Боден получает политическую (или следует сказать – политологическую?) классификацию, значительно более гибкую и адаптивную, нежели существовавшая раньше в рамках республиканской традиции.

Даже если не выходить за терминологические рамки, предлагаемые самим Боденом, и считать, что режим правления может быть единовластным, аристократическим или демократическим, мы получаем уже девять возможных модификаций, поскольку каждая из трех форм государства может функционировать в любом из трех предлагаемых режимов. У этой теории есть лишь один недостаток с точки зрения данного исследования: она совершенно не республиканская и, более того, построена на последовательной и методически выверенной критике республиканизма.

¹⁰⁴ *République, II. 1*: ...Ils ont aussi mis pour exemple l' estat des Romains, qu'ils disent auoir esté meslé de l' estat royal, populaire & aristocratique: & qu'ainsi soit, dit Polybe, on void la puissance royale és consuls, l' aristocratie au Senat, la democratie aux estats du peuple: Denys d' Halicarnas, Ciceron, Contarin, & quelques autres ont suyui ceste opinion, qui n'a point d' apparence <...> & n'y a doute quelconque, que l' estat des Romains, depuis qu'on donna la chasse aux rois, ne fust populaire, horsmis deux annees que les dix commissaires establis pour corriger les coustumes, changerent l' estat populaire en aristocratie ou, pour dire plus proprement, en Oligarchie...

¹⁰⁵ Отвлекаясь несколько в сторону, отмечу, что это различие, хотя и в ином, нежели у Бодена, ключе, стало одним из важнейших интеллектуальных инструментов современной европейской политической философии, в основном правого толка. «Государство» видится в ней искусственно созданной машиной, надстройкой над обществом, предназначение которой в том, чтобы усмирять конфликты и обеспечивать нейтральность публичного пространства; «правительство» опознается как естественный результат развития общества, нуждающегося в управлении. См. об этом, например: *Negro Pavón D. Historia de las formas del estado. Una introducción*. Madrid, 2010 и цитированную там библиографию.

¹⁰⁶ *République, II. 2*: Car il y a bien difference de l' estat, & du gouuernement: qui est une reigle de police qui n'a point esté touchée de personne: car l' estat peut estre en Monarchie, & neantmoins il sera gouuerné populairement, si le Prince fait part des estats, magistrats, offices & loyers egalements à tous sans auoir esgard à la noblesse, ny aux richesses, ny à la vertu. Il se peut faire aussi que la Monarchie sera gouuernée aristocratiquement, quand le Prince ne donne les estats & benefices qu'aux nobles, ou bien aux plus vertueux seulement, ou aux plus riches... Что любопытно, в латинском языке понятию *estat de République* соответствует выражение *status Rei publicae*, а понятию *gouvernement* и вводимому Боденом словосочетанию *reigle de police* – терминологическая пара *gubernatio* и *ratio imperandi*.

Томас Гоббс

Бодену во многом, хотя и с оговорками, наследует в своей теории Томас Гоббс. Его концепцию можно логично разбить на две части: о народе он говорит в трактате «О гражданине», о государстве, для обозначения которого он использует английское *Commonwealth*, – в «Левиафане». Именно там, в 17-й главе, давая определение своей *Commonwealth*, Гоббс делает оговорку, позволяющую утверждать, что до того момента ведущее значение сохраняла августианианско-цицеронианская парадигма¹⁰⁷, в рамках которой народ виделся основным, а иногда и единственным субъектом политического действия. И именно эту трактовку Гоббс и преодолевает, выстраивая альтернативную ей теорию народа и совокупности.

Как и прежде у Аврелия Августина, Гоббс «народу» (*populus*) противопоставляет «совокупность» (*multitudo*), которая, однако, обрела здесь свою концептуализацию и стала понятием не менее, а может, и более важным, чем собственно «народ». Он отталкивается от понятия *совокупности*, чтобы от него затем перейти к народу. *Multitudo* понимается им как множество людей, не имеющих единой воли и не способных к единому действию. Таким образом, *совокупность* не может заключать договоры, давать обещания или совершать иные правовые действия – напротив, любое ее действие будет иметь силу лишь в том случае, если каждый из составляющих ее людей выразит соответствующую волю. Иными словами, *multitudo* не является естественным лицом (*persona naturalis*) и не может участвовать в правовом процессе¹⁰⁸. В случае же если все члены *совокупности* заключат договор каждый с каждым и в результате договора *совокупность* получит единую волю, ее скорее нужно называть народом¹⁰⁹.

В противоположность *совокупности*, народ предстает у Гоббса единым лицом, обладающим единой волей и могущим совершать единые же действия¹¹⁰. В рамках политического сообщества эти две сущности вполне могут сосуществовать: *совокупность* всегда подчиняется, тогда как народ всегда правит¹¹¹. В аристократии, как утверждает Гоббс, правит народ, который представляет собой курию или сенат, тогда как подчиняется собрание граждан, которые и есть *совокупность*. Даже больше того, говорит он: в монархии складывается совершенно парадоксальная картина, когда король – это народ, в то время как его подданные – *совокупность*¹¹². Наконец, еще несколькими строками ниже звучит программное утверждение о том, что *cives* – это *multitudo*, тогда как *civitas* – *populus*¹¹³.

¹⁰⁷ Не зря Томас Гоббс, давая свое знаменитое определение Левиафана в одноименном трактате, начинает его со слов о том, что предлагаемая им форма социального и политического единения «*is more than Consent, or Concord*». В этой формуле *Consent* – это, очевидно, цицеронианский *consensus iuris*, в то время как *Concord* – августианианская *concordia*. *Leviathan*, II. 17: This is more than Consent, or Concord; it is a reall Unitie of them all, in one and the same Person, made by Covenant of every man with every man, in such manner, as if every man should say to every man, «I Authorise and give up my Right of Governing my selfe, to this Man, or to this Assembly of men, on this condition, that thou give up thy Right to him, and Authorise all his Actions in like manner». This done, the Multitude so united in one Person, is called a COMMON-WEALTH, in latine CIVITAS.

¹⁰⁸ *De cive*, VI, *Annotatio*: Multitudo, quia vox collectiva est, significare intelligitur res plures, ut hominum multitudo idem sit quod multi homines. Vox eadem quia numeri est singularis, unam rem significat, nempe unam multitudinem. Ad neutro modo intelligitur multitudo habere unam voluntatem a natura datam, sed alius aliam. Neque ergo attribuenda illi est una actio, quaecunque ea sit. Itaque promittere, pacisci, jus acquirere, jus transferre, facere, habere, possidere, & similia, multitudo non potest, nisi sigillatim sive viritum, ut sint promissa, pacta, jura, actiones, tot quot sunt homines. Quapropter multitudo persona naturalis non est.

¹⁰⁹ *De cive*, VI, *Annotatio*: Caeterum eadem multitudo, si viritum paciscantur, fore ut unus alicujus hominis voluntas, vel majoris partis ipsorum voluntates consentaneae, pro voluntate omnium habeantur, tunc persona una sit: voluntate enim praedita est, ideoque actiones facere potest voluntarias, quales sunt imperare, leges condere, jus acquirere & transferre & caetera; & populus saepius quam multitudo dicitur.

¹¹⁰ *De cive*, XII. 8: Populus est unum quid, unam habens voluntatem, & cui actio una attribui possit.

¹¹¹ *De cive*, XII. 8: Populus in omni civitate regnat <...> Multitudo vero cives sunt, hoc est subditi.

¹¹² *De cive*, XII. 8: Et in Monarchia, subditi sunt multitudo, & quamquam paradoxum sit, rex est populus.

¹¹³ *De cive*, XII. 8: ...Cives contra civitatem, hoc est, multitudo contra populum... Cfr.: *Du contrat social*, I. 6: Cette personne publique qui se forme ainsi par l'union de toutes les autres prenait autrefois le nom de Cité, et prend maintenant celui de République

Обращаясь к пониманию Гоббсом *политического сообщества*, вернемся к приведенному выше его определению из 17-й главы. Согласно ему, такое сообщество, называемое по-английски *Commonwealth*, а на латыни *Civitas*, представляет собой органическое единство, возникшее в результате объединения многих людей в одно целое¹¹⁴. Прежде чем продолжить, отмечу важный, по моему мнению, терминологический момент. Томас Гоббс прекрасно владел латинским языком, писал на нем ничуть не хуже, чем на своем родном. И, следовательно, когда он приравнивал понятие *Commonwealth* не к *Respublica*, что казалось бы очевидным, но именно к *Civitas*, он сделал это намеренно.

Ключ к ответу на этот вопрос, как представляется, лежит в латинском тексте «Левифана», где последняя фраза приведенного в сноске фрагмента выглядит следующим образом: *Quo facto, Multitudo illa una Persona est, & vocatur Civitas & Respublica*. Гоббс, как видно из цитаты, не просто сближает два рассматриваемых термина, но приравнивает их, делает синонимами. *Respublica* для него представляет уже не некое «общее дело» или «общее достояние», как предлагали древние, но непосредственно совокупность граждан, *Civitas* как гражданскую общину. Здесь стоит вернуться на несколько строк назад и вспомнить, что в трактате «О гражданине» Гоббс синонимизирует понятия *Populus* и *Civitas*, народ и гражданскую общину, политическую общность и форму ее манифестации. Добавив к этому синонимическому ряду еще и *Respublica*, мы получаем конструкцию, в рамках которой народ оказывается идентичен и форме своего проявления, и объединяющему его принципу, он предстает единым целым, имеющим свою цель и видящим свой смысл непосредственно в самом себе и, как следствие, автаркичным, самодостаточным, не нуждающимся во внешних референтах. Отсюда уже остается даже не шаг, но полшага до концепта народного суверенитета, разработанного веком позже Ж.-Ж. Руссо.

Подобная формула объединения и правда представляется схожей с тем, что ранее предлагали Цицерон и Августин, но превосходит их силой и, если угодно, цельностью. Это очевидно ясно из предыдущего пассажа. Если у римского оратора и гиппонского прелата народ видел свою цель в некоем общем деле или в любви к общей вещи, т. е. в чем-то непосредственно присущем ему, но все же объективированном по отношению к нему, то у философа из Мальмсберри цель народа покоится в нем самом и достигается это посредством действия, обозначенного по-английски словом *Covenant of every man with every man*, на латыни *pactum uniuscuiusque cum unoquoque*, а на русский не вполне удачно переведенного как «договор каждого с каждым». Неудача перевода видится в том, что понятие «договор» или же «соглашение каждого с каждым» не передает во всей полноте мысли, вложенной Гоббсом в его термин *Covenant*.

Оставляя в стороне подробный анализ «теологии ковенанта», возникшей и активно развивавшейся в Англии периода ранних Стюартов¹¹⁵, отмечу здесь лишь два момента. Во-первых, это понятие для Гоббса влекло за собой сильнейшую богословскую нагрузку: в «Библии короля Якова», впервые опубликованной в 1611 г., слово *Covenant* было употреблено почти

ou de corps politique, lequel est appellé par ses membres Etat quand il est passif, souverain quand il est actif, puissance en le comparant à ses semblables. A l'égard des associés ils prennent collectivement le nom de peuple, et s'appellent en particulier citoyens comme participant à l'autorité souveraine, et sujets comme soumis aux lois de l'Etat.

¹¹⁴ *Leviathan*, II. 17: This is more than Consent, or Concord; it is a reall Unitie of them all, in one and the same Person, made by Covenant of every man with every man, in such manner, as if every man should say to every man, «I Authorise and give up my Right of Governing my selfe, to this Man, or to this Assembly of men, on this condition, that thou give up thy Right to him, and Authorise all his Actions in like manner». This done, the Multitude so united in one Person, is called a COMMON-WEALTH, in latine CIVITAS.

¹¹⁵ О так называемой «теологии ковенанта» с богословской точки зрения см.: *Horton M.* Introducing Covenant Theology. Grand Rapids, 2009; об истории понятия *Covenant* и о роли теологии ковенанта в становлении англо-американской политической мысли Нового времени см.: *Gould P.* Covenant and Republic: Historical Romance and the Politics of Puritanism. Cambridge, Massachusetts, 1996; *Passerin d'Entreves A.* The Notion of the State. An Introduction to Political Theory. 2nd ed. Oxford, 1969; *Skinner Q.* From Humanism to Hobbes: Studies in Rhetoric and Politics. <http://opac.hse.ru/absopac/index.php?url=/notices/index/324593/default> (January 21, 2019); *Smith A.* The Cultural Foundations of Nations: Hierarchy, Covenant, and Republic. Oxford, 2008.

300 раз (292, если быть точным), из них 26 раз только в Книге Бытия, и использовалось для передачи на английском языке еврейского понятия ברית, т. е. «завет», договор, заключенный Богом с избранным народом Израиля. В латинском переводе Библии Иеронима этому понятию в примерно равной пропорции были сопоставлены слова *pactum* и *foedus*, первое из которых традиционно обозначало мирное соглашение, как правило лишенное исковой защиты в суде и соблюдающееся в силу принципа добросовестности (*bona fides*), второе же использовалось для обозначения союзных договоров, заключавшихся разными племенами с Римом. Таким образом, *Covenant* представлял собой не просто некое соглашение, но устанавливающий, конституирующий договор, посредством которого из рассеянных по земле иудеев возник избранный Богом народ.

Это значение было тем очевиднее для читателей «Левиафана», что сразу за упоминанием этого соглашения и его формулы Гоббс пояснял, что это и есть «происхождение этого великого Левиафана, или скорее (говоря с большим почтением) того *смертного бога*, которому мы обязаны под бессмертным Богом нашим миром и защищенностью»¹¹⁶. В Библии Бог посредством *Covenant*'а создал избранный народ, облеченный его помощью и защитой, здесь же, на земле, люди, заключая подобное соглашение, дают жизнь *земному богу*.

Во-вторых, нужно обратить внимание как на формулу соглашения, приведенную в цитате из «Левиафана», так и на определение понятия *Covenant*, которое Гоббс дает несколько раньше. Человек, вступающий в подобное соглашение, согласно Гоббсу, говорит следующее: «Я даю право управлять мною и авторизую действия того человека или того собрания людей при условии, что ты передашь ему свое право и авторизуешь его действия в той же манере». В этой формулировке обращает на себя внимание, во-первых, что она обращена не к правителю или правителям, а к другому человеку, во всем равному говорящему, вступающему в эти отношения. Правитель, о котором я скажу ниже, предстает здесь третьим лицом, с кем непосредственно никто и ни о чем не договаривается. Во-вторых, что отмечает и сам Гоббс в 14-й главе «Левиафана»¹¹⁷, *Covenant* представляет собой весьма своеобразную модель соглашения – это обещание, обращенное в будущее. Человек, вступающий в подобное соглашение, обязуется отдать право на управление им самим и всем ему принадлежащим некоему третьему лицу или группе лиц, не получая в этот момент ничего взамен. То, что он ждет в обмен на свое обещание, представляет собой ожидание-в-будущем, ожидание, которое может сбыться, но может и нет.

До этого момента концепция Гоббса могла бы трактоваться как достаточно любопытная, но все же модификация республиканской теории, описывающая создание политического субъекта, т. е. «народа». Однако уже следующая фраза, в которой Гоббс обращается к возникающей фигуре правителя, «того человека или того собрания лиц», в адрес которого отчуждаются права отдельных людей, ярко показывает, что перед нами не республиканский мыслитель. Ибо «тот, кто заботится о возникающем лице, называется *суверенным правителем*, и говорится, что он обладает *суверенной властью*; все же остальные называются *подданными*»¹¹⁸. Как и в случае с Жаном Боденом, чье влияние на политическую теорию Гоббса представляется очевидным, появление концепта *суверенной власти* путает все республиканские расклады, поскольку, напомним, само это понятие уже отрицает возможность распределения власти и, как следствие, ответственности внутри сообщества. Суверен, безусловно, может делегировать свои полномо-

¹¹⁶ *Leviathan, II. 17*: This is the Generation of that great LEVIATHAN, or rather (to speake more reverently) of that Mortall God, to which wee owe under the Immortall God our peace and defence.

¹¹⁷ *Leviathan, I. 14*: Again one of the Contractors, may deliver the Thing contracted for on his part, and leave the other to perform his part at some determinate time after, and in the mean time be trusted; and then the Contract on his part, is called PACT, or COVENANT: Or both parts may contract now, to performe hereafter: in which cases he that is to performe in time to come, being trusted, his performance is called Keeping of Promise, or Faith...

¹¹⁸ *Leviathan, II. 17*: And he that carryeth this Person, is called SOVERAIGNE, and said to have soveraigne power, and every one besides, his SUBIECT.

чия, назначая тех или иных лиц на исполнение определенных обязанностей. Но власть этих лиц – магистратов – не будет суверенной, ибо они ей будут обязаны третьему лицу, т. е. правителю.

Важно отметить и еще одно обстоятельство, мешающее трактовать концепцию Гоббса как извод республиканской теории. Вступая в политическое сообщество, что можно сделать двумя путями – под воздействием силы или страха (например, подчинение детей отцу или побежденных победителю) или доброй волей (собственно, случай *Covenant'a* как разумного выбора свободных людей¹¹⁹), – человек передает другому не только все свои права, но даже ответственность за свои действия. Именно эта степень единения, непредставимая не только у Цицерона, но даже у Августина, и позволяет объединяющимся создать по сути единое тело, способное к единым действиям. Обратной же стороной такого объединения становится одиночество индивида, решающегося хотя бы помыслить себя отдельно от Левиафана¹²⁰. Отдав в результате соглашения все свои права кроме права на жизнь, человек остается уже не гражданином, но именно что биологическим индивидом, беззащитным в своем одиночестве. Гражданская солидарность оказывается мифом: ведь хотя соглашение и заключает «каждый с каждым», но гарантом и основным бенефициаром его оказывается не контрагент заключающего *Covenant* человека, но тот третий, который сам в договор не вступает и, следовательно, не отвечает по нему. И поэтому в случае какого бы то ни было, пусть потенциального конфликта преследующим оказывается Левиафан, противостоящим же ему – несчастный, запуганный и лишенный собственных прав индивид.

Если не увлекаться внешней стороной метафор, предлагаемых Гоббсом, а отметить общее, рациональное, содержащееся в них, то можно увидеть, что Гоббс предвосхитил Ж.-Ж. Руссо в его знаменитом пассаже о политическом организме. Народ предстает в его теории уже не постоянным, но некоторым образом «мерцающим» субъектом. Иными словами, когда граждане не участвуют в политических процедурах, а ведут свою частную, повседневную жизнь, они представляют собой *совокупность*, а не народ. В этом состоянии они рассматриваются исключительно как частные лица, собранные вместе на какой-то территории под чьим-то управлением и подчиняющиеся чьим-либо законам. Тогда же, когда они включаются в управление государством, создают законы или договариваются об иных моментах, связанных с политической жизнью, – иными словами, ведут себя как единое целое, как публичный организм, – они становятся *народом* и воспринимаются уже как естественное лицо. То есть народ становится не субстанциональным, а ситуативным политическим субъектом, актуализирующимся лишь в момент принятия политических решений и исчезающим потом. Таким же «мерцающим» объектом предстает и *respublica*, то «общее дело ради общего блага», которое и делает этих людей народом, объединяя их в единое целое.

¹¹⁹ *Leviathan*, II. 17: The attaining to this Sovereigne Power is by two wayes. One, by Naturall force; as when a man maketh his children, to submit themselves, and their children to his government, as being able to destroy them if they refuse; or by Warre subdueth his enemies to his will, giving them their lives on that condition. The other, is when men agree amongst themselves, to submit to some Man, or Assembly of men, voluntarily, on confidence to be protected by him against all others. This later, may be called a Politicall Common-wealth, or Common-wealth by *Institution*; and the former, a Common-wealth by *Acquisition*.

¹²⁰ См., например, книгу Артемия Магуна: *Магун А. В. Единство и Одиночество. Курс политической философии Нового времени*. М., 2011.

Глава II

Республиканская риторика в Древней Руси

П. В. Лукин

Предварительные замечания

Традиционно любой разговор о республиканизме в Древней Руси концентрируется на теме народного собрания – веча. И это вполне закономерно. Такой подход освящен мощной историографической традицией, начиная по крайней мере с земско-вечевой теории XIX в. Автору этих строк, много лет исследовавшему феномен новгородского веча и подчеркивавшему ключевое значение – не самого слова, а политического института, который могли называть этим словом (но могли характеризовать его и иначе), – тем более, казалось бы, странно возражать против этого. И тем не менее приходится признать, что ставить в центр проблемы древнерусского республиканизма вече (а тем более слово *въче*) – непродуктивно. Вече – важный аспект проблемы, но это, пожалуй, не то звено, потянув за которое можно ее «вытянуть».

Относительно Новгорода нам уже неоднократно приходилось отмечать, что связывать республиканский характер его политического строя с частотностью или характером упоминания понятия «вече» в источниках, особенно нарративных, не стоит¹²¹. Против представления о том, что именно это понятие должно быть ключевым в дискуссии о древнерусском республиканизме – вне зависимости от оптимистического или скептического взгляда на эту проблематику, – можно привести множество аргументов: от терминологической «размытости», характерной для Средневековья, до индивидуальных предпочтений тех или иных книжников. Так, уже неоднократно обращалось внимание на тот факт, что в Новгородской первой летописи (далее – *НПЛ*) за XII в. вече вообще не упоминается, хотя при этом новгородское вече фигурирует в то же время в Киевском своде в составе Ипатьевской летописи (далее – *Ин.*), а в летописании Северо-Восточной Руси (в Лаврентьевской летописи; далее – *Лавр.*) под 1175 г. даже говорится, что новгородцы (как и жители ряда других древнерусских городских центров) «изначала <...> на вѣча сходятся»¹²².

Значит ли эта терминологическая неопределенность, что в Древней Руси, включая Новгород и Псков, отсутствовал язык («дискурс»), с помощью которого можно было выразить республиканские понятия? Если это так, то было бы затруднительно говорить и о республиканских институтах, раз не было способа их описать. На наш взгляд, такой язык был – просто оптика исследователей, как правило, была настроена таким образом, что не замечала его.

В первую очередь это как раз и касается использования в источниках понятия «вече». Сторонники скептического или «осторожного» отношения к древнерусскому республиканизму обычно придают большое значение двум моментам. Во-первых, упомянутой выше неопределенности (одно и то же событие может называться вечем, а может не называться). Во-вторых, тому, что вече в нарративных памятниках не является активным действующим лицом (не вече принимает решение, а решение принимается на вече).

Это вроде бы дает большой простор для спекулятивных «деконструкций». Однако сторонники таких подходов игнорируют важнейшее обстоятельство. Ни в «размытости» понятия

¹²¹ См., например: Лукин П. В. Терминологический анализ: плюсы и минусы (По поводу монографии Юнаса Гранберга о древнерусском вече) // Средневековая Русь. Вып. 8. М., 2009. С. 217–243. Ниже мы постараемся подробнее остановиться на этой проблеме применительно к Пскову, поскольку понятие «въче» в псковских источниках изучено еще недостаточно.

¹²² Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 377 (далее – ПСРЛ).

«вече», ни в том, что «вече» не было активным действующим лицом, нет ничего эксклюзивного, что требовало бы специального объяснения (интерпретация требовалась бы, скорее, если бы все было наоборот). Это нормальная, ожидаемая ситуация.

Дело в том, что республикам / коммунам, возникавшим до Нового времени, вообще было в целом несвойственно представление о собрании как о действующем лице. Если мы обратимся к двум классическим «политиям» древности, сущность строя которых никому не придет в голову ставить под вопрос, Афинам и Римской республике, то мы увидим, что отсутствие наименования народного собрания в центре демократического / республиканского «дискурса» – не странное исключение, которое должно порождать сомнения в соответствии республики некоему «идеальному типу», а правило.

Что касается афинского народного собрания (эκκλησίας), то во множестве случаев в качестве синонима понятия «ἐκκλησία» («народное собрание в Афинах») в древнегреческих источниках используется слово «δῆμος»¹²³. Стандартные формулы принятия решений на афинском народном собрании, зафиксированные самыми достоверными источниками – выбитыми на камне постановлениями, – были таковы.

Самые ранние аттические постановления: «ἔδοξε τῷ δήμῳ» («народное собрание [буквально: народ] постановило»); классический период (с 469–458 г. до Р. Х. по 405/404 г. до Р. Х.) («стандартная формула для всех постановлений народного собрания»): «ἔδοξε τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ» («совет и народное собрание [буквально: народ] постановили»); начиная с 403/402 г. до Р. Х. встречаются обе формулы, и предполагается, что они подразумевали разные процедуры. Когда подразумевается выдвижение предложения на собрании: «δέδοχθαι / ἐψηφίσθαι τῷ δήμῳ» («народ высказался / проголосовал»)¹²⁴. Не менее интересно: само слово «δῆμος» не было строго обязательным в таких формулах, вместо него могли фигурировать просто афиняне («ἐψηφίσθαι Ἀθηναίοις» – «афиняне проголосовали»), или могла использоваться «комбинированная» формула («ἐψηφίσθαι δὲ Ἀθηναίων τῷ δήμῳ» – «афинский народ проголосовал»)¹²⁵.

Нечто подобное мы видим и в Древнем Риме, где, между прочим, вообще не существовало общего «технического термина» для народных собраний: в зависимости от своего характера они могли называться по-разному («comitia», «contiones», «concilia»), и собирались они в разных местах (Комиций, Форум, Септа Юлия, Цирк Фламиния, Капитолий). Тит Ливий мог называть при этом Комиций – Форумом. Главным действующим лицом всегда были не собрания как таковые, а «populus Romanus» – «народ римский» (знаменитая формула «SPQR – Senatus populusque Romanus», «сенат и народ римский» – окончательно сложилась только в эпоху принципата¹²⁶). На собраниях при этом «populus» был представлен не полностью, а как «политико-правовой концепт» («constitutional concept», по Х. Моуритсену), и поэтому каждая «политическая толпа» в принципе могла быть «народом». Когда ораторы выступали на собраниях, они обращались не к, допустим, «contio», а к «римскому народу». Соответственно, сами собрания, как считалось, представляли весь народ, и именно так это понималось в политической мысли поздней Республики¹²⁷.

То же самое, хотя и, разумеется, на иной социокультурной основе, мы видим и в средневековых республиках – например, в Венеции, где в докоммунальную эпоху «народное собра-

¹²³ Hansen M. H. *Demos, Ecclesia and Dicasterion in Classical Athens* // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. Vol. 19 (1978). P. 129–130.

¹²⁴ Rhodes P. J. *The Athenian Boule*. Oxford, 1972. P. 64–65.

¹²⁵ Ibid. P. 65, footnote 1.

¹²⁶ Moatti C. *Res publica, forma rei publicae, and SPQR*. P. 40–48.

¹²⁷ Mouritsen H. *Plebs and Politics in the Late Roman Republic*. Cambridge, 2004, особенно P. 17–19, 24–27; см. также: Millar F. *The Roman Republic in Political Thought*. Hanover; London, 2002. P. 153–56.

ние» вообще не имело устойчивого наименования, а в более позднее время утратило там реальное политическое значение¹²⁸.

Никому, однако, не придет в голову на основании всего этого утверждать, что афинская экклесия или древнеримские комиции «не имели значения», были не политическими институтами, а ритуалами или местами их проведения, а сами Афины, Рим или Венеция были «неправильными» республиками. Речь должна идти о другом: в древности, в Средние века, в раннее Новое время с политико-правовыми понятиями обращались более свободно, чем в более позднее время. Кроме того, – и это самое главное – во главу угла при рассмотрении вопроса о раннем и, в частности, древнерусском республиканизме должны быть поставлены иные аспекты проблемы.

Ниже будут рассмотрены некоторые особенности древнерусской политической риторики и будет предпринята попытка показать, что в Новгороде и Пскове она носила ярко выраженный *республиканский* характер. При этом основное (хотя и не исключительное) внимание будет уделено раннему периоду – XII–XIII вв., потому что в историографии высказывались наибольшие сомнения в возможности рассматривать даже новгородскую историю этого времени в республиканском контексте. Наш анализ ни в коей мере нельзя считать исчерпывающим – это лишь предварительные наблюдения, которые должны быть впоследствии проверены на всем корпусе источников и с учетом всех свидетельств.

¹²⁸ См. подробнее: *Лукин П. В.* Средневековая «демократия»: «народные собрания» в Новгороде и Венеции // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики.* 2018. № 4 (74). С. 23–41.

«Политический народ» и «вся воля новгородская»

Подлинным действующим лицом новгородской политической системы был сам Новгород, только в значении не топонима, а общности полноправных новгородцев. Используя терминологию польской историографии, мы предложили для обозначения этой общности понятие «политический народ» (ср.: «pańóð polityczny»), которое, как представляется, наилучшим образом отражает существо дела. С одной стороны, это не абстрактный «народ» вообще («массы», как бы сказали в Новейшее время), от имени которого правят представляющие его (или узурпировавшие право его представлять) депутаты или президенты. Это сообщество людей, которые действительно управляют сами и в этом смысле являются сюзереном на подвластных им территориях. Даже самые незначительные, незнатные, «меньшие» среди них тем не менее являются составной частью этого коллективного сюзерена, что проявляется через их участие в народном собрании (вече) – которое на самом деле правильнее было бы назвать «собранием политического народа», если бы это не выглядело так громоздко. «Политический народ» мог выражать свою волю не только через вече, но и через магистратов – прежде всего архиепископа, посадника и тысяцкого, и в случае если решения принимали они, это все равно считалось решением «политического народа». Но путать новгородских магистратов с выборными представителями Нового времени не стоит. У первых, собственно, не было специфических, «эксклюзивных» сфер полномочий, и вече – и теоретически, и на практике – могло самостоятельно решить, в принципе, любой вопрос (даже, на наш взгляд, незначительный), если он волновал широкие круги новгородцев. С помощью избрания (а точнее, коллективного «выкликания» – аккламации) «политический народ» делегировал должностным лицам право заниматься текущим управлением, всегда оставляя за собой возможность вмешаться в его ход (хотя, конечно, бывали случаи, когда эти последние пытались утаить от сообщества новгородцев те или иные «непопулярные» решения).

Разумеется, изнутри «политический народ» никогда не был монолитен и всегда делился на различные страты, причем по мере эволюции новгородской политической системы это деление усложнялось. И у социальной верхушки доступ к реальной власти был намного шире, чем у рядовых новгородцев. Более того, это было узаконено традицией: например, посадниками могли избираться только бояре. Но всегда существовала четкая грань между теми, кто входил в «политический народ», и теми, кто в него не входил и был полностью отстранен от участия в политической жизни.

На практике в состав «политического народа» входило лишь меньшинство населения огромной Новгородской земли. Фактически принимать участие в политической жизни могли лишь свободные мужчины-горожане, жители самогò Новгорода. Надо подчеркнуть, что это право было связано не столько с физическим проживанием на территории города, сколько с членством в новгородских территориальных организациях: концах и улицах. Для XIV–XV вв., во всяком случае, об этом можно говорить вполне определенно, но и в более раннее время территориальная принадлежность играла, очевидно, решающую роль.

Об этом свидетельствует зафиксированная в раннем и достоверном источнике – берестяной грамоте № 954 – коллективная идентичность жителей новгородского конца, пусть и не в узкополитическом аспекте: «Грамота от Жирочька и от Тъшька къ Вьдьвину. Млви Шильцеви: Цему пошибаеши свиньѣ цюжѣ? А пьнесла Ньздрька. А еси посоромиль коньць вьхъ Людинь: со оного полу грамата. Про къни же та быс(ть), оже еси тако сътвориль»¹²⁹. Стратиграфическая и внестратиграфическая датировки указывают на то, что послание было написано, скорее

¹²⁹ Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). Т. XII. М., 2012. С. 50 (далее – НГБ).

всего, в середине XII в. В грамоте, вероятно, идет речь о зоофилии (хотя есть и другие мнения)¹³⁰, но здесь важно другое. Людин конец на Софийской стороне Новгорода выступает в роли общности, обладающей коллективной честью, на которую можно покушаться, совершив серьезный проступок. Причем особое значение, видимо, имеет то обстоятельство, что обличающее Шильце обвинение пришло с «оного пола», т. е. с противоположной, Торговой стороны Новгорода. Ньздрыка, возможно, жила в Неревском конце на Софийской стороне¹³¹, и тогда речь идет об одном из конфликтов между территориальными группировками, столь частых в Новгороде. Публикаторы грамоты считают даже, что она могла быть написана представителями администрации Людина конца, а адресатом был администратор более низкого ранга, например уличанский староста. Это возможно, но, конечно, совершенно не обязательно. А вот свидетельством существования коллективной идентичности жителей сторон и концов берестяная грамота, безусловно, является.

Вопрос о том, какое деление было более древним, «изначальным», породил некоторую дискуссию. Было высказано мнение, что деление на стороны восходит к первобытной «дуальной» организации, а концы появились позднее и до 80-х гг. XII в. существенной роли в политической жизни не играли¹³². С другой стороны, А. А. Гиппиус (с опорой, в частности, на цитируемую выше берестяную грамоту № 954) отметил, что устойчивое кончанское самосознание должно было сложиться уже в начале XII в., а главным «нервом» истории домонгольского Новгорода было взаимодействие и соперничество между двумя концами Софийской стороны: Неревским и Людиным¹³³. Вопрос заслуживает подробного изучения, но представляется, что в обоих подходах, как ни странно, есть рациональное зерно. Конечно, в нашем распоряжении нет никаких свидетельств об архаическом происхождении как сторон, так и концов. И то и другое – реконструкции разной степени (не)убедительности. Фактом, с другой стороны, является и то, что не только стороны, но и древнейшие концы упоминаются еще в домонгольское время, и есть основания, как справедливо подчеркивает А. А. Гиппиус, удревнить их коллективную идентичность и политическое значение. Однако в той же берестяной грамоте № 954, на которую ссылается исследователь, прямо засвидетельствована и коллективная идентичность «ониполовичей» как жителей «оного пола», «той стороны», а не Славенского конца, хотя *de facto* это было в то время практически одно и то же. Разумеется, это было не самоназвание: так, жителей Торговой стороны называли жителями стороны Софийской. Но характерно, что, когда дело доходило до противостояния, в них часто видели именно жителей стороны, а не конца. Кроме того, в роли отдельной территориальной структуры при описании политической борьбы в летописи может выступать и формально более мелкая единица – улица, как это было с Прусской улицей (что отмечает и сам А. А. Гиппиус). Можно думать, что для домонгольского времени было характерно более лабильное, даже хаотичное территориально-политическое деление, которое лишь позднее кристаллизовалось в более четкую систему из пяти концов, состоявших, в свою очередь, из уличанских общин.

Ключевым моментом являются, однако, не эти важные, но детали, а сам принцип: к новгородскому «политическому народу» на всех этапах истории Новгорода (по крайней мере начиная с XII в.) принадлежали только члены территориальных организаций в границах главного города земли.

¹³⁰ См.: Kassian A. S. Old Russian pošibati «futuere»: further evidence for bestiality in Old Rus' // Russian Linguistics. Vol. 43 (2019). P. 83–84.

¹³¹ НГБ. Т. XII. С. 51–52.

¹³² Петров А. В. От язычества к Святой Руси. Новгородские убоицы. К изучению древнерусского вечевого уклада. СПб., 2003. С. 44–62.

¹³³ Гиппиус А. А. Соперничество городских концов как фактор культурной истории Новгорода XII–XIII вв. // Споры о новгородском вече: междисциплинарный диалог: Материалы круглого стола (Европейский университет в Санкт-Петербурге, 20 сентября 2010 г.) ([Res Publica]. Вып. 6). СПб., 2012. С. 121–135.

Для обозначения «политического народа» использовались разные выражения. Начиная с рубежа XII–XIII вв. в этом качестве закрепляются словосочетания «весь Новгород» или «все новгородцы»¹³⁴. Позднее, в XIV в., когда впервые появившийся за пределами Новгорода эпитет «Великий» распространяется и там, возникает такое обозначение новгородского политического сообщества, как «весь Великий Новгород» или просто «Великий Новгород»¹³⁵. В конце XIV в. и в актах, и в летописях появляется расширенное обозначение новгородского политического сообщества – «[весь] Господин Великий Новгород», а во второй половине XV в. – «[весь] господин господарь Великий Новгород» (слово «господарь» до последнего времени обычно неправильно передавалось и в научных работах, и даже в изданиях источников как «государь»)¹³⁶. В недавнем исследовании Т. С. Исаева убедительно показала, что развитие этих формул было следствием процесса, который автор называет «суверенизацией», т. е. ростом стремления к утверждению политической самостоятельности Новгорода и обоснованию особенностей республиканского строя, выразившимся не только в действиях, но и в риторике¹³⁷.

В то же время авторы, которые склонны скептически относиться к описанию Новгорода и Пскова в рамках республиканской парадигмы, обычно подчеркивают отсутствие там специфической республиканской терминологии, а ту, которая все-таки представлена в источниках, стараются «деконструировать». Такая «деконструкция» обычно идет по двум направлениям: во-первых, утверждается, что она появляется поздно и под влиянием Москвы; во-вторых, «республиканские» понятия трактуются как – парадоксальным образом – свидетельствующие не о свободе, а, наоборот, о подчиненности этих политических образований¹³⁸.

На самом деле уже в домонгольское время, не позднее второй половины XII в., складывается представление о новгородской «вольности» / «свободе»¹³⁹.

Ключевым концептом в рамках этих представлений может считаться «[вся] воля новгородская», отражающий идею о том, что все политические решения в Новгороде принимаются по инициативе или по крайней мере на основе активного согласия новгородцев. Этот концепт сформировался постепенно. Самая ранняя его фиксация в новгородских источниках – в статье *НПЛ* под 1170 г.¹⁴⁰ Под давлением Андрея Боголюбского «сѣдумавъше новъгородьци» вынуждены были «показать путь» своему князю Роману Мстиславичу, «а сами послаша къ Ондръеви по миръ на всѣи воли своеи (здесь и далее выделено мной. – П. Л.)»¹⁴¹. Летописца не остановило очевидное противоречие: незадолго до этого князь Роман во главе новгородцев нанес поражение суздальцам, но при этом они прогоняют князя-победителя, причем делают это якобы «на всѣи воли своеи». Как бы то ни было, представление о воле новгородцев как о праве политического коллектива новгородцев заключать мир на своих условиях проявилось здесь достаточно ясно.

¹³⁴ См. об этом подробнее: *Лукин П. В.* «Весь Новгород»: к вопросу о происхождении и содержании понятия // *Российская история.* 2020. № 4. С. 56–63.

¹³⁵ См.: *Лукин П. В.* «Великий Новгород» // *Slověne. International Journal of Slavic Studies.* Vol. 7 (2018). № 2. С. 403–408.

¹³⁶ См. об этом: *Успенский Б. А.* «Господарь Великий Новгород»: происхождение названия // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики.* 2021. № 3 (85). С. 24–44.

¹³⁷ *Исаева Т. С.* Господин Великий Новгород: эволюция политической формулы в контексте войн и дипломатии Восточной Европы конца XIV–XV веков. Дисс. ... магистра (рукопись). СПб., 2020, *passim*.

¹³⁸ Пример такого подхода см.: *Шумов И. Л.* «Совет господ» и государственная печать в Новгороде и Пскове XIII–XV вв. в контексте истории городов средневековой Европы. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тверь, 2006. С. 19–20.

¹³⁹ О новгородской вольности уже шла речь в работе, посвященной новгородскому вечу (*Лукин П. В.* *Новгородское вече.* 2-е изд., испр., перераб. и доп. М., 2018. С. 522–538), но здесь наша аргументация и выводы существенным образом развиты и дополнены.

¹⁴⁰ О дате см.: *Березжков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 245.

¹⁴¹ ПСРЛ. Т. III. С. 33, 222.

Под 1177/1178 г.¹⁴² читаем в *НПЛ*: «И на зиму приде князь Мьстиславъ съ братомъ Яропълкомъ въ Новгородъ, и посадиша новгородьци Мьстислава на столъ, а Яропълка на Новемь тьргу, а Ярослава на Ламьскомъ волоце, и тако ся управиша *по воли*»¹⁴³. Речь идет о том, что после поражения в междоусобной войне с дядьями-Юрьевичами Мстислав и Ярополк Ростиславичи бежали в Новгород, где они, а также их племянник Ярослав Мстиславич Красный были наделены княжескими столами. Здесь упомянутый концепт представлен, видимо, в зачаточной форме, так что сразу даже не вполне понятно, чья именно воля имеется в виду: новгородцев, князей или тех и других вместе (хотя по смыслу ясно, что «воля» тут могла быть прежде всего новгородская: у беглых князей не было достаточных ресурсов, чтобы навязать свою волю).

Оба известия, как установил А. А. Гиппиус, принадлежат, по-видимому, летописцу новгородского архиепископа Илии (до 1186 г.), следовательно, именно с его творчеством нужно связывать зарождение «риторики вольности» в новгородском летописании¹⁴⁴. Впоследствии сфера ее применения расширяется, а по поводу концепта «вольности / свободы» возникает рефлексия.

Под 1196 г.¹⁴⁵ в *НПЛ* приведена фраза: «Новъгород выложиша вси князи въ *свободу*: кдѣ имъ любо, ту же собе князя поймають»¹⁴⁶. Автор этой сентенции – летописец архиепископов Гавриила и Мартирия¹⁴⁷, и именно ему должна принадлежать честь введения во владычную хронику обоснования происхождения новгородской свободы как пожалованной князьями. Впоследствии этой идее предстояло сыграть важную и неоднозначную роль в истории Новгородской республики. Характерно, что именно в это время, на рубеже XII–XIII вв., оформляются и другие ключевые республиканские концепции и происходят соответствующие институциональные изменения¹⁴⁸. По мнению А. А. Гиппиуса, дарование новгородцам свободы стало следствием межкоалиционного соглашения князей¹⁴⁹, однако то обстоятельство, что «риторика вольности», как мы уже видели, появилась ранее, убеждает, что речь идет о подтверждении князьями новгородской вольности. Об этом, как будет сказано ниже, свидетельствуют и другие данные.

В 1201 г.¹⁵⁰ новгородцы заключили мир с «варягами», т. е. с жителями острова Готланд в Балтийском море¹⁵¹: «А на осѣнь придоша Варязи горою (т. е. по суше, берегом. – П. Л.) на миръ, и даша имъ миръ на *всьи воли своєї*»¹⁵². «Даша миръ», конечно, новгородцы, но эксплицитно это в летописной статье не сказано, и политической институт – обладатель воли – прямо не назван.

Большое значение имеет рассказ *НПЛ* о событиях 1207 г.¹⁵³ Владимирский князь Всеволод Большое Гнездо после оказанной ему новгородцами военной поддержки «вда имъ *волю всю* и уставы старыхъ князь, егоже хотѣху новгородьци, и рече имъ: „кто вы добръ, того любите,

¹⁴² О дате см.: Березжков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 231–234.

¹⁴³ ПСРЛ. Т. III. С. 35, 225.

¹⁴⁴ Гиппиус А. А. Новгородская владычная летопись XII–XIV вв. и ее авторы (История и структура текста в лингвистическом освещении // Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2004–2005. М., 2006. С. 215.

¹⁴⁵ О дате см.: Березжков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 247.

¹⁴⁶ ПСРЛ. Т. III. С. 43, 236.

¹⁴⁷ Гиппиус А. А. Новгородская владычная летопись XII–XIV вв. и ее авторы. С. 215.

¹⁴⁸ Лукки П. В. «Весь Новгород»: к вопросу о происхождении и содержании понятия. С. 56–63.

¹⁴⁹ Гиппиус А. А. Князь Ярослав Владимирович и новгородское общество конца XII в. // Церковь Спаса на Нередице: От Византии к Руси. К 800-летию памятника / Отв. ред. О. Е. Этингф. М., 2005. С. 20.

¹⁵⁰ О дате см.: Березжков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 234.

¹⁵¹ См. об этом: Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л., 1978. С. 102.

¹⁵² ПСРЛ. Т. III. С. 45, 240.

¹⁵³ О дате см.: Березжков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 255.

а злыхъ казните“»¹⁵⁴. На первый взгляд, здесь есть противоречие со статьей 1196 г., где говорится о том, что свобода *уже* дарована Новгороду князьями. Однако указание на «уставы старых князей», думается, проясняет дело: речь идет о подтверждении новым князем – весьма могущественным! – древних новгородских вольностей. По крайней мере, так это изображается в новгородском летописании. «Вольность» в данном случае заключается в праве на самостоятельную юрисдикцию, включающую расправы со «злыми». В 1214/1215 г.¹⁵⁵ княживший в Новгороде Мстислав Мстиславич Удатный («Удалой»), собираясь отправиться в Киев, «створи вѣцѣ на Ярославли дворѣ» и объявил новгородцам: «Суть ми орудия въ Руси (т. е. дела в Южной Руси. – П. Л.), а вы *вольни* въ князѣхъ»¹⁵⁶. Здесь сам князь не только признает новгородскую вольность, но и поясняет, что заключается она в праве приглашать или изгонять князей. В 1218 г.¹⁵⁷ посадник Твердислав говорит новгородцам: «вы, братье, въ посадничествѣ и въ князѣхъ [*вольнѣ*]»¹⁵⁸. Теперь уже посадник заявляет о праве новгородцев сменять как посадников, так и князей. В этом контексте князь явно выступает не как наследственный правитель Новгорода, а как должностное лицо, магистрат; новгородцы имеют право его сменять по собственной воле, и в этом отношении он приравнивается к посаднику.

Следующий очень важный этап – появление выражения «на всей воле новгородской». В нем имеют значение все составляющие: не только «воля», но также и «вся», и «новгородская». Под 1221/1222 г.¹⁵⁹ в *НПЛ* читаем известие о приглашении в Новгород на княжение Всеволода, сына владимирского князя Юрия Всеволодича: «Послаша владыку Митрофана и посадника Иванка и старѣишии мужи Володимирю къ Гюргю къ Всѣволодицю по сынѣ, и вда имѣ Всеволода на всѣи воли новгородьстѣи. Приде князь Всѣволодъ в Новѣгородъ, и владыка и вси мужи одарени бещисла; и ради быша новгородьци, и бысть миръ»¹⁶⁰. Риторическое оформление известия выглядит несколько противоречиво. Всеволода Юрьевича новгородцам «вда» его могущественный отец, но в то же время – «на всей воле новгородской». Но для нас сейчас важно, что даже в этом случае требуется – формальное или неформальное – полное согласие Новгорода. К тому, что конкретно имелось в виду под определением «новгородская», мы еще вернемся. Интересно, что формула «вся воля новгородская» появляется впервые под пером летописца архиепископа Антония¹⁶¹. Ему же мы обязаны, как показал А. А. Гиппиус, форсированным внедрением в летописание формул, подчеркивавших патронат над Новгородом св. Софии, которые также играли важнейшую роль в формировании коллективной политической идентичности новгородцев¹⁶².

Под 1228/1229 г.¹⁶³ в *НПЛ* содержится известие о приглашении в Новгород Ярослава Всеволодича: «Тѣгда отяша тысячьское у Вячеслава и даша Борису Нѣгочевичю, а къ князю послаша къ Ярославу на томъ: „поеди к намъ, забожнице отложи, судье по волости не слати“; *на всѣи воли нашей* и на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ ты нашъ князь; или ты себе, а мы себе»¹⁶⁴. Здесь уже не князь, а сами новгородцы разъясняют в требованиях, адресованных

¹⁵⁴ ПСРЛ. Т. III. С. 50, 248.

¹⁵⁵ О дате см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 258.

¹⁵⁶ ПСРЛ. Т. III. С. 53, 252.

¹⁵⁷ О дате см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 259.

¹⁵⁸ ПСРЛ. Т. III. С. 59, 260. «Волнѣ» – из *НПЛ* *мл.*, но сопоставление чтений показывает, что в *НПЛ* *ст.* – просто механический пропуск.

¹⁵⁹ О дате см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 261.

¹⁶⁰ ПСРЛ. Т. III. С. 60, 262.

¹⁶¹ *Гиппиус А. А.* Новгородская владычная летопись XII–XIV вв. и ее авторы. С. 215.

¹⁶² *Гиппиус А. А.* Архиепископ Антоний, новгородское летописание и культ святой Софии // Хорошие дни... Сборник памяти А. С. Хорошева. М., 2009. С. 181–198.

¹⁶³ Событие имело место между декабрем и февралем 6736 мартовского года, так что, скорее всего, в 1229 г. от Р. Х. (см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 269).

¹⁶⁴ ПСРЛ. Т. III. С. 67, 273.

князю, что подразумевает их вольность: это добровольное провозглашение Ярослава князем при условии признания всей их воли и всех грамот Ярославовых. «Вся воля новгородская» включала, таким образом, в себя право признавать или не признавать князя. В случае нарушения князем этого права предусматривалась санкция – изгнание («ты себе, а мы себе» может подразумевать только это). В качестве основания этих прав фигурируют «все грамоты Ярославли», т. е. реальные или вымышленные документы, выданные новгородцам неким князем Ярославом.

По поводу «Ярославлих грамот», которые еще несколько раз упоминаются в летописи, в историографии уже давно идет дискуссия. В ходе нее высказывались самые разные точки зрения как относительно их датировки (и вообще их реальности), так и по поводу идентификации князя Ярослава, которому они приписываются¹⁶⁵. Вряд ли возможно внести какой-то существенный вклад в эту дискуссию с учетом крайней скудости данных («Ярославли грамоты» прямо упоминаются в летописи лишь четыре раза), но имеет смысл зафиксировать то, что представляется нам очевидным.

Прежде всего, надо отвести мнение о том, что «Ярославли грамоты» – это поздний конструкт или, как пишет современный историк, «красивая легенда, сочиненная новгородскими сводчиками XIV–XV вв.»¹⁶⁶. Как показывают палеографические данные, три известия с их упоминанием из четырех читаются в той части Синодального списка *НПЛ* (*НПЛ ст.*), которая была скопирована не позднее второй половины XIII в., а может быть, даже в 30-е гг. XIII в.¹⁶⁷ О том же свидетельствует и история текста. По-видимому, статьи 1228–1230 гг. с упоминаниями «Ярославлих грамот» были записаны единовременно летописцем архиепископов Спиридона и Далмата в 1230 или 1231 г.¹⁶⁸

Это однозначно свидетельствует о том, что если «грамоты Ярославли» и миф, то миф очень ранний, существовавший уже в домонгольское время. Естественно, это усиливает аргументацию тех исследователей, которые видели в «Ярославлих грамотах» вполне реальные документы (чем бы они ни были). Как справедливо подчеркивает А. В. Петров, в противном случае невозможно было бы себе представить князя, согласившегося принять во внимание несуществующие и (добавим) притом противоречащие его интересам грамоты¹⁶⁹. Можно думать, что «Ярославли грамоты» либо были тождественны упомянутым выше уставам прежних князей, либо были наиболее значимой частью этого «конституционно-правового» комплекса. К сожалению, нет на данный момент способа узнать ни их содержание, ни с каким конкретно князем Ярославом они были связаны. Поздняя традиция указывает, естественно, на Ярослава Мудрого, но это может объясняться посмертной популярностью этого правителя. В этом смысле представляется перспективной мысль Л. В. Черепнина, развитая А. А. Гиппиусом, об оформлении первоначального формуляра новгородско-княжеских договоров в княжение Ярослава Владимировича в конце XII в. и о его связи с «Ярославовыми грамотами»¹⁷⁰.

В 1229 г.¹⁷¹ *НПЛ* сообщает о прибытии в Новгород Михаила Всеволодича Черниговского: «Приде князь Михаилъ ис Чърнигова въ Новьгородъ <...> и ради быша новгородци своему хотѣнью. И цѣлова крестъ на всѣи воли новгородьстѣи и на всѣхъ грамотахъ Ярослав-

¹⁶⁵ Подробнее об историографии вопроса: Буров В. А. Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. М., 1994. С. 6–8; Петров А. В. От язычества к Святой Руси. С. 71–87.

¹⁶⁶ Толочко П. П. О новгородских «вольностях в князьях» // «Вертоград многоцветный». Сборник к 80-летию Б. Н. Флори. М., 2018. С. 111.

¹⁶⁷ Гимон Т. В., Гиппиус А. А. Новые данные по истории текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. Вып. 7 (17). СПб., 1999. С. 42; Клосс Б. М. Предисловие к изданию 2000 г. // ПСРЛ. Т. III. С. V, VIII.

¹⁶⁸ Гиппиус А. А. Новгородская владычная летопись XII–XIV вв. и ее авторы. С. 213–214.

¹⁶⁹ Петров А. В. От язычества к Святой Руси. С. 69–70.

¹⁷⁰ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. 1. М.; Л., 1948. С. 253–254; Гиппиус А. А. Князь Ярослав Владимирович и новгородское общество конца XII в. С. 20–21.

¹⁷¹ О дате см.: Березжков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 269.

лихь...»¹⁷². Проявлением «всей воли новгородской» оказывается право «новгородцев» приглашать князей из разных русских земель по своему «хотению».

Под 1230 г.¹⁷³ читаем в *НПЛ* об еще одном приглашении в Новгород Ярослава Всеволодича: «И послаша [новгородцы] по Ярослава на всеи воли новгородьстѣи; Ярославъ же въбързѣ приде въ Новѣгородъ <...> и створи вѣцѣ, и цѣлова святую Богородицу на грамотахъ на всѣхъ Ярославихъ»¹⁷⁴. В данном случае обращает на себя внимание церемония, представляющая собой своего рода манифестацию «всей воли новгородской»: приглашенный новгородцами князь созывает вече, на котором публично присягает на «Ярославлих грамотах», целуя икону Богородицы. Отсюда становится ясно, кто именно выступал носителем «всей воли новгородской». Это был новгородский политический коллектив, собиравшийся на вечевые собрания.

Но, что самое главное, точно так же понимали ситуацию (хотя оценивали ее, естественно, противоположным образом) и в других землях. Важнейшее значение здесь имеет древнейший рассказ о походе войск Андрея Боголюбского и его союзников на Новгород в 1170 г.¹⁷⁵ Он сохранился в *Лавр.* и *Ин.* в составе так называемой антиновгородской версии летописной повести о битве новгородцев с суздальцами, но в *Ин.* – в несколько искаженном и измененном виде. В нем содержится следующее рассуждение: «Тако и сия люди Новгородьскыя наказа Богъ и смѣри я дозѣла за преступленье крестное, и за гордость ихъ наведе на ня, и милостью своею избави град ихъ. Не глаголем же: „Прави суть Новгородци, яко издавна суть свобожени Новгородци прадѣды князь нашихъ“, но аще бы тако было, то велѣли ли имъ преднии князи крестъ преступити, или внукуы, или правнукуы соромляти, а крестъ честныи цѣловавше ко внуком ихъ и к правнукомъ, то преступати»¹⁷⁶. В *Ин.* из-за механического пропуска отсутствует важнейшая фраза «яко издавна суть свобожени Новгородци», а после «прадѣды князь нашихъ» текст дан в другой редакции: «но злое невѣрьствие в нихъ вкоренилося – крестъ къ княземъ преступати и князѣ внукуы и правнукуы обеществовати и соромляти». Южнорусский книжник явно усиливает инвективы своего владимирского предшественника, на что уже указывал Б. Н. Флоря¹⁷⁷.

Как должна датироваться эта запись и кто ее автор? Антиновгородская летописная повесть о битве новгородцев с суздальцами возникла, по-видимому, в близкое к самому событию время¹⁷⁸. В любом случае она не могла появиться позже конца XII в., когда был составлен Киевский свод в составе *Ин.* и Владимирский свод в составе *Лавр.* Именно творчеству составителя последнего и принадлежит, очевидно, рассуждение о грехах новгородцев. Этот свод А. А. Шахматов датировал 1185 г. Высказывались предположения и об иной его датировке, и о предшествующем, также владимирском своде, который ряд исследователей датирует в пределах 1170-х гг.¹⁷⁹ Как бы то ни было, не вызывает сомнений, что мы имеем дело с записью современника, жившего в Суздальской земле и работавшего в интересах ее правителей. М. Д. Приселков, который датирует владимирский летописный свод 1177 г., характеризует его составителя так: «Сводчик 1177 г., конечно, владимирец, лицо, весьма близко разделяющее все политические планы Андрея Боголюбского и его преемника Всеволода...». Сводчиком

¹⁷² ПСРЛ. Т. III. С. 68.

¹⁷³ О дате см.: *Березжков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 269–270.

¹⁷⁴ ПСРЛ. Т. III. С. 70.

¹⁷⁵ В *Ин.* проставлена ошибочная дата. См.: *Березжков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 68, 184–186.

¹⁷⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 362. См. также: ПСРЛ. Т. II. Стб. 561.

¹⁷⁷ *Флоря Б. Н.* Новгород и князья в XII в. // Великий Новгород и Средневековая Русь: Сборник статей: К 80-летию академика В. Л. Янина. М., 2009. С. 299.

¹⁷⁸ *Дмитриев Л. А.* Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973. С. 100, 108–111.

¹⁷⁹ *Шахматов А. А.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 15–18; *К[лосс] Б. М.* Лаврентьевская летопись // Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания: Аннотированный каталог-справочник / Под ред. Я. Н. Шапова. СПб., 2003. С. 23–26.

этим, по мнению исследователя, мог быть клирик Успенского собора во Владимире¹⁸⁰. С этим в целом можно согласиться – и именно поэтому это свидетельство исключительно ценно.

Важно и то, что сентенция о грехах новгородцев содержится и в *Ин.*, куда она, очевидно, попала в составе ее северо-восточного источника. Исследователи по-разному определяли его характер и происхождение, однако ясно, что в основе это был владимирский свод, родственный тому, который был использован в *Лавр.*, но не тождественный ему¹⁸¹. Это означает, что риторика новгородской вольности в XII в. не была плодом конструирования новгородских книжников – она была известна и становилась объектом рефлексии и в Суздальской земле, и в Южной Руси.

Владимирский летописец, несомненный сторонник весьма автократического князя Андрея Боголюбского и очевидный противник Новгорода, конечно, осуждает новгородцев за дерзость в отношении князей. Но тут важнее, *как* он это делает и *что* конкретно оспаривает. Новгородцы виновны в несоблюдении (в данном случае неважно, реальном или мнимом) договоренностей с князьями, которые они же сами поклялись соблюдать, и нарушении данного в связи с этим крестоцелования, в том, что они срамят, бесчестят князей (здесь, видимо, имеется в виду изгнание князей и связанные с этим насильственные действия), наконец, в грехе гордыни. Господь «смиряет» новгородцев за нарушение крестного целования и неоправданные, с точки зрения летописца, притязания («гордость»). Однако в самом факте того, что «прадеды» современных ему князей даровали новгородцам свободу, автор «антиновгородского» летописного сказания не сомневается – во всяком случае, прямо¹⁸². Оказывается, таким образом, что представления о новгородской вольности, дарованной некими древними князьями, были распространены не только в Новгороде, но и по всей Руси уже в 70-е гг. XII в. А если принять во внимание, что для их формирования необходимо было время, можно думать, что сложились они не позднее середины XII в.

Косвенное свидетельство этого – горькие слова дружинников о ненадежности новгородцев, адресованные своему князю Святославу Ростиславичу, в рассказе *Ин.* о его изгнании из Новгорода в 1167 г.¹⁸³: «А топерво суть к тобѣ хрестъ целовали вси по отни смерти, но обаче невѣрни суть всегда ко всимъ княземъ»¹⁸⁴. К сожалению, трудно определить, в какое именно время было записано это известие. В последнее время, впрочем, благодаря лингвистическим наблюдениям И. С. Юрьевой появилась возможность высказать некоторые предположения по этому поводу. В этой статье присутствуют такие достаточно характерные маркеры, предложенные исследовательницей, как употребление в инфинитивных оборотах глагола «начати» (а не «почати») и временной конструкции «томъ же лѣтъ». Это указывает на ее принадлежность к выделенной И. С. Юрьевой на основании этих и ряда других признаков IV части Киевского свода (примерно за 1152–1171 гг.¹⁸⁵)¹⁸⁶. Обращает на себя внимание также тот факт, что верхняя хронологическая граница этой части маркирована словом «Зачало» и новым заголовком и совпадает с началом правления нового киевского князя из другой ветви Рюриковичей – Глеба Юрьевича из суздальских Мономашичей вместо Мстислава Изяславича из волынских Мстиславичей. Конечно, речь идет пока о предварительных наблюдениях (Киевский свод много-

¹⁸⁰ *Приселков М. Д.* История русского летописания. XI–XV вв. СПб., 1996 (1-е изд.: 1940). С. 119, 122–123.

¹⁸¹ *Шахматов А. А.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. С. 74–76; *Приселков М. Д.* История русского летописания. XI–XV вв. С. 145–146.

¹⁸² См. также: *Лимонов Ю. А.* Владимиро-Суздальская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1987. С. 124–125.

¹⁸³ О дате см.: *Лукин П. В.* Новгородское вече. С. 191–192.

¹⁸⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 537.

¹⁸⁵ На самом деле до 1169 г. (см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 181).

¹⁸⁶ *Юрьева И. С.* К определению текстологических границ внутри Киевской летописи: некоторые грамматические и лексические данные // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2021. № 1 (27). С. 305–331. Благодарю И. С. Юрьеву за возможность ознакомиться с текстом ее неопубликованной работы и М. Л. Лавренченко за содействие.

слоен, в нем использованы разные источники, в том числе книжного происхождения), но если выявленный рубеж обоснован верно, мы вновь имеем дело практически с современной событию записью. Следовательно, представления о «неверности» новгородцев были распространены в окружении князей-потомков Мстислава Великого.

В летописном известии не говорится о новгородской вольности, там присутствуют те же мотивы, что и в рассмотренной выше сентенции о «грехах» новгородцев: обвинения в нарушении крестоцелования и недолжном отношении к князьям. Оно, таким образом, может объяснить и интерес на юге Руси к проблематике новгородской вольности, и заимствование из северо-восточного источника соответствующего рассуждения. В связи с этим обращает на себя внимание, что окончательно редактировался Киевский свод при Рюрике Ростиславиче, которому главный «герой» событий 1167 г. в Новгороде, Святослав Ростиславич, приходился родным братом. В походе на Новгород в 1170 г. участвовали как суздальские войска Андрея Боголюбского, так и полки смоленских Ростиславичей¹⁸⁷, так что по вопросу об оценке новгородских вольностей у них в то время расхождений не было, и это вполне могло способствовать «дублированию» рассуждений владимирского летописца в южнорусском летописании.

В литературе была предпринята попытка более точно определить время возникновения представлений о новгородской вольности на основании летописных рассуждений о даровании дедами и прадедами тогдашних князей свободы новгородцам и панегирика, адресованного в *Ин.* от имени новгородцев умершему в 1180 г. Мстиславу Ростиславичу как князю, «створшему толикую свободу Новгородьцемъ от поганыхъ, якоже и дѣдъ твои Всеволодъ свободил ны бяше от всѣхъ обидь»¹⁸⁸. Б. Н. Флоря, который подробно проанализировал сентенцию о «грехах» новгородцев, считает, что «дед твой Всеволод» – киевский князь Всеволод Ярославич, который хотя и не был дедом Мстислава Ростиславича в буквальном смысле слова, но был его пращуром, предком по прямой линии (дедом его деда – Мстислава Великого, носившего то же имя)¹⁸⁹. Эта точка зрения имеет серьезные основания. Популярность Всеволода среди Ростиславичей подтверждается другим панегириком – Рюрику Ростиславичу, в княжение которого, как уже говорилось, и возникла окончательная редакция Киевского свода. В нем говорится о том, что «богомудрыи князь Рюрикъ пятыи бысть от того» (т. е. от Всеволода Ярославича) – точно как сказано в Библии «о правѣднемъ Иевѣ от Аврама»¹⁹⁰. Таким образом, Всеволод Ярославич сравнивается с ветхозаветным прародителем множества народов и, в частности, избранного – еврейского. Любопытно, что в этом качестве выступает именно Всеволод Ярославич, а не Ярослав Мудрый или Владимир Мономах (хотя представление о «Владимировом племени» в летописи зафиксировано). Можно подумать, что это была лишь локальная традиция Ростиславичей, связанная с основанным Всеволодом Выдубицким монастырем, и этого нельзя полностью исключать, имея в виду, что автором панегирика Рюрику и, скорее всего, панегириков его предкам в *Ин.* был игумен Выдубицкого монастыря Моисей¹⁹¹. Однако если обратиться к сентенции о «грехах» новгородцев в *Лавр.* и *Ин.*, нетрудно заметить следующее. Известие это, как уже говорилось, – владимирское. Если понимать указание на дарование свобод новгородцам прадедами «наших князей» буквально, оказывается, что оно ведет к Ярославичам и прежде всего ко Всеволоду: Андрей Боголюбский и его братья были правнуками именно Всеволода Ярославича¹⁹². В Киевском своде оно ведет скорее к Владимиру Мономаху.

¹⁸⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 361; Т. III. С. 32.

¹⁸⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 610.

¹⁸⁹ Флоря Б. Н. Новгород и князья в XII в. С. 298–299; *Он же.* Представления об отношениях власти и общества в Древней Руси (XII – начало XIII в.) // Власть и общество в литературных текстах Древней Руси и других славянских стран / Отв. ред. Б. Н. Флоря. М., 2012. С. 42–43.

¹⁹⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 709.

¹⁹¹ Приселков М. Д. История русского летописания. XI–XV вв. С. 86–89.

¹⁹² См. также: Янин В. Л. Новгородские посадники. 2-е изд. М., 2003. С. 84.

К этому времени значимый для составителя / редактора этой летописи Ростислав Мстиславич уже умер, и в роли протагонистов выступали его сыновья, прадедом которых был не Всеволод, а его сын Владимир Мономах. Разумеется, это лишь косвенное свидетельство, так как под «прадедами» могли пониматься и просто предки¹⁹³. Есть, однако, прямое подтверждение того, что Всеволод Ярославич особо почитался и суздальскими Мономами, причем именно в контексте их притязаний на власть в Новгороде. Под 1199 г. в *Лавр.* и родственных ей летописях рассказывается о приглашении новгородцами на княжеский стол сына Всеволода Большое Гнездо Святослава (подробнее об этом известии будет также говориться ниже). В *Лавр.* прибывшая во Владимир-на-Клязьме новгородская делегация говорит Всеволоду Юрьевичу так: «Ты господинъ князь великий Всеволодъ Гюргевиц, просимъ у тебе сына княжить Новгороду...»¹⁹⁴. В Летописце Переяславля Суздальского (далее – *ЛПС*), в котором отразилась переяславская редакция начала XIII в. более раннего владимирского свода, представленного *Лавр.*, читаем: «Ты господинъ, ты Гюрги, ты Владимиръ, просимъ у тебе сына княжить Новгороду»¹⁹⁵. Здесь по законам так называемого мифологического отождествления Всеволод Большое Гнездо оказывается не просто «господином» и «великим князем», а как бы реинкарнацией своих отца и деда: Юрия Долгорукого и Владимира Мономаха и на этом основании получает права распоряжаться новгородским княжением. Но в Радзивилловской и Московско-Академической летописях (далее соответственно – *Радз.* и *Ак.*) появляется еще одно дополнение: «Господине, ты еси Володимиръ, ты Юргии, ты Всеволодъ»¹⁹⁶. На сцене появляется еще и прадед – Всеволод Ярославич, и это подтверждает, что под прадедом «наших князей» действительно могло пониматься конкретное историческое лицо. Точная датировка этого добавления вряд ли возможна. Допустимы, во-первых, два варианта. Она могла появиться в переяславской переработке владимирского свода конца XII в., а потом быть «потеряна» при переписке *ЛПС* (это могло быть спровоцировано, например, совпадением имен прадеда и правнука). Но это может быть и вставкой протографа *Радз.* и *Ак.*, которая, в свою очередь, представляла собой опирающуюся на переяславскую редакцию переработку владимирского свода. Во-вторых, если дело обстояло так, то точно датировать эту переработку затруднительно. Производилась она, очевидно, в интересах владимирского князя Юрия Всеволодича (сына Всеволода Большое Гнездо) и, возможно, не один раз (так, А. А. Шахматов обратил внимание на то, что в одном месте в протографе *Радз.* и *Ак.* исходное чтение «половци» было изменено на «татарове»¹⁹⁷, что указывает на время как минимум после битвы на Калке)¹⁹⁸. Как бы то ни было, ясно, что память о Всеволоде Ярославиче как о создателе модели отношений с Новгородом жила среди элиты Суздальской земли еще при его праправнуках.

От каких же «обид» освободил новгородцев Всеволод Ярославич? Всеволод никогда в Новгороде не княжил. В. Л. Янин предположил, что в конце 1080-х гг. между Всеволодом Ярославичем, который был тогда киевским князем, и новгородцами было заключено соглашение, в соответствии с которым тогдашнего новгородского князя Святополка Изяславича сменял внук Всеволода Мстислав Владимирович. Это было обусловлено, во-первых, укреплением Новгорода за потомством Всеволода Ярославича, во-вторых, признанием права новгородцев самостоятельно избирать посадников¹⁹⁹. Гипотеза представляется весьма интересной: она объясняет одновременно «культ Всеволода» в южнорусском и, возможно, северо-восточ-

¹⁹³ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. VII. М., 2004. С. 463 (далее – СДРЯ).

¹⁹⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 415.

¹⁹⁵ ПСРЛ. Т. XLI. С. 123.

¹⁹⁶ ПСРЛ. Т. XXXVIII. С. 160; Т. I. Стб. 415–416, разночтения.

¹⁹⁷ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. С. 50.

¹⁹⁸ Лурье Я. С. О происхождении Радзивилловской летописи // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 18. Л., 1987. С. 75–79, 81 (стемма).

¹⁹⁹ Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 83–84.

ном летописании потомков Всеволода Ярославича; помещает институциональные основы новгородской вольности в эпоху, очень близкую к Ярославу Мудрому (вспомним «Ярославли грамоты» и характеристику Всеволода в начальной летописи как любимого сына Ярослава²⁰⁰); объясняет возмущение князей тем, что они считали нарушением этих «исконных» установлений. К этому можно еще добавить и амбивалентную оценку начальной летописью правления Всеволода Ярославича в его некрологе. Летописец, с одной стороны, весьма высоко отзывается об усопшем князе, с другой – отмечает, что «печаль бысть ему от сыновець своихъ», т. е. племянников, которые претендовали на расширение своих владений, он же их замирял, раздавая им волости²⁰¹. Такой обстановке вполне соответствует и предоставление неких «протовольностей» новгородцам. Важно и то, что рассуждения о недостатках Всеволода были, по-видимому, внесены в летопись автором Начального свода 90-х гг. XI в. при редактировании предыдущего летописного свода, т. е. через непродолжительное время после смерти князя в 1093 г. А это означает высокую степень достоверности соответствующей информации²⁰².

Как бы то ни было, можно считать, что представления о новгородской вольности сформировались не позднее середины – второй половины XII в. и, возможно, некоторые их предпосылки возникли и ранее – не позднее конца XI в. Своеобразным «триггером», который побудил древнерусских книжников к активному осмыслению новгородской вольности, стала осада Новгорода войсками княжеской коалиции в 1170 г. Южнорусские и владимирские летописцы, не отрицая самого права новгородцев на свободы и ее институциональных форм, акцентировали внимание на их обязанности чтить князей и твердо соблюдать заключенные договоры, а новгородские летописцы, в свою очередь, не отрицая того, что их вольность была изначально дарована князьями и что в принципе они должны соблюдать договоренности, подчеркивали примат «всей воли новгородской» и *de facto* исходили из условности своих обязательств по отношению к князьям. Несмотря на очевидную противоположность этих установок, они основываются на некоем едином фундаменте: 1) признании легитимности новгородской вольности как таковой (при различной ее интерпретации); 2) признании того, что эта вольность в конечном счете восходит к даровавшим ее пращурам из династии Рюриковичей. Эти рамки, хотя в дальнейшем и предпринимались определенные попытки выйти за их пределы, в целом сохранялись почти до конца новгородской независимости, когда при великом князе Иване III московскими властями был взят курс на отрицание самого принципа новгородской вольности и ее институционального оформления.

После монголо-татарского нашествия какие-то значительные изменения в риторике новгородской вольности можно заметить далеко не сразу. Обнаруживаются лишь некоторые нюансы, первая фиксация которых лишь в это время может объясняться случайными обстоятельствами. Так, в рассказе о военном конфликте с ливонскими немцами в 1253 г. сообщается о заключении мира с ними «на всеи воли новгородской и на пльсковской»²⁰³. Новгородский летописец говорит здесь о единой воле двух политических коллективов – новгородского и псковского. Это, с одной стороны, свидетельствует о том, что Псков рассматривается в рамках новгородской официальной идеологии как политический организм, близкий к новгородскому или даже единый с ним, а с другой – фактически уравнивает Псков с Новгородом: Псков здесь уже не пригород. Подобные характеристики по отношению к другим новгородским «пригородам» (Русе, Торжку, Ладогe) отсутствуют.

²⁰⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 215–216.

²⁰¹ Там же. Стб. 216.

²⁰² Михеев С. М. Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011 (Славяно-германские исследования. Т. 6). С. 136.

²⁰³ ПСРЛ. Т. III. С. 80, 307.

Понять, кто являлся носителем «всей воли новгородской», можно как бы «от противного» – из тех описаний, в которых фигурирует какая-то чужая, «неправильная» (с точки зрения летописца) воля.

В 1255 г. новгородцы выгнали ставленника Александра Невского, его сына Василия, и пригласили вместо него из Пскова его дядю Ярослава Ярославича. Разгневанный Александр Ярославич двинулся во главе войска на Новгород, требуя выдать организаторов крамолы. Среди новгородцев произошел раскол, и вячшие (знатные, зажиточные) задумали «побѣти меншии, а князя въвести на своей воли»²⁰⁴. Непосредственно перед этим рассказывается о принятии противоположного решения на вече: «И рекоша меншии у святого Николы на вѣчи; „братье, ци како речеть князь: выдаите мои ворогы“; и цѣловаша святую Богородицу меншии, како стати всѣмъ, любо животь, любо смерть за правду новгородскую, за свою отчину»²⁰⁵. В историографии высказывались разные мнения о социальной подоплеке этих событий. В частности, распространена точка зрения о том, что это было особое вече, в котором участвовали только «меньшие». Нам это представляется никак не вытекающим из прямого смысла известия: в нем говорится лишь о заявлениях и действиях «меньших» на вече, а не о том, что в нем участвовали только они. Кроме того, вече состоялось на своем обычном месте – у Никольской церкви на Ярославовом дворище, и вряд ли у «меньших» были какие-то возможности не пустить туда «вячших», разве что последние сами туда не явились, зная, что останутся там в меньшинстве, и не желая противопоставлять себя могущественному Александру Невскому (понятия о кворуме применительно к вечевым собраниям, как известно, не существовало)²⁰⁶. Но в данном случае важнее риторические приемы летописца: он явно изображает это вече и его решения как вполне законные. Более того, из его слов следует, что именно «меньшие» в тот момент выступали в роли защитников высшей ценности новгородского политического коллектива – новгородской «правды». В известии *НПЛ* под 1229 г. Михаил Всеволодич Черниговский, отъезжающий из Новгорода и оставляющий вместо себя своего сына Ростислава, также говорит о «правде новгородской»: «А мнѣ <...> дай богъ исправити правда новгородская, тоже от вас пояти сына своего»²⁰⁷.

Что это такое?

В *НПЛ* слово «правда» встречается и ранее. Когда в феврале 1216 г. в Новгород вернулся князь Мстислав Мстиславич Удатный, с тем чтобы выручить новгородцев, страдавших от блокады, организованной занявшим Торжок Ярославом Всеволодичем, он, согласно летописи, заявил: «...да не будетъ Новыи тѣргъ Новгородомъ, ни Новгородъ Тѣржкомъ; нѣ кѣде святая София, ту Новгородъ; а и въ мнозѣ богъ, и в малѣ богъ и правда»²⁰⁸. К республиканским ценностям, однако, эта «правда» отношения не имеет. Здесь это скорее религиозное понятие, тесно связанное с евангельской этикой. Правда здесь – справедливость, освященная Христом²⁰⁹. Иногда «правда» в новгородском летописании – это просто обет или договор²¹⁰. Иное дело – «правда новгородская».

В «Словаре древнерусского языка XI–XIV вв.» эти два упоминания «правды новгородской» разнесены по двум рубрикам словарной статьи «Правда»²¹¹. В известии под 1229 г., по мнению составителей словаря, имеется в виду «договор, условия договора», а под 1255 г. – «право, возможность действовать, поступать каким-л. образом». Однако эти интерпрета-

²⁰⁴ ПСРЛ. Т. III. С. 81, 308.

²⁰⁵ Там же. С. 80–81, 307–308.

²⁰⁶ *Лукш П. В.* Новгородское вече. С. 231–241.

²⁰⁷ ПСРЛ. Т. III. С. 68, 275.

²⁰⁸ Там же. С. 55, 254.

²⁰⁹ См. об этом: *Юрганов А. Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 47–50.

²¹⁰ СДРЯ. Т. VII. С. 453.

²¹¹ Там же. С. 453.

ции представляются довольно искусственными, и в обоих случаях, скорее всего, речь идет об одном и том же. В 1229 г. князь Михаил собирался защитить Новгород от Ярослава Всеволодича и именно в связи с этим обещал «исправити правда новгородская». Здесь усматривается очевидная параллель с выражением «правды Божья исправити», которое мы видим в повествовании *Лавр.* о междоусобице в Суздальской земле в 1170-е гг. Там, в частности, сказано, что в конфликте между старыми и новыми городами «не разумѣша правды Божья исправити Ростовци и Суждалци, давнии творящесе старѣишии, новии же людье мѣзинии Володимерьстии уразумѣвше, яшася по правду крѣпко»²¹². «Исправити» здесь – «исполнить что-л., совершить; выполнить, осуществить»²¹³. Советские историки обычно подчеркивали политическую составляющую владимирской «правды» как стремления обосновать право на самостоятельное управление и политическую независимость. Подразумевается, конечно, что действия «младших» городов Суздальской земли – прежде всего Владимира-на-Клязьме – соответствовали Божественной справедливости, а «старых» городов – Ростова и Суздаля – ей противоречили²¹⁴.

Новгородские «меньшие» в 1255 г., разумеется, собирались сложить свои жизни не за «право поступать каким-либо образом», как и ранее Михаил Всеволодич, обещая постоять за «правду новгородскую», также вряд ли стремился *только* соблюсти договор с новгородцами. Речь шла о чем-то большем – о той «правде», которая может быть сопоставима с «правдой Божьей» и о которой эксплицитно говорится в повествовании *Лавр.* о междоусобной войне в Суздальской земле.

Немецкий историк Вернер Филипп в свое время отмечал, что в рассказе *Лавр.* об этих событиях проявилось представление об «укорененном в Господе городском праве» Владимира²¹⁵. Другой немецкий историк, Клаус Цернак, справедливо добавил, что «правда» здесь одновременно и «закон» («Gesetz»), и «истина» («Wahrheit») ²¹⁶. И с этим вполне можно согласиться. Заметим при этом, что во Владимире не выработалось понятия о «правде владимирской» (как и о «воле владимирской»). В Новгороде же представление о санкционированном свыше автономном городском праве обрело конкретные понятийные формы.

Возвращаясь к воле «вячших» в известии 1255 г., можно сказать, что летописец – имплицитно – противопоставляет ее воле всего новгородского политического коллектива, единство которого «вячшие» раскалывают, а «меньшие», наоборот, выступают от его имени. Тем самым он подчеркивает, что истинным носителем новгородской вольности является новгородский политический коллектив, а критерием легитимности принимаемых им решений служит соответствие их новгородской «правде», в которую включен как собственно политико-правовой аспект (принятие решений на вече), так и аспект религиозно-этический. Чтобы соответствовать «правде новгородской», решения должны не только быть приняты «правильными» людьми, «правильным» способом и в «правильном» месте, но и быть «правильными» по своей внутренней сущности. Во всяком случае, так это выглядит в изображении автора летописной статьи под 1255 г. – по-видимому, им был Тимофей, пономарь, владычный нотариус и летописец

²¹² ПСРЛ. Т. I. Стб. 378.

²¹³ СДРЯ. Т. IV. М., 1991. С. 71.

²¹⁴ *Вороши Н. Н.* К характеристике владимирского летописания 1158–1177 гг. // *Летописи и хроники.* 1976 г. М., 1976. С. 34–36; *Черепнина Л. В.* Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда // *Древнерусское государство и его международное значение* / Под ред. В. Т. Пашуто и Л. В. Черепнина. М., 1965. С. 270–271.

²¹⁵ *Philipp W.* Die religiöse Begründung der altrussischen Hauptstadt // *Festschrift für Max Vasmer zum 70. Geburtstag am 28. Februar 1956* / Zusammengestellt von M. Woltner und H. Bräuer. Wiesbaden, 1956 (Veröffentlichungen der Abteilung für slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts (Slavisches Seminar) an der Freien Universität Berlin. Bd. 9). S. 382. См. также: *Петрухин В. Я.* Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // *Из истории русской культуры.* Т. I (Древняя Русь). М., 2000. С. 225.

²¹⁶ *Zernack K.* Die burgstädtischen Volksversammlungen bei den Ost- und Westslaven. Studien zur verfassungsgeschichtlichen Bedeutung des Veče. Wiesbaden, 1967 (Giessener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des europäischen Ostens. Bd. 33). S. 95.

сец архиепископов Спиридона и Далмата²¹⁷. Он, как уже отмечалось и как мы увидим ниже, и в других отношениях был весьма ярким и нетривиальным публицистом²¹⁸. Ему не мешали даже противоречия между концепцией и реальностью. Условием завершения конфликта 1255 г. со стороны Александра Невского стало отстранение от должности популярного посадника Онаньи. Это условие, шедшее вразрез с требованиями новгородцев к князю забыть свой «гнев» к Онанье, было выполнено. Однако летописец и после этого утверждает, что стороны «взяша миръ на всеи воли новгородской»²¹⁹.

Еще одно противопоставление, в котором можно «прочитать» имплицитную «волю новгородскую», – это упоминания в негативном контексте воли князя. Так, под 1269 г.²²⁰ в *НПЛ* говорится об избрании тысяцким Ратибора Клуковича: «Тогда же даша тысяцкое Ратибору Клуковичю по княжи воли»²²¹. Это вполне осознанно поставленный акцент, поскольку новгородский владычный летописец (по-видимому, упомянутый выше нотариус Тимофей²²²) был противником тогдашнего князя Ярослава Ярославича и уже в статье следующего года с удовольствием напишет о его изгнании из Новгорода. Становится ясным, что «воля новгородская» – не просто формальный ритуал, организованное сверху ликование народных масс, а самостоятельное решение новгородского политического сообщества при отсутствии прямого навязывания этого решения со стороны князя.

Венцом эволюции концепции новгородской воли можно считать появление эксплицитного, прямого (а не имплицитного) сопоставления воли новгородского «политического народа» с волей Божьей. Об этом подробнее мы говорим в другом месте²²³, но здесь можно вкратце суммировать сделанные наблюдения.

В сочинениях гамбургского богослова и политического деятеля, состоявшего на службе у Ганзейского союза, Альберта Кранца (1448–1517), посвященных истории окрестных земель, в том числе славянских («Вандалия», «Саксония»), есть и сюжеты, связанные с Новгородом. В них, в частности, рассказывается о присоединении Новгорода к Московскому государству и упоминается фраза, которую гордые новгородцы до этого использовали как пословицу: «Кто может что-либо сделать против Бога и Великого Новгорода? («*Quis potest contra Deum et magnam Nouguardiam?*»)»²²⁴.

Эта фраза впоследствии стала весьма популярной среди иностранцев, писавших о России, и ее повторяли еще в XVII–XVIII вв.²²⁵ Долгое время считалось, что в сочинениях А. Кранца сопоставление воли Божьей и воли Великого Новгорода встречается впервые²²⁶. И, конечно, в таком случае всегда есть почва для предположений о «книжном» или «литературном» характере фразы. Выясняется, однако, что, хотя ее, по-видимому, нет в русскоязычных текстах, она обнаруживается в послании немецкой купеческой общины в Новгороде властям

²¹⁷ *Гиттиус* А. А. Новгородская владычная летопись XII–XIV вв. и ее авторы. С. 214–215.

²¹⁸ См. о нем и его стиле: *Гиттиус* А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 (16). СПб., 1997. С. 8–12.

²¹⁹ ПСРЛ. Т. III. С. 81, 308.

²²⁰ О дате см.: *Бережков* Н. Г. Хронология русского летописания. С. 273.

²²¹ ПСРЛ. Т. III. С. 88, 319.

²²² *Гиттиус* А. А. Новгородская владычная летопись XII–XIV вв. и ее авторы. С. 215.

²²³ *Лукин* П. В. «Бог и Великий Новгород»: функционирование и значение формулы // *Sub specie aeternitatis*: Сборник научных статей к 60-летию В. Б. Крысько / Отв. ред. И. М. Ладыженский, М. А. Пузина. М., 2021. С. 394–402.

²²⁴ *Alberti Krantzii Wandalia*. Francofurti, 1575. Lib. I. Cap. 2. P. 5; Lib. XIII. Cap. 15. P. 301; *Alberti Krantzii Saxoniam*. Francofurti ad Moenum, 1580. Lib. XII. Cap. 16. P. 321.

²²⁵ *Ткаченко* В. В. Великий Новгород и его история глазами путешественников XVIII в. // *Исторический журнал: научные исследования*. 2019. № 2. С. 97–98.

²²⁶ *Kappeler* A. «*Quis potest contra Deum et Magnam Neugardiam?*» Novgorod und sein Verhältnis zum Moskauer Zentrum im Lichte von Ausländerberichten des 16. und 17. Jahrhunderts // *Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen* / Hrsg. von A. Kappeler. Wiesbaden, 2004 (Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 63). S. 167–184.

Ревеля от 21 декабря 1406 г. В нем передается диалог между новгородским тысяцким и жаловавшимся на свое положение ганзейскими купцами, в ходе которого новгородский магистрат, в частности, заявил, «что он один не может говорить от имени Великого Новгорода, *это находится в воле Божьей и Великого Новгорода*» («...it wer Godes wille vnd Grote Nougarden»)²²⁷. Послания немецкой купеческой общины в Новгороде властям ганзейских городов Ливонии – источник максимально далекий от литературности, и это свидетельство однозначно подтверждает, что риторика новгородской вольности, осененной Божьей волей, использовалась новгородской правящей верхушкой в практической политике.

«Великий Новгород», на волю которого ссылается тысяцкий, – это то же, что и «весь Новгород»: новгородский политический коллектив, новгородский «политический народ», своего рода коллективная личность, аналог великого князя в республиканском Новгороде. Как уже говорилось выше, являла себя эта республиканская коллективная личность наиболее адекватным образом на вече, что мы видим и в данном случае: тот же вопрос рассматривался и в следующем, 1407 г., по поводу чего «всему [Великому] Новгороду» власти Любека направили послание, которое «было оглашено в Новгороде на общем вече»²²⁸.

«Коллективная личность» – не просто красивая метафора. Выражения, использовавшиеся для обозначения новгородского «политического» народа, могли получать в определенных контекстах почти антропоморфное значение. «Весь Новгород» может радоваться из-за прихода на княжение Святослава, сына Всеволода Большое Гнездо²²⁹. Он может долго размышлять по поводу избрания в 1359 г. нового архиепископа и советоваться по этому поводу с вполне реальными личностями: «Много же гадавшие посадник и тысячкой и весь Новъград, игумени и попове...»²³⁰. «Весь Новгород» / «Весь Великий Новгород» может даже бить челом (!) архиепископу (1380, 1397 гг.)²³¹. И тут можно процитировать автора одной из классических работ о римской *res publica*, который писал, что в некоторых древнеримских текстах «чувствуется экспрессивность выражения и сила представления, которые превращают *res publica* в живое существо из плоти и крови». И он же, ссылаясь на речь Цицерона против Катилины, где оратор отвечает «священнейшим словам республики» («*sanctissimis rei publicae vocibus*»), говорит об «антропоморфном» характере *res publica* в этом контексте²³². Современная исследовательница отмечает, что в эпоху поздней Республики в Риме «*res publica* изображается в источниках как общность, способная действовать и руководить людьми, обладающая голосом и даже внешним обликом, в то время как народ представлял собой уже не абстракцию, а нечто вроде корпорации»²³³. Разумеется, это не означает совпадения или даже близости древнеримского и новгородского республиканского строя, как и не означает тождества риторических стратегий их описания. Но риторический потенциал любого языка не безграничен, и неудивительно, что в условиях отсутствия персонификации власти возникали в чем-то схожие способы репрезентации этой сложной для описания реальности, причем не только в типологически во многом сходных средневековых республиках и коммунах, но и в разных в синхростадиальном отношении политических образованиях.

²²⁷ Hansisches Urkundenbuch. Bd. V / Bearb. von K. Kunze. № 752. S. 394 (далее – HUB); Tallinna Linnaarhiiv. F. 230, n. 1, S. BE 14-I, fol. 7 (далее – TLA).

²²⁸ HUB V. № 788. S. 413–414; TLA. F. 230, n. 1, s. BE 14-I, fol. 16; TLA. F. 230, n. 1, s. BD 1-I, fol. 40.

²²⁹ ПСРЛ. Т. III. С. 45, 238–239.

²³⁰ Там же. С. 365.

²³¹ Там же. С. 376, 390.

²³² Штарк Р. Res publica // Res publica: история понятия: Сборник статей / Пер. с нем.; науч. ред. О. В. Хархордин. СПб., 2009 ([RES PUBLICA]. Вып. 4). С. 44 (изд. на яз. ориг. – 1967).

²³³ Moatti C. Res Publica, Forma Rei Publicae and SPQR. P. 40.

Отчина великого князя, люди вольные

Чрезвычайно важно наименование Новгорода в цитировавшейся выше статье *НПЛ* под 1255 г. «своей отчиной» новгородцев, причем в данном случае от имени новгородского политического коллектива выступили прежде всего «меньшие», а не знать²³⁴. Что такое «отчина» в этом контексте? Составители «Словаря древнерусского языка XI–XIV вв.» полагают, что у этого слова было три значения: 1) «родина, отечество»; 2) (собирательное) «отцы, предки»; 3) «отцовское земельное родовое владение»²³⁵. Упоминание «отчины» в статье 1255 г. здесь отнесено к первой категории, что вполне понятно: второе и третье толкования сюда явно не подходят. Между тем А. А. Горский, на наш взгляд, в принципе верно заметил, что под отчиной как владением, полученным от отца, в источниках – по крайней мере раннего времени, до конца XIV – начала XV в. – всегда подразумевается не частное земельное владение, а государственная территория под властью князя²³⁶. И действительно, обращение к примерам, приведенным в *СДРЯ*, убеждает в справедливости этой оценки. Однако если проанализировать примеры из того же словаря, которые призваны подтвердить значение слова «отчина» как «родина» или «отечество» (в современном, «десемантизированном» значении), можно увидеть, что нечто подобное можно усмотреть только для контекстов из переводных или книжных текстов. Там действительно лексема «отчина» может передавать греческое *πατρίς* («родина, родной город, отечество») или восходить к нему. Однако летописные контексты, в которых якобы представлено это значение, вызывают большое сомнение. Помимо известия под 1255 г., их два, и оба относятся к князьям.

Так, в начальной летописи киевляне в 968 г., во время осады Киева печенегами, упрекают Святослава, отправившегося в Дунайскую Болгарию: «...аще не поидеши, ни обраниши насъ, да паки ны возмутъ, аще ти не жаль очины своя, ни матере стары суща и дѣтии своихъ»²³⁷. Киевским князем был уже отец Святослава Игоревича, и, с точки зрения киевлян (и летописца), Киев был, несомненно, его отчинным владением, а не просто абстрактной родиной. Именно поэтому тут речь идет о Киеве, а не о Русской земле в целом.

Второй пример – из рассказа *Ип.* под 1188/1189 г.²³⁸ о попытке занять Галич (Южный), предпринятой князем-изгоем Ростиславом Ивановичем, заявившим: «А язъ не хочу блудити в чуже землѣ, но хочу голову свою положить во отчинѣ своєї»²³⁹. Здесь тоже вряд ли подразумевается ностальгия по родине. Отец Ростислава, князь Иван Ростиславич Берладник, княжил в Галиче некоторое время в 1145 г.²⁴⁰, и, естественно, его сын считал себя законным наследником галицкого стола.

Таким образом, понимание «отчины» в статье 1255 г. как абстрактного «отечества» лишается убедительных параллелей и «повисает в воздухе». Но, как справедливо однажды сказал Шерлок Холмс, «когда вы отбросите невозможное, что бы ни осталось, пусть даже это кажется невероятным, и будет истиной» («when you have eliminated the impossible whatever remains, however improbable, must be the truth»²⁴¹). В данном случае истиной оказывается пред-

²³⁴ ПСРЛ. Т. III. С. 80–81, 307–308.

²³⁵ СДРЯ. Т. VI. М., 2000. С. 312–313.

²³⁶ Горский А. А. Русское средневековое общество: историко-терминологический справочник. СПб., 2019. С. 239.

²³⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 67.

²³⁸ О дате см.: Березжков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 204–205.

²³⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 664–665.

²⁴⁰ Там же. Стб. 316–317. См. об этом: Грушевський М. С. Історія України-Руси. Київ, 1992. Т. II. С. 420–421 (1-е изд.: 1905). О дате см.: Березжков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 146.

²⁴¹ Conan Doyle A. The Sign of the Four [Электронный ресурс]: URL: <https://www.gutenberg.org/files/2097/2097-h/2097-h.htm> (дата обращения: 12.01.2021).

ставление автора летописной статьи о том, что Новгород – наследственное владение новгородского «политического народа», республиканской «коллективной личности», материальным воплощением которой служит городское собрание – вече. В этом представлении отчинные права князя и отчинные права «всего Новгорода» принципиально не отличаются друг от друга.

Заявление об отчинных правах новгородцев на Новгород, которое, как говорилось выше, в уста «меньших» новгородцев вложил (или зафиксировал его), по-видимому, владычный нотариус и летописец архиепископов Спиридона и Далмата Тимофей, в то же время вряд ли соответствовало концепции новгородской вольности как дарованной древними князьями. Вполне понятно, что Рюриковичи придерживались по этому вопросу совершенно иного мнения.

В 1179 г.²⁴² в Новгород был приглашен на княжение Мстислав Ростиславич из рода смоленских Ростиславичей. Если верить Киевскому своду в составе *Ип.*, он испытывал колебания, «но понудиша и братья своя и мужи свои, рекуче ему: „Брате, аже зовуть тя съ честию, иди; а тамо, ци не наша очина?“ Он же, послушавъ братья своеи и мужѣи своеихъ, поиде съ бояры Новгородьцкими»²⁴³. Любопытно, что эти заявления князей иногда принимаются историками за чистую монету. Как утверждает П. П. Толочко, «[г]лавная причина частой сменяемости князей на новгородском столе заключена не в какой-то особой свободоловности боярской знати города и земли, а в особом наследственном их статусе», и в подтверждение приводит, в частности, этот летописный фрагмент²⁴⁴. Непонятно, однако, почему надо верить словам князей, а не их поведению (тот же Мстислав не горел желанием идти в Новгород из «Русской земли») или не заявлению пономаря Тимофея о новгородцах как о наследственных владетелях своей земли. П. П. Толочко, несомненно, прав в том, что в домонгольский период бывали ситуации, когда новгородцы вынуждены были признавать власть тех или иных могущественных князей и принимать на княжение их ставленников²⁴⁵. Но вне зависимости от того, какова была реальная ситуация (она, как и всюду, как и всегда, определялась прежде всего фактическим соотношением сил), сами новгородцы, как правило, все равно описывали это с помощью риторики добровольного призвания князя «политическим народом». Яркий пример – замена в 1205 г. владимирским князем Всеволодом Большое Гнездо на новгородском столе одного сына на другого (Святослава на Константина). Хотя новгородский летописец не скрывает, что инициатором этого перемещения был Всеволод, он тем не менее заключает известие об этом не очень логичной, на первый взгляд, концовкой: «И рад бысть весь град своему хотѣнию»²⁴⁶.

Иногда конфликт интерпретаций попадает на страницы летописей. В 1199 г.²⁴⁷ Всеволод Большое Гнездо прислал в Новгород упомянутого выше сына Святослава. Владимирский летописец рассказывает об этом так: «Тое же осени придоша Новгородци лѣпшиѣ мужи Мирошчина чадь к великому князю Всеволоду с поклономъ и с молбою всего Новагорода, рекуче: „Ты, господинъ князь великый Всеволодъ Гюргевич, просимъ у тебе сына княжить Новугороду, зане тобѣ отчина и дѣдина Новъгород“. Князь же великый здумавъ с дружиною своею, и утвердивъ ихъ крестомъ честнымъ на всеи своеи воли, да имъ сына своего Святослава. Новгородци же пояша и у чюдное святое Богородици с радостью великою и с благословеньемъ епископа Иоанна. Иде Святославъ сынъ Всеволожь внукъ Юргевъ княжить Новугороду месяца декабря въ 12 день на память святаго отца Спиридона. Братья же проводиша и с честию – Костянтинъ, Юрги, Ярославъ, Володимеръ – и бысть радость велика в градѣ Володимери»²⁴⁸.

²⁴² О дате см.: *Березков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 199.

²⁴³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 607.

²⁴⁴ *Толочко П. П.* О новгородских «вольностях в князьях». С. 108.

²⁴⁵ Там же. С. 112–119.

²⁴⁶ ПСРЛ. Т. III. С. 49–50, 246.

²⁴⁷ О дате см.: *Березков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 86.

²⁴⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 415–416.

Совсем иную интерпретацию этого же события мы видим в *НПЛ*: «Идоша людьє съ посадникомъ и съ Михалкомъ къ Всѣволоду; и прия е съ великою честию и вда имъ сынъ Святославъ; а въ Новѣгородъ, съдумавъ съ посадникомъ, присла, и съ новѣгородьци...»²⁴⁹.

Различия в описаниях очевидны, начиная с поклонов и мольбы новгородцев в *Лавр.* vs прием Всеволодом новгородской делегации «с великой честью» в *НПЛ* и кончая отправкой великим князем сына в Новгород «на всей своей воле» vs вокняжение Святослава в Новгороде с согласия посадника и новгородцев. В *Лавр.* новгородской «риторике вольности» противопоставлено провозглашение Новгорода «отчиной и дединой» (наследственным владением) Всеволода Юрьевича (хотя заметим, что ни отец Всеволода Юрий Долгорукий, ни дед Владимир Мономах никогда в Новгороде не княжили). В новгородской летописи эта тема обходится и акцент сделан на добровольном согласии новгородцев. Тем не менее есть и нечто общее, и это позволяет, во-первых, догадываться о том, каково было реальное положение дел, во-вторых, понять, как «конфликт интерпретаций» был разрешен в дальнейшем и почему это произошло именно таким образом. И здесь полезно посмотреть на некоторые невыгодные для общей концепции летописцев проговорки.

В *Лавр.* новгородцы довольно униженно умоляют «господина великого князя» Всеволода послать своего сына на княжение в свою «отчину и дедину». Но зачем вообще понадобилась такая сложная процедура? Ведь применительно к другим «отчинам и дединам» владимирского князя ни о чем подобном не говорится и никакие делегации оттуда его в подобных случаях не посещают. Даже когда в 1207/1208 г.²⁵⁰ Всеволод отправил другого своего сына, Ярослава, княжить в Рязань, которая вообще не имела никакого отношения к «отчинам и дединам» суздальских Мономашичей, об этом сказано значительно проще: «Посла великыи князь Всеволодъ сына своего Ярослава в Рязань на столь»²⁵¹ (хотя в реальности, как известно из других летописных сообщений, там имели место и военные конфликты, и переговоры, и проявления самостоятельной политической активности со стороны рязанцев). При этом между князем и новгородцами совершается крестоцелование. А самое главное – новгородская делегация представляет «весь Новгород» и реализует его «мольбу». Тем самым владимирский летописец, пытаясь подчеркнуть полную зависимость Новгорода от Всеволода Юрьевича, как бы бессознательно зафиксировал и роль «политического народа» в Новгороде как главного действующего лица (причем с использованием присущей Новгороду терминологии), и особый статус Новгорода, который требовал специфических процедур со стороны «господина великого князя».

В *НПЛ* избрана иная риторическая стратегия. Ничего не сказано об «отчине и дедине», Всеволод Большое Гнездо не назван ни великим, ни господином (зато говорится об оказанной им новгородскому посольству «великой чести»), фигурирует «дума» посадника и новгородцев, благодаря чему у читателя должно сложиться впечатление о совершенно добровольном согласии новгородцев на вокняжение Святослава. При этом, однако, новгородский летописец не смог утаить того – видимо, вполне реального – обстоятельства, что Всеволод Юрьевич своего сына новгородцам просто «вда» (дал), очевидно, не прося их предварительного согласия на это (оно было оформлено задним числом, и неизвестно, в какой степени интересовался этим владимирский князь).

Если же вновь обратиться к северо-восточному летописанию, то мы увидим, как эти противоречивые тенденции преломляются в известии *Лавр.* о вокняжении в Новгороде в 1205 г.²⁵² Константина Всеволодича, еще одного сына Всеволода Большое Гнездо. Это довольно пространственный и весьма патетический рассказ, относительно которого можно согласиться с Я. С.

²⁴⁹ ПСРЛ. Т. III. С. 44, 238.

²⁵⁰ О дате см.: *Березжков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 100–101.

²⁵¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 434.

²⁵² *Березжков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 88.

Лурье: он, несомненно, связан с Константином Всеволодичем и, очевидно, входил в состав ростовского летописного свода, впоследствии (видимо, в начале 80-х гг. XIII в.) соединенного со сводом владимирским²⁵³. Этот ростовский источник был в высшей степени специфическим: его автор полностью переписал подлинную историю Суздальской земли после смерти Всеволода Большое Гнездо таким образом, что место ожесточенной борьбы за власть практически полностью заняла идиллическая картина братства его сыновей. В результате в *Лавр.* даже знаменитая Липицкая битва 1216 г. из крупнейших сражений домонгольской Руси превратилась в «нѣкую котору злу», которая была вскорости увенчана «великой любовью» между братьями. В распре не был – вопреки трактовкам альтернативных версий в *НПЛ* и смоленской «Повести о Липице», которые, между прочим, отражают точку зрения союзников Константина, соответственно новгородцев и Мстислава Удатного, – виновен никто конкретно, только «злый врагъ дьяволь»²⁵⁴. Таким образом, ростовский летописец был готов на многое ради устранения «неправильных» трактовок. Посмотрим, как он описывает вокняжение своего главного героя – Константина Всеволодича – в Новгороде. Текст перемежается цитатами из Священного Писания и насыщен восхвалениями обоих князей – сына и отца. Всеволод сам посылает Константина «Новугороду Великому на княженье». Почему Константин должен княжить в Новгороде? Это разъясняет своему сыну сам Всеволод Юрьевич: «На тобѣ Богъ положилъ переже старѣишинство во всеи братѣи твоеи, а Новѣгородъ Великий старѣишинство имать княженью во всея Русьской земли. По имени твоем тако и хвала твоя: не токмо Богъ положилъ на тебѣ старѣишинство в братѣи твоеи, но и въ всеи Русьской земли, и язъ ти даю старѣишинство, поѣди в свои городъ»²⁵⁵. Понятно, что эта речь призвана убедить читателя прежде всего в том, что Всеволод Большое Гнездо еще при жизни подтвердил «старѣишинство в братѣи» Константина. Это было принципиально важно для его сторонника – ростовского летописца, поскольку в реальности дело обстояло почти с точностью до наоборот: отношения между отцом и сыном были далеки от идиллических, перед смертью Всеволод передал старшинство «в братѣи» другому сыну – Юрию, а потом между Всеволодичами началась жестокая война²⁵⁶. В этом контексте летописец подчеркивает значимость Новгорода, где предстояло вокняжиться Константину, используя эпитет «великий», – но как древнейшего русского города, где возникло «княженье». Это отнюдь не республиканская, а монархическая риторика. Но далее, когда после описания чудовищного горя владимирцев от расставания с любимым княжичем летописец переходит к встрече Константина в Новгороде, мы опять сталкиваемся с «проговорками». И они носят, можно сказать, «республиканский» характер: «И пришедшу ему в церковь святыя Софѣя, и посадиша и на столѣ». Кто «посадиша»? Те самые новгородские мужи, которых Константин после этого одаривает: «И мужи Новгородскыѣ учредивъ, отпусти ихъ с честию»²⁵⁷. Таким образом, мы видим, что ростовский летописец XIII в., один из самых промонархических книжников этого времени, почти как Валаамова ослица, помимо своей воли засвидетельствовал тот факт, что «мужи новгородские» были определенной политической общностью, обладающей признанным и в Суздальской земле правом сажать на престол даже такого идеального и полновластного князя, каким был в его изображении Константин.

²⁵³ Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII в. М., 1969. С. 192–199; Лурье Я. С. О происхождении Радзивиловской летописи. С. 79–81 (там же см. обсуждение спорных вопросов, связанных с хронологией и текстологическим статусом ростовского источника *Лавр.*).

²⁵⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 439–440. См. также: К[учкин] В. А. Летописные рассказы о Липицкой битве // Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания: Аннотированный каталог-справочник / Под ред. Я. Н. Шапова. СПб., 2003. С. 70–73.

²⁵⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 421–422.

²⁵⁶ См. об этом: Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII в. С. 220–223.

²⁵⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 423.

В приведенных выше летописных известиях как в капле воды уже видно дальнейшее развитие отношений между Новгородом и великими князьями владимирскими (а потом московскими). В случае если верховная власть над Новгородом закреплялась бы за ними (пусть даже и формальная), а Новгород сохранял свою фактическую самостоятельность, должна была возникнуть риторика, которая бы объяснила эту неоднозначную ситуацию. И поэтому неудивительно, что она возникла.

После монголо-татарского нашествия, как известно, происходят изменения в отношениях между Новгородом и князьями. С одной стороны, развиваются и укрепляются республиканские институты и утверждается фактическая самостоятельность Новгорода, с другой – исчезает общерусский «рынок» потенциальных князей и с 50-х гг. XIII в. Новгород признает верховную власть великих князей владимирских, которые одновременно считаются новгородскими князьями²⁵⁸.

Эта двойственность проявляется и на уровне политической риторики. Теперь уже в самих новгородских текстах закрепляется представление о том, что Новгород – «отчина» владими́ро-суздальских Рюриковичей, потомков Ярослава Всеволодича. В 1270 г. происходит конфликт между новгородцами и князем Ярославом Ярославичем, сыном Ярослава Всеволодича. Этим решил воспользоваться его брат Василий Ярославич, прислал послов в Новгород со следующим обращением: «Кланяюся святой Софьи и мужемъ новгородцемъ: слышалъ есмь, аже Ярославъ [Ярославич] идетъ на Новѣгородъ со всею силою своею ... жаль ми своя отчины»²⁵⁹. Тут можно различить сразу два «слоя» представлений. Во-первых, здесь проявляется та риторическая двойственность, о которой говорилось выше: князь называет Новгород своей отчиной и при этом кланяется «мужам-новгородцам», явно признавая право новгородского «политического народа» на «вольность в князьях». Во-вторых, это известие принадлежит перу владычного летописца. А им, судя по всему, был тот самый нотариус архиепископов Спиридона и Далмата Тимофей, с творчеством которого связано внедрение в новгородское летописание ряда важнейших республиканских тем и сюжетов, о чем уже говорилось выше²⁶⁰. Весьма существенно, что он – будучи убежденным сторонником новгородской вольности – вполне сочувственно фиксирует претензии князя на отчинное владение Новгородом.

В самом по себе провозглашении князем Новгорода своей отчиной не было ничего нового. Так, этим отметился даже один из главных положительных героев *НПЛ*, упомянутый выше Мстислав Мстиславич Удатный, который еще в 1208/1209 г. пришел на выручку новгородцам, чтобы защитить их от владими́ро-суздальских князей. Согласно летописи, он кланялся «святѣи Софии», гробу своего отца и «всѣмъ новгородьцемъ» и заявил: «...пришьль есмь къ вамъ, слышавъ насилье от князь, жаль ми своя отчины»²⁶¹. Этот фрагмент рассматривается сейчас А. А. Гиппиусом как вставка, включенная в более ранний текст летописцем архиепископа Антония после его возвращения на новгородскую кафедру в 1225 г.²⁶² Нотариус Тимофей, таким образом, просто во многом воспроизвел риторику своего предшественника. Однако в новых условиях – «монополизации» суздальскими Рюриковичами прав на новгородское княжение – притязания на «отчинное» владение Новгородом приобрели уже иное значение, предопределяя двойственность концепции новгородской вольности.

В дальнейшем эта двойственность так или иначе отражалась во многих новгородских текстах. После поражения на Шелони в июле 1471 г. статус Новгорода как отчины великих

²⁵⁸ Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008. С. 136–163; Горский А. А. Русские земли в XIII–XIV веках: пути политического развития. СПб., 2016. С. 58–59, 63–64.

²⁵⁹ ПСРЛ. Т. III. С. 88–89, 320.

²⁶⁰ Гиппиус А. А. Новгородская владычная летопись XII–XIV вв. и ее авторы. С. 215.

²⁶¹ ПСРЛ. Т. III. С. 51, 249. О дате см.: Березков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 255–256. См. также: ПСРЛ. Т. III. С. 54, 253.

²⁶² Гиппиус А. А. Архиепископ Антоний, новгородское летописание и культ святой Софии. С. 197.

князей Московских был юридически закреплен в августе того же года в Коростынском мирном договоре, но двойственность сохранилась в виде формулы «ваша отчина – мужи вольные». Согласно новгородскому проекту договора, новгородцы обещали: «...от вась, от великихъ князей, намъ, вашей отчинѣ Великому Новугороду, мужемъ вол[ь]нымъ не отдатися никотороу хитростью...»²⁶³. Но еще раньше похожую риторичку мы видим и в летописи.

В 1397/1398 г.²⁶⁴ после конфликта из-за Двинской земли архиепископ Новгородский Иоанн вел переговоры с московским великим князем Василием I и, согласно летописи, попросил, чтобы он «от Новагорода от своих мужии от волных нелюбье бы отложилъ»²⁶⁵. Здесь не говорится об «отчине», но новгородские «вольные мужи» называются «своими» по отношению к князю, что близко по смыслу.

Церемониальная «икона» этой формулы в ее новгородской интерпретации очень хорошо представлена в рассказе «Летописи Авраамки» (одна из летописей новгородско-софийской группы) о визите в Новгород в 1460 г. московского великого князя Василия Темного. Сначала там говорится о воздании «чести» новгородскими властями московским гостям: «...архиепископъ владыка Иона возда честь князю великому Василью Васильевичу всея Руси и сыномъ его, князю Юрью и князю Андрѣю, и ихъ бояромъ, чтивше его по многи дни и дары многы въздасть ему, и сыномъ его и боярамъ его; также и князь Василей Васильевичъ Новгородчкый въздалъ честь князю великому Василью Васильевичу и дары многы, и сыномъ его князю Юрью и князю Андрѣю и его бояромъ; потому же и степенный²⁶⁶ Великого Новагорода, и боярѣ и весь Великий Новъгородъ честь велику въздаша ему князю великому Василью Васильевичу и сыномъ его, князю Юрью и князю Андрѣю, и дары многы, и боярамъ его добрѣ честь въздаша ему»²⁶⁷. Ответ на это не заставил себя ждать. Великий князь, его сыновья Юрий и Андрей и его бояре «ударяша челомъ святѣй Софии и боголѣпному Преображению святого Спаса на Хутины и преподобному Варламу великому чудотворцю и святымъ церквамъ, и у архиепископа владыкѣ Ионѣ благословение возмя, поклонився у всѣхъ седми соборовъ, а Новугороду отчинѣ своеи мужемъ волнымъ также поклонився, поѣха на Москву одаренъ Божиею благодатию и преподобнымъ Варламомъ и архиепископа владыкѣ Ионѣ благословениемъ и многими дары, и всего Великого Новагорода здоровьемъ и смирениемъ, и отѣха мирно...»²⁶⁸. Отношения между великим князем и Новгородом изображаются здесь как фактически равноправные, церемониал (приветствия, поклоны, дары) выглядит «зеркальным», а Василию II принадлежит лишь, если так можно выразиться, «первенство чести». Новгородское политическое сообщество называется в разных случаях по-разному: «весь Великий Новгород» и «Новгород, своя отчина, мужи вольные». Характерен контекст последнего обозначения: летописец как бы вынуждает великого князя кланяться своей «отчине». Главное и по сути единственное право (оно же – обязанность), которое принадлежало, по мысли новгородских книжников, придерживавшихся этой идеологической концепции, владимирским (а потом московским) великим князьям как «отчинникам» Новгорода, – защита своей отчины от внешней угрозы. Недаром новгородцы в летописи вспоминают о том, что у них есть формальный сюзерен, когда им становится необходима военная поддержка, как это было в 1348 г., когда новгородские послы звали Симеона Гордого «оборонять своєю отчины» из-за того, что «идеть на нас король свѣискыи (шведский. – П. Л.)...»²⁶⁹.

²⁶³ Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949. № 26. С. 46 (далее – ГВНП).

²⁶⁴ О дате см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 293.

²⁶⁵ ПСРЛ. Т. III. С. 390.

²⁶⁶ Вероятно, имеются в виду степенные посадник и тысяцкий.

²⁶⁷ ПСРЛ. Т. XVI. Стб. 201–202.

²⁶⁸ Там же. Стб. 202.

²⁶⁹ ПСРЛ. Т. III. С. 360 (о дате см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 298).

Однако была, по-видимому, в Новгороде и другая тенденция. Ее сторонники искали какие-то идеологические обоснования и риторические ходы, которые позволили бы вернуться к представлению о Новгороде как об «отчине» самих новгородцев. Эксплицитных выражений этой тенденции мы практически не встретим, но кое-какие данные об этом имеются.

Во-первых, встречается представление о том, что новгородская «воля» имеет своим источником не древних или современных князей, а Бога. В «Слове о Знамени», посвященном знаковому для новгородцев событию, о котором шла речь выше, – удачной обороне от войск коалиции во главе с Андреем Боголюбским в 1170 г., имеется следующее рассуждение: «Сице бо живущемъ новгородцемъ и владѣяху своею областью, якоже имъ Богъ поручилъ, а князя держажу по своей воли». Из дальнейшего изложения становится понятно, что под «новгородцами», владевшими подчиненными им территориями, понимаются жители концов, т. е., как нам уже известно, новгородское политическое сообщество, состоявшее из членов городских территориальных организаций²⁷⁰. «Слово» датировалось по-разному, в пределах XIV–XV вв. (по современным представлениям, в окончательной редакции – скорее XV в.)²⁷¹.

В несколько более позднем произведении из Знаменского цикла, «Воспоминании о Знамени» (по-видимому, 30-х гг. XV в.), которое, как правило, связывается с творчеством известного книжника XV в. Пахомия Сербя (Логофета), эта тема представлена еще более выражено. Пахомий работал в Новгороде по приглашению новгородского архиепископа Евфимия II (1429–1458), поэтому, если автор этого сочинения действительно он, не может быть сомнений в том, что высказанные там оценки соответствуют позиции новгородских властей и отражают официальную новгородскую идеологию того времени. Обычно в историографии справедливо акцентируется ее антимосковская направленность²⁷². Но этим ее содержание отнюдь не исчерпывается. Открывает «Воспоминание» следующая фраза: «Бысть убо знамение се дивное и преславное иконоу Пречистыя Владычице Нашея Богородица, житие проходящимъ челоукомъ Великого Новаграда самовластно, и никым же обладаеми, нъ ... влядяще областию своею, яко же и лѣпо бѣ, и князя имѣюще от иных странъ призванаго въ отмщение съпротивнымъ; бѣ же тогда у нихъ князь Романъ Мьстиславличъ, внукъ Ижеславль»²⁷³. Новгородское «самовластие» здесь не связывается ни с какими князьями. «Человеки Великого Новгорода», т. е. новгородское политическое сообщество, никем к моменту осады 1170 г. не было «обладаемо». Более того, специально подчеркивается, что князья призывались по воле новгородцев «от иных стран» и не для того, чтобы «обладать» Новгородом, а для конкретной цели – военной («въ отмщение съпротивным»). Чуть ниже в том же тексте говорится: «Едина от власти града того (Новгорода. – П. Л.) Двина глаголемая отметнувшись убо обычную дань даяти Новуграду, но предавшись князю Андрѣю Суздальскому. Новгородци же съвѣщавшися, данника по обычаю на предреченную Двину послаша и с нимъ от пяти коньцевъ по сту мужъ»²⁷⁴. В этой трактовке новгородский «политический народ», состоящий из горожан, входивших в кончанские объединения, оказывается полновластным владельцем новгородских волостей и получателем даней с них, причем особо акцентируется внимание на том, что такое положение соответствует обычаю, а попытки князей вмешаться в установленный порядок обычай нарушают. Естественно, речь идет именно об идеологии, а не о реальной ситуации второй половины

²⁷⁰ Лосева О. В. Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII – первой трети XV в. М., 2009. С. 328. В обсуждении этого фрагмента в нашей монографии (Лукин П. В. Новгородское вече. С. 529) имеются неточности, связанные с характеристикой «Слова о Знамени» (датировка, воспроизведение текста).

²⁷¹ См.: Агафонов И. С. Идеологические тенденции в нарративах Знаменского цикла XV–XVII вв. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2015. № 4 (62). С. 16–22.

²⁷² Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. С. 126–128; Vodoff V. Le culte de Znamenie à Novgorod: Tradition et réalité historique // Oxford Slavonic Papers. New Series. Vol. XXVIII (1995). P. 6–7.

²⁷³ Агафонов И. С. Осада Новгорода в 1170 г. по письменным источникам. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2015. Приложение 2. «Воспоминание о Знамени». Текст. С. 162.

²⁷⁴ Там же.

XII в., когда даже еще не существовало и пяти концов²⁷⁵. Эта концепция явно была полемически заострена против идеи о Новгороде как о княжеской отчине – по крайней мере имплицитно (поскольку прямо в «Воспоминании» о происхождении новгородского «самовластия» не говорится).

Несколько позже Пахомий Логофет создал еще одно произведение на ту же тему – «Слово Похвальное иконе Знамение». В нем он в целом повторяет те же мотивы. Андрей Боголюбский «зря Великий Новъградъ самовластенъ и никымже обладаемъ, богатством же исполнени, тѣмже и завистию разгорѣся...»²⁷⁶, но конкретики становится значительно меньше, а религиозной риторики – еще больше.

Любопытно, что в обоих произведениях, посвященных чуду от иконы Знамение, Пахомий Логофет, хотя и весьма позитивно отзываясь о новгородском «самовластии» и осуждает покушение на него со стороны Андрея Боголюбского, нигде прямо не говорит о том, что это было божественное установление. Между тем в «Слове о Знамени», как мы помним, этот тезис выдвигался. В чем была причина этой редактур, сказать сложно²⁷⁷. Но вряд ли она была случайной: Пахомий Логофет только усиливал религиозно-назидательную направленность текста с помощью, по характеристике В. Водова, «цветистой и напыщенной риторики»²⁷⁸. Ясно, так или иначе, что в Новгороде XV в. шло напряженное осмысление своей «вольности» и предпринимались как попытки вывести ее непосредственно от сверхъестественных сил, минуя любых князей, в том числе и «древних», так и полемика с этими попытками – как имплицитная, так и эксплицитная.

Во-вторых, фиксируются попытки «отвязать» новгородскую историю от князей-Рюриковичей с помощью создания альтернативного мифа *de origine*. Показательны в этом смысле легенды о варяжском (а не славянском) происхождении новгородцев и о «старейшине» Гостомысле, не принадлежащем к русской княжеской династии. Они приобрели особую актуальность в XV в., но, скорее всего, бытовали и ранее²⁷⁹.

В-третьих, – и здесь мы уже вступаем в пространство, где риторика соединяется с политической практикой, – существовавшая в Новгороде второй половины XV в. партия, ориентировавшаяся на Великое княжество Литовское, по-видимому, вообще стремилась устранить «отчинную» терминологию и из правовых документов. Так, в договоре (или проекте договора) Новгорода с Казимиром IV 1471 г.²⁸⁰ новгородская вольность есть, а признания себя его «отчиной» – нет. Там от имени великого князя Литовского и короля Польского говорится: «Докончаль есми с ними миръ и со всѣмъ Великимъ Новымъгородомъ, с мужи волными»²⁸¹.

Новгородская «вольность» не осталась незамеченной и внимательными наблюдателями извне, и характеризовали они ее в полном соответствии с новгородскими же источниками и достаточно определенно. Жильбер де Ланнуа, рыцарь из Фландрии, побывавший в Новгороде в 1413 г., с одной стороны, называет Новгород «вольным городом и владением общины» («ville franche et seignourie de commune»), с другой – замечает, что у новгородцев «нет другого короля

²⁷⁵ Два позднейших конца – Плотницкий и Загородский – возникли, скорее всего, не ранее XIII в. (Дубровин Г. Е. Формирование Плотницкого конца и государственные реформы в Новгороде в середине – второй половине XIII в. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2013. № 1 (51). С. 41–53).

²⁷⁶ Яблонский В., священник. Пахомий Серб и его агиографические писания. Биографический и библиографически-литературный очерк. СПб., 1908. С. XCIII.

²⁷⁷ Об использовании Пахомием Логофетом «Слова о Знамени» см.: Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. С. 115–119.

²⁷⁸ Vodoff V. Le culte de Znamenie à Novgorod: Tradition et réalité historique. P. 7.

²⁷⁹ Лукан П. В. Старейшина Гостомысл и первый дож Паолуччо Анафесто: республиканские мифы и их судьбы // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2019. № 1 (75). С. 67–71; Он же. Новгородцы «от рода варяжска» и троянское происхождение венецианцев: две республиканские легенды *de origine* // Средние века. 2019. Т. 80. № 1. С. 93–111.

²⁸⁰ О датировке см.: Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991. С. 187–189.

²⁸¹ ГВНП. № 77. С. 130.

или правителя, кроме великого короля Московского, правителя Великой Руси», добавляя, впрочем: «которого они, когда хотят, признают правителем, а когда не хотят – нет»²⁸². Эти наблюдения полностью соответствуют концепции «люди вольные – отчина великого князя», точнее, ее новгородской интерпретации. Немецкий хронист и автор «Хроники Констанцкого собора» (ок. 1420 г.) Ульрих Рихенталь сравнивал Новгород с Венецией. В хронике говорится о том, что на соборе, заседавшем в 1414–1418 гг., присутствовали представители Римско-Католической церкви Новгорода; и ее автору было известно, что Великий Новгород («groß Novograt») – самоуправляющийся город и что «он выбирает герцога, как венецианцы» («... daz ist ain statt für sich selb und welt ain hertzogen als die Venedier»)²⁸³. «Герцог» в данном случае применительно к Новгороду – не князь, а, скорее всего, тысяцкий (в ганзейских документах его обычно называли «hertoch» – «герцог»), применительно же к Венеции – конечно, дож. Выражение «ein stat für sich selb» (буквально: «город для себя самого») вполне можно считать проявлением той тенденции к республиканской «суверенизации», о которой шла речь выше.

Сохранялись на Западе представления о новгородской вольности и позднее, уже после присоединения Новгорода к Москве. Сигизмунд Герберштейн писал, что Новгород в период своего процветания «был самовластным» («sui <...> juris esset»), а в немецком переводе уточнял, что тогда этот город «пребывал в своих свободах» («in jren Freihaiten gewest ist»)²⁸⁴.

²⁸² Œuvres de Ghillebert de Lannoy, voyageur, diplomate et moraliste, recueillies et publiées par Ch. Potvin avec des notes géographiques et une carte par J.-C. Houzeau. Louvain, 1878. P. 33.

²⁸³ Chronik der Konstanzer Konzils 1414–1418 von Ulrich Richental / Eing. und hrsg. von Th. M. Buck. Ostfildern, 2011 (Konstanzer Geschichts- und Rechtsquellen). S. 199.

²⁸⁴ Герберштейн С. Записки о Московии: В 2 т. / Под ред. А. Л. Хорошкевич. Т. I: Лат. и нем. тексты, рус. пер. с лат. А. И. Малейна и А. В. Назаренко, с ранненововерхненем. А. В. Назаренко. М., 2008. С. 338–339.

Республиканская риторика в Пскове

Как и в случае с Новгородом, при обсуждении псковского республиканизма на первый план выходило вече. Между тем это слово появляется в псковских источниках довольно поздно. Иногда в историографии встречается мнение, что оно впервые упоминается в жалованной грамоте Пскова Якову Голутвиничу с братом и детьми²⁸⁵. Издатели датировали ее 1308–1312 гг.²⁸⁶ Однако не так давно С. М. Каштанов и А. А. Вовин независимо друг от друга показали, что она должна датироваться значительно более поздним временем (А. А. Вовин относит ее к рубежу XV и XVI вв., а С. М. Каштанов вообще склонен считать фальсификатом XVII в.)²⁸⁷. Первым хронологически четко датированным упоминанием псковского вече следует считать грамоту псковских властей польскому королю и литовскому великому князю Казимиру 1480 г.²⁸⁸

Имеются более ранние летописные упоминания псковского вече в летописях, но их сложно твердо датировать в силу того, что летописные рассказы могли возникать и существенно позднее описываемых в них событий. Среди исследователей псковского летописания в общем наличествует консенсус относительно того, что все псковские летописи (А. Н. Насонов определил их как Псковские первую, вторую и третью) восходят к общему источнику – своду, возникшему в XV в. Споры шли и идут о времени составления этого свода и его источниках. Сам А. Н. Насонов датировал его 50-ми – началом 60-х гг. XV в.²⁸⁹ Впоследствии, однако, Х.-Ю. Грабмюллером была предложена схема, предусматривающая существование целого ряда псковских летописных сводов, первым из которых был свод 1368 г. («die Pskover Ur-Chronik»), а одним из важнейших звеньев этой схемы оказывается свод 1410 г. Именно после этого свода псковская летописная традиция разделяется, что впоследствии приводит к оформлению трех летописей («die Spaltung der Pskover Stadtchronistik»). С другой стороны, свод 1368 г. объединил в своем составе материал двух летописных традиций – Троицкой церкви и связанной предположительно с псковскими посадниками. Они возникли соответственно в 20-е гг. XIV в. и на рубеже XIII–XIV вв. (сразу после смерти князя Довмонта²⁹⁰). Схема Х.-Ю. Грабмюллера, хотя и оценивалась как недостаточно доказательная, подробно разобрана так и не была, и до сих пор в истории псковского летописания остается много неясного²⁹¹. Тем не менее исследователи в целом – с разной степенью уверенности – принимают вывод ученого о существовании псковского свода начала XV в. и даже приводят в пользу его существования дополнительные аргументы²⁹².

Если схема Х.-Ю. Грабмюллера в своей основе верна, то в своде 1410 г. и в более ранних псковских летописных текстах вече прямо не фигурировало. Впервые псковское вече упоминается в местном летописании под 1454 г.²⁹³, и в дальнейшем в псковских летописях оно появля-

²⁸⁵ Аракчеев В. А. Средневековый Псков: власть, общество, повседневная жизнь в XV–XVII веках. Псков, 2004. С. 59.

²⁸⁶ ГВНП. № 333. С. 318.

²⁸⁷ Каштанов С. М. Исследования по истории княжеских канцелярий средневековой Руси. М., 2014. С. 342–346 (впервые – в 2002 г.); Вовин А. А. Датировка жалованной грамоты Пскова Якову Голутвиничу // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2014. № 2 (56). С. 75–82.

²⁸⁸ ГВНП. № 339. С. 325.

²⁸⁹ Насонов А. Н. Из истории псковского летописания // ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. Псковские летописи. М., 2003. С. 23–33 (1-е изд. – 1946).

²⁹⁰ Grabmüller H.-J. Die Pskover Chroniken. Untersuchungen zur russischen Regionalchronistik im 13.–15. Jahrhundert. Wiesbaden, 1975 (Schriften zur Geistesgeschichte des östlichen Europa. Bd. 10). S. 125–192.

²⁹¹ Лурье Я. С. [Rec. ad:] H.-J. Grabmüller. Die Pskover Chroniken. Untersuchungen zur russischen Regionalchronistik im 13.-15. Jahrhundert // Russia mediaevalis. Т. III. München, 1977. S. 83–92.

²⁹² Ibid. S. 87–88; Вовин А. А. Городская коммуна средневекового Пскова: XIV – начало XVI в. СПб., 2019. С. 56–84.

²⁹³ ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. С. 52, разночтения; Т. V. Вып. 2. М., 2000. С. 140–141. Ср.: Вовин А. А. Городская коммуна

ется регулярно²⁹⁴. На этом основании делается вывод о том, что псковское вече – явление позднее, в связи с чем в относительно недавнее время получили развитие «скептические» точки зрения на него. Ю. Гранберг на основе анализа словосочетаний, в которых фигурирует вече в летописях, пришел к выводу, что это слово в псковском контексте обозначало не собрание псковичей, а место проведения официальных церемоний, которое могло становиться ареной спонтанных политических проявлений²⁹⁵. А. А. Вовин же, корректируя эту – слишком радикальную, по его мнению, – точку зрения, на основе анализа более широкого круга источников предполагает, что псковское вече было и не собранием, и не местом собраний, а обозначало «определенную церемонию, ритуал или процедуру, легитимирующую принятие политических решений», причем такая легитимация была «неизменным условием» этого. В распространении в Пскове понятия «вече» автор усматривает проявление «новгородизации» псковских реалий, т. е. развитие псковских политических институтов и соответствующей политической риторики по новгородской модели. Заимствованное из Новгорода понятие стали со второй половины XV в. использовать в Пскове для обозначения уже давно существовавших там собраний горожан. Поэтому анализ употребления слова «вече» не может служить «ключом» к пониманию сущности политического строя Пскова. Для этого нужно обратить внимание на другие обозначения: «весь Псков» и «мужи-псковичи»²⁹⁶.

В целом концепция А. А. Вовина является, несомненно, серьезным шагом вперед на пути изучения строя Псковской республики и, более того, позволяет выйти из замкнутого круга, возникшего в результате подмены исследования реалий фиксацией на самом слове. Тем не менее у нас нет оснований утверждать, что слово «вече» вообще нигде и никогда не применялось по отношению к собраниям псковичей и до середины XV в. Имеется к тому же пример, намекающий на обратное. В 1217 г. на новгородцев и псковичей во время военного похода напали ливонские «немцы», которым сообщила о месте расположения русского войска чюдь: «Чюдь же начаша слати съ поклономъ лъстью, а по Нъмьци послаша; и начаша новгородци гадати съ пльсковичи о чюдьской речи, отшедъше далече товарь, а сторожи ночью бяху пришли, а днѣвнии бяху не пошли; а наѣхаша на товары без вѣсти, новгородци же побегоша съ вѣчя въ товары, и поймавше оружие и выбиша е ис товарь»²⁹⁷. Совещание новгородских и псковских воинов названо в новгородской летописи вечем. И это действительно было собрание широкого состава, поскольку там участвовало все войско поголовно, за исключением сторожей, которые должны были охранять опустевший лагерь («товары»)²⁹⁸. Отсюда следует, что по крайней мере собрания *с участием* псковичей вполне могли называться вечем в новгородских источниках. И это сразу ставит вопрос о том, не случайность ли отсутствие упоминаний «веча» в псковском летописании первой половины XV в. и тем более XIV в. – не слишком богатом описаниями внутривосполитической истории города вообще.

Выше уже цитировалось известие новгородской летописи под 1253 г., в котором идет речь о победе новгородцев и псковичей над ливонцами и упоминается заключение мира «на всеи воли новгородьской и на пльсковьской»²⁹⁹. Это означает, что в Новгороде уже в середине

средневекового Пскова. С. 130.

²⁹⁴ Б. Б. Кафенгауз составил специальную сводку упоминаний веча в псковских летописях, в которую вошло 66 свидетельств – вплоть до падения Псковской республики в 1510 г. (*Кафенгауз Б. Б. Древний Псков: очерки по истории феодальной республики*. М., 1969. С. 92–98).

²⁹⁵ *Granberg J. Veche and the Chronicles of Medieval Rus: A Study of Functions and Terminology*. Göteborg, 2004 (Dissertations from the Department of History, Göteborg University. 39). P. 151–171.

²⁹⁶ *Вовин А. А. Городская коммуна средневекового Пскова*. С. 132–136.

²⁹⁷ ПСРЛ. Т. III. С. 57.

²⁹⁸ *Лукш П. В. Новгородское вече*. С. 211–212.

²⁹⁹ ПСРЛ. Т. III. С. 80, 307.

XIII в. считали, что в Пскове, как и в самом Новгороде, существует политический коллектив – носитель «всей воли».

Х.-Ю. Грабмюллер обратил внимание на то, что псковские летописцы XIV в. интересовались почти исключительно военными походами и церковным строительством, так что политические институты могли просто не находиться в фокусе их внимания. Кроме того, имеется параллель такому «молчанию» о вече – это отсутствие его прямых упоминаний в *НПЛ* за XII в. (хотя в летописании других земель новгородское вече в это время упоминается). Разумеется, это связано не с отсутствием явления, а с особенностями политической риторики и стилистическими предпочтениями летописцев.

Глобально же следует признать правоту А. А. Вовина: дело действительно не в слове «вече», и ключ к пониманию основных проблем истории республиканского Пскова следует действительно искать не в нем. Суммируем вкратце его выводы, с которыми мы полностью согласны. Историк убедительно показал, что в Пскове, как и в Новгороде, главным и системообразующим политическим институтом было не «вече», а «политический народ» Пскова, который мог именоваться в источниках по-разному, но все эти обозначения были фактически синонимичными: «мужи-псковичи», «все псковичи», «весь Псков», позднее – «весь Великий Псков». В состав этой общности входили только жители самого Пскова, принимавшие решения, которым обязаны были подчиняться как «пригорожане» (жители подвластных «всему Пскову» городов, таких, как Изборск, Воронич и др.), так и селяне. По-видимому, вне псковского политического коллектива находились изначально даже «посажане» – жители Пскова, обитавшие за городской стеной. В состав «всего Пскова» входили при этом люди различного социального статуса.

Тем не менее искусственным выглядит противопоставление веча «политическому народу». Как уже говорилось выше, понятие «вече» в самом деле не имело (или, по крайней мере, долго не имело) четкого терминологического значения и не использовалось в качестве подлежащего (действующего лица) в тех контекстах, в которых используются современные термины, обозначающие коллегиальные органы власти («Верховный совет постановил», «Сенат США утвердил» и т. д.). Это, однако, никоим образом не означает, что вече следует считать ритуалом или местом его проведения. Источникам неизвестны ни ритуалы под названием «вече», ни топонимы с таким названием³⁰⁰. Положение этого слова в тех фразах, где оно использовалось, определялось не самими реалиями, а способами их описания.

Вече псковских источников, несомненно, обозначало собрание – как это было с вечем и в других русских городах, с афинской экклесией, римскими комициями и венецианским «народным собранием» («contio», «arengo»). Однако действующим лицом было не само абстрактное собрание, а его участники, объединенные в «политический народ». Не было это понятие и обязательным для употребления, по крайней мере в нарративных источниках. Существует ряд примеров, когда в разных псковских летописях одно и то же событие характеризуется и как вече, и без употребления этого слова³⁰¹. Ярким подтверждением этого могут служить летописные рассказы об изгнании из Пскова князя Владимира Андреевича Ростовского осенью 1462 г. В Псковской II летописи (далее – *III*) об этом говорится так: «Выгнаша псковичи князя Володимира Ондрьевича изо Пскова, а инья люди на вечи съ степени съпхнули его; и онъ поехал на Москву съ бесчестиемъ к великому князю Ивану Васильевичю жаловатися на Псковъ»³⁰².

³⁰⁰ И. К. Лабутина упоминает, впрочем, псковское вече среди топонимов, но при этом признает его тождество с буевищем – площадью, где вече собиралось. Таким образом, вече как «место» совпадает с обычным названием этого места, и это при том, что сама же исследовательница отмечает, что у слова «вече» были и другие значения. Следовательно, оно не могло означать топоним (ср. старорусское выражение «на Москве», которое могло означать только город Москву и ничего больше) (Лабутина И. К. Историческая топография Пскова в XIV–XV веках. М., 2011. С. 178–179).

³⁰¹ См.: Кафенгауз Б. Б. Древний Псков. С. 104–105; Granberg J. Veche and the Chronicles of Medieval Rus. P. 159, 161–162.

³⁰² ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 52.

В Псковской I (далее – II) – несколько иначе: «...псковичи выгнаша из Пскова князя Володимера Андрѣевича; а инья невѣгласы псковичи, злыя люди сопхнувшѣ его степени; онъ же поѣха изо Пскова со многимъ бесчестиемъ на Москву к великому князю жаловатися на псковичь»³⁰³. Но так читается только в Тихановском списке, по которому и осуществлено издание. В списках Архивском I, Погодинском и Оболенского указывается, что инцидент с князем случился «на вече» («на вечи»): в первом из них: «люди на вече степени спихну его»; в двух других: «люди степеня [с степеня] на вечи спихнули его»³⁰⁴. Наконец, в Псковской III (далее – IIII) летописи вече вообще отсутствует: «...выгнаша псковичи <...> при посаднике степенномъ Максиме Ларивоновиче князя Володимера; а онъ приеха не по псковской старины, псковичи не зван, а на народ не благъ, и изо Пскова с бесчестием поеха на Москву к великому князю Иоану Васильевичю жялится на псковичь...»³⁰⁵.

Такая терминологическая нечеткость объяснялась по-разному, но обычно подразумевалось, что она должна свидетельствовать о некоторой ущербности псковского веча. Б. Б. Кафенгауз усматривал причину молчания одних летописцев о вече при упоминании его другими в политической слабости веча в Пскове: реальная власть, по его мнению, принадлежала посадникам³⁰⁶. По мнению Ю. Гранберга, легкость, с какой летописцы могли опускать слово «вече», – показатель малой его важности для составителей «нарративов»³⁰⁷.

В действительности, однако, дело, как представляется, в том, что в Пскове, как и в Новгороде, вовсе не вече находилось в центре республиканской политической культуры. В связи с этим не имеет принципиального значения, сколько именно раз и с какого времени начинает употребляться в отношении псковских политических собраний слово «вече». Это, несомненно, важно как с точки зрения политической риторики, так и с точки зрения процесса институционализации псковского республиканизма. В историографии этой теме придается гипертрофированное значение, хотя в псковском своде законов эпохи самостоятельности – Псковской судной грамоте – прямо говорится о том, что высшим органом власти является не вече, а псковское политическое сообщество – «Господин Псков»: «А которой строке пошлинной грамоты нет, – и посадником доложить господина Пскова на вечи, да тая строка написать. А которая строка в сеи грамоте нелюба будет господину Пскову, ино та строка волно выписать вонь из грамот» (ст. 108)³⁰⁸. Важнейшие решения законодательного характера имеет право принимать только «господин Псков» на своем собрании – вече. Но «вольностью» обладает не вече, а именно «политический народ» (во второй фразе вече даже не упоминается).

Очень ярко республиканская риторика проявилась в псковской «Повести о Довмонте», посвященной литовскому по происхождению князю, оказавшемуся в 1265 г. в Пскове и ставшему в 1266 г. псковским князем³⁰⁹. Ее первоначальная редакция возникла во второй четверти XIV в.³¹⁰ В «Повести» два главных действующих лица: князь и «мужи-псковичи», под которыми понимается псковский «политический народ». «Мужи-псковичи» – это субъект принятия решений. О вокняжении Довмонта говорится так: «...и посадиша его псковичи на княжение въ граде Пскове» (редакция II); «...и посадиша его мужи псковичи на княжение въ граде Пскове» (редакция IIII)³¹¹. Сам Довмонт заявляет «мужам-псковичам», что Псков – это их

³⁰³ ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. С. 62.

³⁰⁴ Там же, разночтения.

³⁰⁵ ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 150.

³⁰⁶ Кафенгауз Б. Б. Древний Псков. С. 105.

³⁰⁷ Granberg J. Veche and the Chronicles of Medieval Rus. P. 163.

³⁰⁸ Памятники русского права. Вып. 2 / Сост. А. А. Зимин. М., 1953. С. 300.

³⁰⁹ Rowell S. C. Between Lithuania and Rus': Dovmont-Timofey of Pskov, his life and cult /// Oxford Slavonic Papers. New Series. 1992. Vol. 25. P. 3–6.

³¹⁰ Охотникова В. И. Псковская агиография XIV–XVII вв.: Исследования и тексты. Т. I. СПб., 2007. С. 407–408.

³¹¹ Охотникова В. И. Повесть о Довмонте (Исследование и тексты). Л., 1985. С. 189, 196.

«отечество»: «Братия мужи псковичи, потягнете за святую Троицу и за святые церкви, и за свое отечество»³¹². «Святая Троица» – это Троицкая церковь в Пскове и одновременно палладиум Пскова, материальное воплощение псковской самостоятельности, аналогичное новгородской Софии. Святые церкви воплощают православную идентичность псковичей. Но что такое «отечество»?

В современном русском переводе оно так и передается: «отечество»³¹³. Нынешнее слово «отечество» обозначает Родину (как правило, со специфическими торжественными военно-патриотическими коннотациями). В имеющейся литературе это, видимо, принимается как данность и специально не обсуждается³¹⁴. Однако слово «отечество (отчество, отъчество)» имело значение не только «отечество, Родина», но и «родовое владение, доставшееся по наследству от предков, удел, вотчина»³¹⁵. Интересно, что, в свою очередь, слово «отчина», как об этом говорилось выше, могло иметь значение «Родина, отечество»³¹⁶. Поэтому такая неоднозначность требует специального анализа контекста, и вполне уместен вопрос: не подразумевается ли в «Повести о Довмонте» под «своим отечеством» псковичей не абстрактное отечество вообще, а Псковская земля как наследственное владение псковского «политического народа»? Как показал А. А. Горский, специально исследовавший так называемые «патриотические формулы» в древнерусских письменных источниках, для периода «раздробленности» общерусские формулы не характерны³¹⁷. Точно так же и весь контекст говорит в пользу того, что под «отечеством» здесь следует понимать не всю Русскую землю в широком смысле, а Псков³¹⁸. Параллель же с Новгородом как «отчиной» новгородцев в известии *НПЛ* под 1255 г., о котором шла речь выше, склоняет к «наследственной» интерпретации. В принципе оба значения слова «отечество» тут как бы сливаются, и становится очень трудно однозначно определить, что именно в данном случае первично: отечество как «Родина» или отечество как отчина (указание на наследственную принадлежность). Тот факт, что, судя по данным словарей, и «отечество», и «отчина» в значении «Родина» встречаются преимущественно в переводных текстах или текстах, испытавших их прямое или косвенное влияние, заставляет предпочесть второй вариант. Таким образом, по-видимому, автор «Повести о Довмонте» исходил из того, что Псков – это отчина, наследственное владение «мужей-псковичей» (и поэтому, естественно, их «отечество»). Псковское «отечество» (как и новгородская «отчина») в этом контексте оказывается той «общей вещью» (*res publica*), заботиться о которой призывает псковичей автор «Повести» устами своего главного героя.

В финале «Повести» в редакции *ПШ* уже сами «мужей-псковичей» оказываются этим объектом заботы: «...много бо дне пострада (Довмонт. – *П. Л.*) за дом святые Троица и за мужей за псковичь стоянием дому святые Троица»³¹⁹. Здесь опять-таки просматривается прямая параллель новгородским формулам – например, формуле, приведенной в рассказе *НПЛ* о борьбе с Москвой за Двинскую землю в 1397–1398 гг., когда новгородское войско во главе с посадниками поклялось: «...или паки изнаидем свою отчину къ святѣи Софѣи и к великому Новгороду, паки ли свои головы положимъ за святую Софѣю и за своего господина за великийи

³¹² Там же. С. 190, 194, 196.

³¹³ Сказание о Довмонте / Подг. текста, пер. и комм. В. И. Охотниковой // Библиотека литературы Древней Руси. Т. VI. СПб., 1999. С. 59.

³¹⁴ Горский А. А. «Всего еси исполнена земля русская...»: Личности и ментальность русского Средневековья: Очерки. М., 2001. С. 64, 65.

³¹⁵ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 13. М., 1987. С. 238–239 (далее – СЛРЯ).

³¹⁶ СЛРЯ XI–XVII вв. Вып. 14. М., 1988. С. 65.

³¹⁷ Горский А. А. «Всего еси исполнена земля русская...». С. 64, 68.

³¹⁸ См. также: Крам М. М. Патриотизм, или Дым отечества. СПб., 2020 (Азбука понятий; вып. 12). С. 54.

³¹⁹ Охотникова В. И. Повесть о Довмонте. С. 199.

Новгород»³²⁰. И «мужи-псковичи», и «господин Великий Новгород» одновременно оказываются и объектами «республиканской» заботы, и активными действующими лицами – политическими сообществами, призванными эту заботу осуществлять.

Таким образом, важнейшие элементы республиканской риторики присутствовали в псковской книжности задолго до попыток великих князей Московских присоединить Псков и вне контекста противостояния с Москвой.

Особое место в псковской республиканской риторике занимало выражение «добровольные люди». Так, в 1461 г., согласно псковской летописи, псковичи «повелѣша» своим послам «бити челомъ» приехавшему в Великий Новгород Василию Темному «о жаловании и о печаловании своєю отчины, мужей псковичъ добровольных людей»³²¹. Формула «великокняжеская отчина – мужи псковичи (весь Псков), добровольные люди» носила вполне официальный характер, о чем свидетельствует грамота Пскова другому московскому великому князю Ивану III 1477 г., в которой псковичи обращаются к нему так: «А вамъ, своимъ государемъ (читай: господаремъ. – П. Л.) вѣликимъ княземъ русскимъ и царемъ, отчина ваша, добровольные люди, весь Псковъ челомъ бьемъ»³²².

В историографии эти формулы обычно интерпретируются как переходные, парадоксальные, противоречивые, свидетельствующие о постепенном подчинении республик Москве. Считается, что в Коростынском договоре речь идет о признании себя «органической частью Русского государства» при сохранении своего внутреннего статуса, внутреннего порядка управления³²³. Примерно в таком же духе характеризуется в одном из последних исследований и соответствующая псковская формула³²⁴. Однако как анализ функционирования этих формул в новгородских и псковских источниках и стоявшей за ними политической практики, так и сравнительно-исторические данные указывают на другое. В рамках новгородской и псковской политической риторики идея о том, что московский великий князь обязан их защищать от внешних врагов, вполне сочеталась с убеждением в собственной вольности. Как показал применительно к Пскову С. В. Городилин, в псковском летописании преобладающим контекстом, в котором фигурирует формула с упоминанием «отчины» и «добровольных людей», оказываются обязательства великого князя *жаловати и боронити* Псков либо псковские просьбы о том же. Историк – полагаем, небезосновательно – считает, что стимулом к появлению таких идей в Пскове стал Салинский договор 1398 г. между Великим княжеством Литовским и Тевтонским орденом, который рассматривался как прямая угроза независимости Пскова (он, в соответствии с договором, должен был отойти в сферу влияния Ордена), в результате чего там стала ощущаться необходимость в обретении могущественного защитника, каковым в той ситуации мог быть только московский великий князь³²⁵. В этом смысле псковская формула

³²⁰ ПСРЛ. Т. III. С. 391. Отметим, что здесь подразумевается не Новгород как топоним (город или Новгородская земля), а «господин Великий Новгород» как политическое сообщество новгородцев, осененное патронатом святой Софии (ср.: *Горский А. А.* «Всего еси исполнена земля руская...». С. 65).

³²¹ ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. С. 58.

³²² ГВНП. № 338. С. 324.

³²³ *Алексеев Ю. Г.* «К Москве хотим». Закат боярской республики в Новгороде. Л., 1991. С. 84.

³²⁴ *Krom M.* The City of Pskov in the Fifteenth and Early Sixteenth Centuries // *Russian History*. Vol. 41 (2014). No. 4. P. 451–456. Подробнее историографию вопроса см.: *Городилин С. В.* Иван Репня Оболенский: «наш князь» или чужой наместник? К вопросу о статусе псковских князей в XV – начале XVI в. // *Археология и история Пскова и Псковской земли. Ежегодник Семинара имени академика В. В. Седова*. Вып. 33. Материалы 63-го заседания (2017 г.). М.; Псков, 2018. С. 65–68.

³²⁵ *Городилин С. В.* «Твоя отчина мужи псковичи люди добровольные»: к вопросу о происхождении и политико-правовом контексте летописной формулы // *Русь, Россия: Средневековье и Новое время*. Вып. 6: VI чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 21–22 ноября 2019 г. М., 2019 (Труды исторического факультета МГУ: Вып. 163. Сер. 2: Исторические исследования: 102). С. 86–91. См. также: *Лукин П. В.* Что означает формула «ваша отчина, (добро)вольные люди»? Дубровницкая параллель // *Комплексный подход в изучении Древней Руси. Материалы X Международной научной конференции 9–13 сентября 2019 года, Москва, Россия / Отв. ред. Е. Л. Коняевская*. М., 2019. С. 120–122.

«великокняжеская отчина – добровольные люди» оказывается аналогом новгородской формулы «великокняжеская отчина – люди вольные» и отражает ту же двойственность политической идентичности, которая как в новгородской, так и в псковской интерпретации не подразумевала никаких реальных ограничений самостоятельности республик. В то же время, как и в случае с Новгородом, победа московской интерпретации этой двойственной риторики могла привести (и привела) и к институциональным изменениям.

Нереспубликанские республики?

Можно ли найти «республиканизм» в других древнерусских землях, не только в Новгороде и Пскове? Дореволюционная земско-вечевая теория, а в советское время – школа И. Я. Фроянова исходили из того, что по крайней мере в домонгольское время, а может быть, и позже основы политического строя на Руси были в принципе повсюду едины, что подтверждается повсеместным существованием веча, которое – по мысли сторонников таких взглядов – являлось главным органом власти. Выше мы, однако, видели, что вовсе не само по себе вече было основой древнерусского республиканизма. Крайняя редкость упоминаний веча в Новгороде в XII в., как уже говорилось выше, не может свидетельствовать об отсутствии республиканских тенденций эволюции новгородского политического строя в этот период, а наличие таких упоминаний в других древнерусских городах не может само по себе свидетельствовать о том, что там такие тенденции были выражены. Вечевые собрания, конечно, отражают политическую активность горожан, но такая активность могла носить эпизодический характер, возникая лишь в критических, кризисных ситуациях. Подлинной основой древнерусского республиканского строя было существование «политического народа» и использование соответствующих понятий и риторики.

Весьма неоднозначную ситуацию мы видим с этой точки зрения в *Киеве*.

Применительно к Киеву в летописях есть множество упоминаний политической активности населения, в том числе и в форме веча. Однако с киевским «политическим народом» дело обстоит сложно: соответствующий дискурс практически отсутствует. Более того, заметны некоторые выражения, которые можно считать проявлением совсем иной риторики. Так, в рассказе о мести княгини Ольги древлянам киевляне говорят древлянским послам: «*Неволя* есть намъ; князь нашъ убиенъ бысть, а княгынѣ наша хоцеть за вашъ князь (выйти замуж за древлянского князя Мала. – *П. Л.*)». После этого они на руках «понесоша я в лодыи»³²⁶. В данном случае не имеет значения, что это была уловка со стороны Ольги и киевлян и что сам рассказ носит, по-видимому, легендарный характер. Существенно то, как понимал киевский летописец – предположительно XI в.³²⁷ – что такое «неволя» горожан. «Неволя» в его представлении связана с беспрекословным подчинением горожан князю (здесь – княгине), который может принудить к выполнению даже унижительных требований. Между прочим, понятие «неволя» помогает прояснить значение его антонима – «воля». «Воля», которой в тот момент лишены киевляне, оказывается отсутствием такого подчинения.

В 1068 г., согласно Начальному летописанию, после поражения, которое нанесли половцы князю Изяславу Ярославичу, «людие киевьстѣи прибѣгоша Киеву, и створиша вѣче на торговищи», и потребовали у князя оружия и коней для продолжения войны с половцами. После отказа Изяслава «начаша людие говорити на воеводу Коснячя³²⁸; идоша с вѣча на гору...». В результате киевляне прогнали Изяслава, а вместо него провозгласили князем сидевшего в тюрьме Всеслава Полоцкого³²⁹. В следующем, 1069 г. киевляне после бегства поставленного ими Всеслава «створше вѣче, послаша къ Святославу и ко Всеволоду, глаголюще: „мы уже зло створилѣ есмы, князя своего прогнавшѣ“; а се ведеть на нас Лятьскую землю; а вы

³²⁶ ПСРЛ. Т. III. С. 111; Т. I. Стб. 56.

³²⁷ По А. А. Шахматову, повествование о первых трех мщениях княгини Ольги древлянами появилось в «Начальном своде» конца XI в. (*Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 109–110 (§ 72), 544). Есть и другие мнения. С. М. Михеев относит его к «Древнему сказанию» («Древнейший свод», по А. А. Шахматову), который датирует 1016–1018 гг. (*Михеев С. М.* Кто писал «Повесть временных лет»? С. 154–155, 217).

³²⁸ Правильно: Коснячка.

³²⁹ ПСРЛ. Т. III. С. 189; Т. I. Стб. 170–171. См. подробнее: *Лукин П. В.* Зачем Изяслав Ярославич «възгна торгъ на гору»? К вопросу о месте проведения вечевых собраний в средневековом Киеве // *Средневековая Русь*. Вып. 7. М., 2007. С. 31–55.

пойдита въ град отца своего; аще ли не хочета, то намъ *неволя*: зажегше град свои, ступимъ в землю Грѣчьскую»³³⁰. Киевляне боялись мести изгнанного ими в предыдущем году Изяслава Ярославича, который вел на Киев своих союзников-поляков, и, стремясь ее предотвратить, обратились к его младшим братьям: Святославу и Всеволоду.

Киевляне принимают решения на вече, предъявляют требования князю, изгоняют одного князя и ставят на престол другого, считают «град» своим, и недооценивать это при интерпретации степени политической активности киевлян во второй половине XI в. нельзя³³¹. Однако некоторых существенных деталей, знакомых нам по Новгороду и Пскову, здесь нет. На вече собирается не «весь Киев», не «все кияне», а «люди киевские» или даже просто «людье», что, в отличие от афинского демоса, не было обозначением «политического народа» («людье» – самое общее наименование вообще любых людей). Изгнание князя сами же киевляне признают «злом», т. е. не считают его легитимным актом. Наконец, свою судьбу они ставят в зависимость от согласия Ярославичей заступиться за них; в противном случае они будут вынуждены бежать в Византию. Это показывает, что, скорее всего, концепцией «вольности» они не руководствовались. Разумеется, надо еще раз оговориться, что мы не знаем точно, что именно было в головах у киевлян в 1069 г. (очень вероятно, что они-то считали свои действия вполне легитимными), речь идет о том, как это представлено в начальном летописании. Показательно само отсутствие в описании того, что можно назвать «риторикой вольности».

Упоминание воли киевлян мы видим, однако, уже в XII в., в летописном рассказе о кратком и несчастном княжении в Киеве Игоря Ольговича. Когда в 1146 г. умер его брат, киевский князь Всеволод, черниговские Ольговичи хотели посадить на киевский стол Игоря. Однако киевляне, судя по летописи, без восторга отнеслись к такой перспективе, и их пришлось уговаривать. В частности, раздражение киевлян вызывали тиуны умершего Всеволода, на которых они жаловались на собравшемся у Туровой божницы вече. Поэтому еще один брат покойного, Святослав Ольгович, отправился туда и попытался договориться с киевлянами, заявив: «Язь цѣлюю крестъ за братомъ своимъ [Игорем Ольговичем], яко не будетъ вы насилья никоторого же, а се вы и тивунъ, а по вашей воли». Далее состоялась процедура крестоцелования: «И на томъ [Святослав] целова хрестъ к нимъ у вѣчи. Кияне же вси съсѣдше с конь, и начаша молвити: „Братъ твой князь [Игорь] и ты“. И на томъ цѣловаше вси Кияне хрестъ и с дѣтми, оже под Игоремъ не льстити, под Святославомъ»³³². Здесь мы как будто видим некоторые существенные элементы «риторики вольности», известные нам по Новгороду: наличие политического коллектива, которое имеет наименование, образованное с помощью определения, указывающего на всеобщность («все кияне»); упоминание «воли» этого политического коллектива; самостоятельную активность политического коллектива: принятие решений на «народном собрании» – вече, заключение договора с князем, скрепляемое соответствующей церемонией (крестоцелованием). Типологически это напоминает уровень раннего новгородского республиканизма, когда республиканские риторические формулы и ритуалы еще только формировались (в частности, представление о «воле» новгородцев существовало, а формулы «на всей воле новгородской» еще не было). Однако дальнейшего развития в этом направлении в Киеве, очевидно, не произошло. При этом по крайней мере вплоть до установления монголо-татарского господства представления о киевском политическом сообществе как о некоем единстве сохранялись. Об этом находим интересное свидетельство в «Истории монгол» Плано Карпини. В IX главе там перечисляются свидетели путешествия папского посольства к хану Гуюку в 1246–1247 гг.,

³³⁰ ПСРЛ. Т. III. С. 190–191; Т. I. Стб. 173.

³³¹ См. об этом подробнее: *Лукин П. В.* «... нам неволя: зажегше град свои, ступим в Гречьску землю». К интерпретации статьи «Повести временных лет» под 6577 г. // *Rossica Antiqua*. Т. 1. СПб., 2006. С. 229–259.

³³² ПСРЛ. Т. II. Стб. 321–322. См. подробнее: *Лукин П. В.* Вече: социальный состав // Горский А. А. и др. Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 110–116; *Флоря Б. Н.* Представления об отношениях власти и общества в Древней Руси (XII – начало XIII в.). С. 32.

среди которых указан «весь город Киев» (*civitas omnis Kiovie*): «Весь город Киев является свидетелем. Он дал нам охрану и лошадей до первой татарской заставы, и по возвращении принял нас с татарской охраной и ее лошадьми»³³³. Как видно, «весь город Киев» не просто безмолвный свидетель – он выступает в качестве активно действующего лица, которое заботится о послых. Обращает на себя внимание еще одно обстоятельство. С подлежащим единственного числа «[весь] город Киев» в латинском оригинале координируется сказуемое множественного – «дали» («dederunt»). Это не грамматическая ошибка, а использование *constructio ad sensum* (согласования по смыслу), характерного в латинском языке для предложений, в которых подлежащим является имя собирательное, подразумевающее живых существ. Есть примеры, когда в такой роли выступают названия стран и городов, и очень легко такой тип согласования происходит (особенно в поздней латыни) после таких определений, как «omnis» и «totus»³³⁴. Это означает, что «весь город Киев» воспринимался и Плано Карпини, и его русскими информаторами как коллективный политический субъект. Однако из того же источника мы видим, что реальная власть в Киеве принадлежала тысяцкому и его окружению. В отличие от Новгорода, тысяцкий не был в Киеве республиканским магистратом. Он был наместником, которого назначил отсутствовавший в Киеве князь (т. е. владимирский великий князь Ярослав Всеволодич, убитый в 1247 г. в Каракоруме³³⁵). Поэтому применительно к Киеву можно говорить лишь о наличии некоторых республиканских тенденций в XI–XIII вв., что отразилось и в сфере политической риторики.

Странной, на первый взгляд, может показаться постановка вопроса о республиканской риторике в *Северо-Восточной Руси*. «Владими́ро-Суздальское княжество» (Суздальская земля исторических источников) очень часто ассоциировалось в историографии с деспотизмом, и именно в деспотизме могущественных владимирских князей Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо предлагалось искать корни деспотизма московского. Однако еще А. Н. Насонов в своей ранней и во многом опередившей время статье убедительно опроверг эти построения (что не мешало им повторяться в дальнейшем)³³⁶.

Именно в летописании Северо-Восточной Руси (под 1175 г.) появилась классическая сентенция о вечевом строе на Руси: «Новгородци бо изначала, и Смолняне, и Кыяне, [и Полочане], и вся власти якоже на думу³³⁷ на вѣча сходятся, на что же старѣишии сдумають, на томъ же пригорода стануть»³³⁸. Подробно политико-институциональное значение этого известия мы рассматриваем в другом месте³³⁹, но тут нужно остановиться на некоторых моментах, которые обычно игнорируются в историографии.

Исторический контекст известия – междоусобная война в Суздальской земле между внуками Юрия Долгорукого, Мстиславом и Ярополком Ростиславичами, и его младшими сыновьями, Михалком и Всеволодом Юрьевичами, а также между ориентировавшимися на этих князей городами: старшими (сторонниками Ростиславичей: Ростовом и Суздаlem) и млад-

³³³ Civitas omnis Kiovie testis est, qui nobis dederunt conductum et equos usque ad primam custodiam Tartarorum, et in reversione recepit nos cum conductu Tartarorum et equis eorum... (*Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei mongoli* / Ed. E. Menestò. Spoleto, 1989 (Biblioteca del 'Centro per il collegamento degli studi medievali e umanistici nell' Università di Perugia', 1), IX: 50. P. 332, разночтения (к строке 676).

³³⁴ Hoffmann J. B. Lateinische Syntax und Stilistik / Neubearb. von A. Szantyr. München, 1972 (Handbuch der Altertumswissenschaft. Abt. II, T. 2). § 233. S. 436–438.

³³⁵ См. об этом: Горский А. А. Русские земли в XIII–XIV веках. С. 38.

³³⁶ Насонов А. Н. Князь и город в Ростово-Суздальской земле (в XII и первой половине XIII в.) // Века. Исторический сборник. Ч. 1. Пг., 1924. С. 3–27. Ср.: Кобрин В. Б., Юрганов А. Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (К постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 4. С. 54–64; Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и их потомков (XII–XIV вв.). М., 2001. С. 65–94.

³³⁷ Так в Радз. и ЛПС, в Лавр. и Ак. ошибочно: «на дому» (см.: Лукин П. В. Новгородское вече. С. 40–41).

³³⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 377–378.

³³⁹ Лукин П. В. Вече: социальный состав. С. 92–97.

шими (выступавшими за Юрьевичей: Владимиром-на-Клязьме, Переяславцем-Залесским и др.). Выше в *Лавр.* приводится следующее рассуждение – панегирик в честь владимирцев, которые заняли, с точки зрения летописца, правильную позицию в конфликте (в пользу Юрьевичей): «Мы же да подивимся чюду новому³⁴⁰, и великому, и преславному матере Божья, како заступи град свои от великих бѣдъ, и гражаны своя укрѣпляетъ. Не вложи бо имъ Богъ страха, и не убояшася, князя два имуще въ власти сеи и боляръ, ихъ прѣщенья ни во чтоже положиша за 7 недѣль. Безо князя будуще в Володимери градъ, толико възложыше всю свою надежу и упованье к святѣи Богородицѣ и на свою правду»³⁴¹. И ниже, комментируя победу Юрьевичей, летописец ссылается на евангельское изречение: «Исповѣдаю ти ся, отче, Господи небеси и земли, яко утаиль се от премудрыхъ и разумень, открыль еси младенцемъ» (Мф. 11:25)³⁴². В роли «младенцев» в летописи выступают младшие города, в роли «премудрых и разумных» – старшие (Ростов и Суздаль), причем оценка последних в свете евангельского текста сугубо отрицательная. Иисус сравнивает осуждаемые Им галилейские города с Содомом, Тиром и Сидоном – не в пользу первых. Далее летописец иллюстрирует эту цитату комментарием по поводу междоусобицы в Суздальской земле: «Тако и здѣ не разумѣша правды Божья исправи Ростовци и Суждалци, давнии творящеся старѣишии, новии же людье мѣзинии Володимерьстии уразумѣвше, яшася за правду крѣпко и рекоша вси собѣ: „Любо Михалка князя собѣ налѣземъ [и брата его Всеволода³⁴³], а любо головы своѣ положим за святую Богородицу и за Михалка“. И утѣши и Богъ и святая Богородица чюдотворная Володимерьская <...> се бо Володимерци прославлени Богомъ по всеи земьли за ихъ правду, Богови имъ помогающе»³⁴⁴.

Когда несколько ранее владимирцы узнали о покушении Ростиславичей на имущество владимирского кафедрального Успенского собора, они возмутились: «Мы есмы волная князя прияли к собѣ и крестъ цѣловали на всемъ, а си яко не свою волость творита, яко не творящися сѣдѣти у нас, грабита не токмо [волость] всю, но и церкви»³⁴⁵.

Приведенные выше отрывки принадлежат перу владимирского летописца-клирика и, как показывает история текста, были записаны после победы Юрьевичей и до смерти старшего из них, Михалка, после которой текст был отредактирован в пользу его брата Всеволода Большое Гнездо, т. е. между июнем 1175 г. и июнем 1176 г.³⁴⁶ Это означает, что повествование о междоусобице в Суздальской земле было записано по горячим следам, а отразившиеся там воззрения – это воззрения современника событий, который, конечно, ориентировался на господствовавшие в городской элите Владимира взгляды.

Как можно охарактеризовать эти представления? На первый взгляд, республиканская идеология в этих сентенциях проявляется еще более выражено, чем в новгородском летописании.

Прежде всего, в известии о приглашении Ростиславичей вроде бы присутствует «риторика вольности», которой мы не видели в столь артикулированной форме в Киеве. Так это обычно и понимается в историографии. Ю. А. Лимонов, например, считал, что возмущение совершаемыми князьями злоупотреблениями привело к взрыву недовольства владимирцев и созыву веча, на котором выступали ораторы, исходившие «из преамбулы „вольности“, т. е. свободы выбора князя, чье поведение, нарушившее ряд с городом, освобождало горожан от присяги на верность»³⁴⁷. Однако в *Лавр.*, если обратить внимание на буквальное значение напи-

³⁴⁰ *Лавр.* ошибочно: «чюдному».

³⁴¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 377.

³⁴² Там же. Стб. 378.

³⁴³ Вставка в *Радз.* и *Ак.*

³⁴⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 378.

³⁴⁵ Там же. Стб. 375.

³⁴⁶ *Насонов А. Н.* История русского летописания XI – начала XVIII в. С. 158–160.

³⁴⁷ *Лимонов Ю. А.* Владимиро-Суздальская Русь. С. 123.

санного, говорится о вольности не владимирцев, а князей-Ростиславичей. «Волная» в *Лавр.*, вероятно, нужно понимать как винительный падеж двойственного числа, соотнесенный с сущ. «князя» (также винительный падеж двойственного числа). Такое же чтение представлено и в *Ип.*, где использован северо-восточный источник («волная князя»), и в *ЛПС*, в котором отразилась переяславская обработка владимирского свода начала XIII в. («волная князя») ³⁴⁸. Лишь в *Радз.* и *Ак.* это место оказалось отредактировано, и смысл поменялся: «Мы есмо волнии, а князя прияли к собѣ» ³⁴⁹. Переработка в протографе *Радз.* и *Ак.*, очевидно, представляла собой, как уже говорилось выше, позднейшую владимирскую редакцию переяславской обработки более раннего владимирского же свода. В первоначальном тексте владимирского летописца, таким образом, акцент делался на «вольности», высоком статусе *князей*, обязанных – в соответствии с этим статусом – соблюдать крестоцелование. Только позднее, возможно, даже в 30-е гг. XIII в. на одном из этапов редактирования владимирского летописного свода это известие было видоизменено таким образом, что «вольность» стала атрибутом горожан.

В любом случае в *Лавр.* в принципе провозглашается право владимирцев приглашать князей или даже избирать нового князя после смерти прежнего из круга близких родственников покойного ³⁵⁰.

«Правда» владимирцев соотносится с правдой Божьей. Относительно этой «правды» можно в целом согласиться с Н. Н. Ворониным: под «правдой» владимирский летописец имел в виду прежде всего оправданные, по его мнению, притязания владимирцев на политическую самостоятельность по отношению к «старшим» городам Северо-Восточной Руси ³⁵¹. Однако для риторики владимирского летописца характерен ярко выраженный «князецентризм», а его «риторика вольности» носит достаточно ограниченный характер. Волость, в которой находится Владимир-на-Клязьме, – это владение князей, а не владимирцев. Князья обязаны заботиться о *своей* волости. Без князя не мыслили себя и новгородцы, но владимирский летописец подчеркивает и другое: само наличие «в волости» враждебных князей уже ставит под вопрос «правду» владимирцев. Сопrotивление князьям, даже нарушившим крестоцелование, и их боярам (совершенно обычное явление в Новгороде) оценивается как беспримерный подвиг и чудо. Обращает на себя внимание в этом смысле довольно прохладная характеристика вечевых порядков «старших» городов (сами собрания владимирцев, несомненно имевшие место, «вечем», между прочим, не называются). В то же время владимирцам вкладывается в уста тезис, согласно которому Михалко Юрьевич имеет право претендовать на княжение во Владимире, так как он «старѣ в братьи своеи» ³⁵².

Ни киевские, ни владимирские данные о городских вольностях, как справедливо заметил Б. Н. Флоря, не свидетельствуют о каких-то попытках их институционализации ³⁵³. Речь скорее идет о том, что там существовали определенные представления о правах горожан, которые должны уважать князья, сохраняя при этом за собой полноту власти. Проявлялось это, как мы видели, и на уровне риторики, которая никогда не достигала того уровня, которого достигла новгородская «риторика вольности» уже в домонгольский период. В то же время в условиях распространения подобных представлений, в том числе и в официальном летописании (киев-

³⁴⁸ ПСРЛ. Т. XLI. С. 103. В издании поставлена запятая между «волная» и «князя»: «Мы есмы волная, князя прияли к собѣ». Но если бы определение относилось к владимирцам, должно было бы быть «волнии».

³⁴⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 375–376, разночтения.

³⁵⁰ Флоря Б. Н. Выборность правителя в памятниках владими́ро-суздальского летописания второй половины XII – начала XIII века // От Царьграда до Белого моря. Сборник статей по средневековому искусству в честь Э. С. Смирновой. М., 2007. С. 601–602.

³⁵¹ Воронин Н. Н. К характеристике владимирского летописания 1158–1177 гг. С. 34–36.

³⁵² ПСРЛ. Т. I. Стб. 375. Эта двойственность отмечена Б. Н. Флорей: Флоря Б. Н. Выборность правителя в памятниках владими́ро-суздальского летописания второй половины XII – начала XIII века. С. 602–603.

³⁵³ Флоря Б. Н. Представления об отношениях власти и общества в Древней Руси (XII – начало XIII в.). С. 34.

ском и северо-восточном), о каких-либо деспотических или самодержавных тенденциях также говорить не приходится. Тем не менее относительная неразвитость республиканской идеологии и отсутствие ее институциональных подпорок, вероятно, способствовали таким тенденциям в Северо-Восточной Руси после монголо-татарского завоевания (о социально-политической истории Киева в этот период мы почти ничего не знаем³⁵⁴).

Сложен вопрос с «риторикой вольности» в *Полоцке*, оказавшемся через некоторое время после монголо-татарского нашествия на Русь под властью великих князей литовских. В позднем летописном памятнике Великого княжества Литовского (20-е гг. XVI в.) содержится рассказ о полоцких вольностях. В этом рассказе упоминаются «мужи полочане, которые вечом справовалися, яко Великий Новгород и Псков». Происхождение полоцких свобод связывается автором этого текста с легендарным князем литовского происхождения Борисом-Гинвилем: «...пануючи ему в Полоцку был ласкав на подданных своих и дал им, подданным своим, волности и вѣчо мѣти и в звон звонити, и по тому ся справовати, яко у Великом Новѣгородѣ и Псковѣ»³⁵⁵. В Полоцке действительно еще в XII в. упоминается вече и фигурирует общность «полочан», приглашающая и изгоняющая князей. Между князьями и «полочанами», очевидно, существуют договорные отношения. Фиксируется общность полочан и в документах более позднего времени, когда Полоцк находился уже в составе Великого княжества Литовского³⁵⁶. В одном из ганзейских документов конца XIV – начала XV в. прямо упомянуто вече в Полоцке³⁵⁷.

Проблема, однако, состоит в том, что у нас практически нет собственно полоцких нарративов, на основании которых можно было бы судить о республиканской или коммунальной риторике. Легендарное повествование о Борисе-Гинвиле, конечно, свидетельствует о том, что рефлексия о республиканском строе Полоцка в позднее Средневековье и Раннее Новое время существовала, но ее очень сложно «привязать» хронологически. В свое время И. В. Якубовский, сопоставив положения привилея польского короля и литовского великого князя Сигизмунда I Полоцку с договорами между князьями и Новгородом, обнаружил в них ряд параллелей и предположил, что первые «ряды» полочан с князьями (литовскими) заключались в первой половине XIV в.³⁵⁸ Б. Н. Флоря считает, что республиканские традиции в Полоцке восходят еще к вечевым порядкам домонгольского времени, а к Великому княжеству Литовскому Полоцк присоединился уже будучи республикой после угасания местной княжеской династии³⁵⁹. К сожалению, однако, данных о республиканской риторике в Полоцке у нас пока за исключением позднего и легендарного летописного повествования, причем, видимо, не связанного непосредственно с полоцкой литературной традицией нет. Современный исследователь имеет поэтому формальное право говорить, что в древнерусском Полоцке отсутствовали аналогии таких ключевых для западноевропейского коммунального строя понятий, как «Gemeinde» или «communitas»³⁶⁰. Вопрос поэтому заслуживает дальнейшего изучения. Но, конечно, помещение Полоцка в раздел о «нереспубликанских» республиках условно.

³⁵⁴ См.: Горский А. А. Русские земли в XIII–XIV веках. С. 38–40.

³⁵⁵ ПСРЛ. Т. XXXV. С. 130.

³⁵⁶ Rohdewald S. «Vom Polocker Venedig». Kollektives Handeln sozialer Gruppen einer Stadt zwischen Ost- und Mitteleuropa (Mittelalter, frühe Neuzeit, 19. Jh. bis 1914). Stuttgart, 2005 (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa). S. 41–89.

³⁵⁷ См. о нем: Лукш П. В. Новгородское вече. С. 295.

³⁵⁸ Якубовский И. В. Земские привилеи Великого княжества Литовского. Ч. 2 // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 347. 1903. Июнь. С. 275–279.

³⁵⁹ Флоря Б. Н. Историческая традиция об общественном строе средневекового Полоцка // Отечественная история. 1995. № 5. С. 110–116. Ср. критические замечания по поводу преемственности политического строя Полоцка в составе Великого княжества Литовского и вечевых порядков домонгольского Полоцка: Rohdewald S. «Vom Polocker Venedig». S. 24–25.

³⁶⁰ Rohdewald S. «Vom Polocker Venedig». S. 67.

Относительно же остальных древнерусских земель либо нет оснований предполагать наличие республиканской риторики / идеологии, либо об этом отсутствуют достаточные для определенных выводов данные.

Заключение

Наблюдения, результаты которых были изложены выше, показывают наличие в древнерусском узусе ключевых аспектов республиканской риторики. В особенности это характерно – что не удивительно – для Новгорода и Пскова, но отдельные ее элементы можно встретить и в Киеве, и во Владимире-на-Клязьме, и в Полоцке. В Древней Руси не было прямого аналога понятия *res publica*, но оно не использовалось и во множестве европейских средневековых коммун, существовавших параллельно с Новгородом и Псковом.

Важнее, что в средневековых русских республиках существовали обозначения республиканского политического коллектива («политического народа»), который и был их сюзереном – своеобразной коллективной личностью, соответствующей личностям физическим во главе княжеств. Республиканская риторика на Руси была построена именно вокруг таких понятий. Считалось, что правят именно эти политические коллективы («весь Новгород», «все новгородцы», «весь Псков», «мужи псковичи») через собрания «политического народа» (вече) или через выборных должностных лиц. Эти выборные или, точнее, «аккламированные» (провозглашенные, признанные, «прославленные») «политическим народом» на вече должностные лица были не выборными представителями-посредниками, которым «политический народ» делегировал свои политические права, а сам на срок их полномочий уходил в сторону, но республиканскими магистратами, с помощью которых и – если так можно выразиться – «через» которых «политический народ» заботился о своей – как бы сказали римляне – *res publica*³⁶¹.

Важнейшим элементом республиканской риторики, получившим наибольшее развитие в Новгороде, было представление о наличии у «политического народа» комплекса вольностей (свобод) – «всей воли новгородской», требовавшей своего обоснования в реальных или фиктивных документах, которые как бы подтверждали конституционно-правовые основы республики («Ярослави грамоты», «уставы старых князей», договоры с князьями).

Процесс складывания республиканских представлений и риторики шел постепенно. Но важнейшие их элементы возникли в Новгороде не позднее середины XII в. и в дальнейшем лишь укреплялись, усложнялись и развивались. Своего рода венцом этого развития, прерванного присоединением Новгорода к Москве, стало появление наименования «Господин господарь Великий Новгород» и прямого сопоставления воли «Великого Новгорода» с волей Божьей. Такое же направление развития, но в несколько более скромных формах и с некоторым «отставанием» было в целом характерно и для Пскова. (Прото)республиканские тенденции и соответствующая риторика могут быть засвидетельствованы в разное время и в других древнерусских центрах, но где-то они не получили достаточного развития (Киев, Владимир-на-Клязьме), где-то для их изучения не хватает источников (Полоцк).

Неоднозначный характер носили такие выражения, как «отчина великого князя, (добро)вольные люди», которые использовались для обозначения статуса Новгорода и Пскова в самих этих политических образованиях. Внимательный анализ показывает, что эти выражения – в их новгородской и псковской интерпретации – никак не противоречили их республиканскому строю и политической самостоятельности. В то же время сама идея принадлежности к единому русскому пространству, представления о том, что их вольности дарованы древними князьями, и признание себя – пусть и во многом формально – отчинами (наследственными владениями) великих князей владимирских, а потом московских оказывали существенное воздействие на коллективную идентичность новгородцев и псковичей и впоследствии, по-видимому, способствовали тому, что попытки сопротивления московской экспансии носили довольно хаотичный характер и закончились неудачей. Противоположные тенденции, направленные на

³⁶¹ См.: Штарк Р. *Res publica*. С. 32.

осмысление своих вольностей вне связи с князьями и создание соответствующих мифов и риторических стратегий, имели место в Великом Новгороде, но в отпущенное историей для его независимости время не возобладали.

Глава III

Республика без республиканизма: дискурсы *общего дела* в Московской Руси

К. Ю. Ерусалимский

Российская культура раннего Нового времени – а точнее было бы говорить о множественных формах ее культуры, о российских культурах – не выработала республиканских языков политического описания и не отразила целостной и авторитетной репрезентации России или ее сообществ в качестве республики. Само понятие *республика* – позднее заимствование, воспринятое опосредованно в конце XVII–XVIII в. из латыни при почти полном отсутствии латинского образования до того времени, когда были созданы специальные школы при высших государственных учреждениях³⁶². В различных текстах московской книжности и в документальных источниках бытование этого термина, его калек и переводов фиксируется уже в XII–XV вв. Однако насколько он отражал факты самосознания местных авторов? Наличие институтов публичной власти и форм коллективной воли не является показателем принятия республиканизма в какой-либо его вариации. Сразу необходимо оговориться, что тщетны были бы его поиски в местных памятниках, характеризующих такие явления, как *вече* или *земские соборы*, *ополчения* или *приговоры всей земли*, массовые протестные *мятежи* или *воровские затейки*, хотя именно в таких направлениях мы могли бы ожидать проявления республиканской мысли по аналогии с латинской и реформационной Европой.

Легитимность княжеской власти не вызывала в русских землях сомнений вплоть до утверждения королевского и царского суверенитета (хотя вполне уместен вопрос, насколько королевская и царская легитимности пересекались между собой), однако, как показали с несходных точек зрения еще М. А. Дьяконов, В. И. Сергеевич и В. Е. Вальденберг, пределы княжеской и царской власти не ограничивались какими-либо внешними по отношению к ним силами, помимо Бога. Вопрос об ограничении власти в правоведческой литературе XIX – начала XX в. о русских древностях и Новом времени в целом не связан с историей стороннего коллективного действия по ограничению власти, а потому и не рассматривался из перспективы противостояния политических типов и политических институтов³⁶³.

Не было парадоксом и почти полное отсутствие в Северо-Восточной Руси соответствующего языка при изложении греческой и римской истории, поскольку ключевым источником по этим сюжетам вплоть до конца XVII – начала XVIII в. оставался хронограф, скомпилированный на основе ряда византийских источников, и сходные с ним местные сочинения. В Хронографе периоды республики рассматривались как безвременье и опускались³⁶⁴. Не было

³⁶² Okenfuss M. J. The Rise and Fall of Latin Humanism in Early-Modern Russia: Pagan Authors, Ukrainians, and the Resiliency of Muscovy. Leiden et al., 1995. P. 50 ff., 161 ff.; Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996; Weickhardt G. G. Early Russian Law and Byzantine Law // Russian History. 2005. Vol. 32. № 1. P. 1–22; Рамазанова Д. Н. Итальянская школа братьев Лихудов в Москве (1697–1700 гг.). М., 2019. С. 20–32, 42–45. Переводческая работа в Посольском приказе и Коллегии иностранных дел подчинялась прежде всего задачам внешней политики высшей власти, дипломатических и военных ведомств. См.: Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. / Отв. ред. Д. В. Лисейцев, С. М. Шамин. М., 2019; Схиммельпэншик ван дер Ойе Д. Русский ориентализм. Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции / Пер. с англ. П. С. Бавина. М., 2019. С. 39–50.

³⁶³ Дьяконов М. А. Власть московских государей: Очерки из истории политических идей Древней Руси до конца XVI века. СПб., 1889; Вальденберг В. Е. Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. Пг., 1916.

³⁶⁴ Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 32–45, 54–58, 74–97, 119–127, 141–159, 160–187; Водолазкин Е. Г. Всемирная история в литературе Древней Руси: (на материале хронографического и палейного повествования XI–XV вв.). СПб., 2008.

«своих» республиканских форм и подобию и в русских древностях, так что для книжников, как правило, не возникало перспективы подобного описания внутренних реалий, а внешние общества представляли в подобных случаях как экзотические и ненормальные, что также накладывало свой отпечаток на исторические повествования. В наши задачи входит тем не менее рассмотреть случаи негативной готовности к республиканским формам, осмысленное отрицание, вычеркивание или умолчание о республиках в тех случаях, когда рефлексия над их политическим устройством напрашивалась или была обеспечена источниками книжников, – например, когда возникали образы преодоления политической нестабильности, многовластия и безвластия. Как известно, русские и московские книжники успешно владели этим инструментом при отсылках к *неведомым народам* или татарскому *игу*³⁶⁵.

Языки республики и республиканизма обсуждались в российских текстах и практиках XV – начала XVIII в. без уверенности в том, что они описывают реальность или воплощены, как политический идеал мог бы быть воплощен на практике, в качестве особого замысла или образца. В науке сложилось несколько несходных интерпретаций того, как это происходило в Московском государстве (или шире – в Русском государстве к востоку от владений Шведского королевства, Короны Польской и Великого княжества Литовского). Одна из них предполагает, что ни сами эти языки, ни их социальные реализации не были актуальны, тогда как элита опиралась на автократические институты (честь, клановую солидарность, конкуренцию за первенство перед государем), а низы – на размытое понимание социальных границ, бытовые и профессиональные демаркации (в целом далекие от каких-либо доктрин). Этот взгляд разделяет Нэнси-Шилдз Коллманн, когда обсуждает социальную идентификацию жителей России, главным образом в XVI–XVII вв. Согласно данной точке зрения, абстрактные доктрины были чужды московским подданным, и даже институты подданства (условно: гражданства) были маркированы несходными правами и обязанностями в зависимости от происхождения и дробных страт. Отсутствовало понятие о едином «обществе»³⁶⁶. При этом клановые связи ко второй половине XVII в. уступали место индивидуализму, моральной межклассовой поддержке и свободным ассоциациям. Доктрины для этого также были не нужны, на их месте легко обнаружить отдельные акты благотворительности и моральные высказывания³⁶⁷.

Переломное значение XVII в. в истории российской – в том числе политической – мысли признавали и сторонники концепции «секуляризации», а также «вестернизации», «обновления», «новизны» (среди них в российской науке С. Ф. Платонов, Д. С. Лихачев, А. Н. Робинсон, Б. А. Успенский³⁶⁸, в мировой науке – Эдвард Кинан, Дэниел Роулэнд, Джордж Уайкхарт³⁶⁹). Это направление вызвало разногласия. Отмечалось, что «сакральная» концепция преувеличивает значение патриархальных структур и православия в жизни Московского государства.

³⁶⁵ Ведюшкина И. В. Историческая память домонгольской Руси: религиозные аспекты // История и память. Историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2006. С. 554–608; Гальперин Ч. Татарское иго. Образ монголов в средневековой России / Пер. М. Е. Копыловой; под ред. Ю. В. Селезнева. Воронеж, 2012.

³⁶⁶ Kollmann N. Sh. Concepts of Society and Social Identity in Early Modern Russia // Religion and Culture in Early Modern Russia and Ukraine / Ed. by S. H. Baron, N. Sh. Kollmann. DeKalb, IL, 1997. P. 34–51. Идею структурного единства элит и высшей власти в России XV–XVII вв. отстаивают также с несходных точек зрения Хартмут Рюсс и С. Н. Богатырев: Rieß H. Herren und Diener. Die soziale und politische Mentalität des russischen Adels, 9.–17. Jahrhundert. Köln et al., 1994; Bogatyrev S. The Sovereign and His Counsellors: Ritualised Consultations in Muscovite Political Culture, 1350-s – 1570-s. Saarijärvi, 2000.

³⁶⁷ Коллманн Н. Ш. Соединенные честью. Государство и общество в России раннего Нового времени / Пер. с англ. А. Б. Каменский; науч. ред. Б. Н. Флоря. М., 2001. См. также: Steindorff L. Memoria in Altrußland: Untersuchungen zu den Formen christlicher Totensorge. Stuttgart, 1994; Kaiser D. H. Testamentary Charity in Early Modern Russia: Trends and Motivations // The Journal of Modern History. 2004. Vol. 76. P. 1–28.

³⁶⁸ Платонов С. Ф. Москва и Запад в XVI–XVII веках. Л., 1925; Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М.; Л., 1958; Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974. С. 194–245; Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994. С. 219–253 (см. также др. издания всех названных работ).

³⁶⁹ Keenan E. L. Muscovite Political Folkways // The Russian Review. 1986. Vol. 45. P. 115–182; Rowland D. The Problem of Advice in Muscovite Tales about the Time of Troubles // Russian History. 1979. Vol. 6. № 2. P. 259–283; Weickhardt G. G. Political Thought in Seventeenth-Century Russia // Russian History. 1994. Vol. 21. № 3. P. 316–337.

При этом идеи сопротивления касаются власти так или иначе, но как будто обходят стороной безграничные полномочия монархии и принадлежат зачастую неопределенному кругу приверженцев, чье участие в политике было непрямым, а идеи не носили характер ученых доктрин (протопоп Аввакум, Симеон Полоцкий, Григорий Котошихин, Степан Разин)³⁷⁰. Оспаривая тезисы Гарвардской школы о структурной монолитности московской политической культуры Нового времени, Маршалл По отметил, что «вотчинная», или «деспотическая», концепция самодержавия берет начало в работах Б. Н. Чичерина и М. А. Дьяконова. Сам М. По не разделяет концепции «патримониальной политической ментальности» у москвитов, считая ее историографическим конструктом, восходящим к «Запискам о Московии» Сигизмунда Герберштейна³⁷¹. Лишь на метафорическом уровне москвиты признавали господство над собой государя и его безграничное право распоряжаться их собственностью, подразумевая негласную договоренность с властью о верной службе со стороны подданных и щедром вознаграждении со стороны монарха³⁷². Более радикальное развитие тезиса М. По предложено в работе Корнелии Зольдат, полагающей, что, называя себя *холонами* Бога и государя, московские элиты совершали подвиг христианского самоотречения, а не декларировали свое бесправное унижение и рабство³⁷³.

Вэлери Кивельсон в своем исследовании о *московском «гражданстве»* в качестве мыслительного эксперимента предложила условный научный инструментарий (в духе концепции «идеальных типов» Макса Вебера) с целью найти компромисс между «деспотической» точкой зрения, предполагающей деспотизм как неотъемлемую составляющую российской политики, и более «оптимистичными» подходами органического социального баланса или марксистской стадийности. Задача – увидеть зачастую в тех же источниках, которые интерпретировались сторонниками «органического» и «деспотического» подходов, что за ширмой безразличия российских подданных к политической теории (или неумения различать) имели место функциональные механизмы социальной интеграции, работавшие независимо от политических абстракций и не приводившие к их возникновению. Как отмечает В. Кивельсон, в московской культуре функционировали понятия, позволяющие ее носителям принадлежать к единой политической общности, защищать эту свою принадлежность, участвовать в той или иной мере в политике. Учитываются при этом и номинации, подчеркивающие горизонтальное соучастие в общности (например, *вся земля*), и декларации вертикальной зависимости, которые для низов звучали скорее как горизонтальная апелляция к политической сфере (например, *государев мужик*). Придерживались москвиты принципов общей справедливости и благополучия, принимали на себя обязанности в общем благе и признавали посредничество писаных законов в

³⁷⁰ Сомнениям способствовала критика концепта «абсолютизм» в монографии Николаса Хеншелла «Миф абсолютизма». Согласно концепции Хеншелла, «абсолютизм» представил в виде политического строя порядки, которые до 1789 г. почти единодушно считались дисфункцией. См. об этом концепте применительно к русской истории подробнее: *Ostrowski D. The Façade of Legitimacy: Exchange of Power and Authority in Early Modern Russia // Comparative Studies in Society and History. 2002. Vol. 44. № 3. P. 534–563.*

³⁷¹ Влияние «Записок о Московии» на европейскую экспертизу Московии стало предметом специального исследования Маршалла По, изданного отдельной статьей и в книге, основанной на погодном реестре изданий, касающихся Московского государства, в Европе до 1700 г. См.: *Poe M. T. «A People Born to Slavery»: Russia in Early Modern European Ethnography, 1476–1748. Ithaca, NY; London, 2000.*

³⁷² *Poe M. What Did Russians Mean When They Called Themselves «Slaves of the Tsar»? // Slavic Review. 1998. Vol. 57. № 3. P. 585–608, см. особенно P. 589–590, 596–598. Сходные предпосылки намечены критиками концепции Пайпса (*Weickhardt G. G. Was There Private Property in Muscovite Russia? // Slavic Review. 1994. Vol. 53. № 2. P. 531–538; Frank J. Richard Pipes, Russian Conservatism and Its Critics // Between Religion and Rationality: Essays in Russian Literature and Culture. Princeton, 2010. P. 143–156*). Само существование Гарвардской школы – предмет дискуссий (*Perrie M. The Muscovite Monarchy in the Sixteenth Century: «National», «Popular» or «Democratic»? // Cahiers du Monde russe. 2005. Vol. 46. № 1/2. P. 233–241; Martin R. E. Political Folkways and Praying for the Dead in Muscovy: Reconsidering Edward Keenan's «Slight» Against the Church // Cahiers du Monde russe. 2006. Vol. 48. № 3–4. P. 283–305*).*

³⁷³ *Soldat C. The Limits of Muscovite Autocracy. The Relations between the Grand Prince and the Boyars in the Light of Iosif Volotskii's «Prosvetitel» // Cahiers du monde russe. Vol. 46 (2005). No. 1/2. P. 265–276.*

отношениях с верховной властью³⁷⁴. В монографии «Картография царства» исследовательница приводит примеры того, как в XVII в. локальные власти сопротивлялись нанесению на карты владений, а «крепостные» крестьяне успешно противостояли своим же помещикам в борьбе за земельные наделы³⁷⁵. Энн Клеймола и Ричард Хелли высказывали похожий взгляд на практику доносительства XIV–XVII вв. В доносах исследователи видели особый институт, позволявший достигать согласия, конкурировать за престиж и успех, добиваться свободы и поддерживать действующие законы и политическую стабильность. При этом сохранялось отличие в социальной роли *извета* XVI–XVII вв. от эпохи профессиональной полиции и сталинского периода, и, таким образом, речь должна идти об особой модели социального взаимодействия в Российском царстве, которую власть должна была насаждать и ограничивать, поддерживая сначала в элите, а позднее в широких массах «обязанность доносить»³⁷⁶. При таком взгляде на политическую общность институциональные роли и субординации недостаточны для изучения основ общежития. Опыт изучения *московского «гражданства»* исходит в названных примерах из предполагаемого тождества между *libertas* и *civitas*, характерного для римской республиканской традиции. Свобода и полномочия возникают в ее рамках из законов и общего правового устройства, включенность в которое означает для граждан (подданных) полную меру политического участия³⁷⁷.

О. В. Хархордин и Л. И. Иванова-Веэн обнаружили в новгородских памятниках XII–XV вв. терминологические (*вещь*) и институциональные (*мост*) аналоги европейского республиканского круга³⁷⁸. Вслед за работами В. Л. Янина это был шаг к обнаружению политических идей, которые доктринально выражены, впрочем, так и не были. Не менее остро звучали в историографии дискуссии вокруг политической культуры позднесредневекового Пскова и его зависимости от Новгорода Великого³⁷⁹. Они сами по себе важны как свидетельство того, что датировка и смысловое наполнение социальных и идейных реалий могут существенно зависеть от времени и контекста возникновения источников. Этот фактор, близкий к построениям «новой интеллектуальной истории», сказался и на изучении Московского царства. М. М. Кром обратил внимание на единство и несходство *земского* и *государева дела*, видя в единой этой формуле привитую к началу XVI в. кальку с греческого понятия *политика* (τὰ πολιτικά)³⁸⁰. Республиканские и авторитарные формы сочетались в России XVI – начала XVII в. иначе, чем могла бы допустить политическая теория в духе Аристотеля или Макса Вебера³⁸¹. М. А. Киселев выработал подход, соединяющий элементы истории понятий (в духе Begriffsgeschichte) и

³⁷⁴ Kivelson V. Muscovite «Citizenship»: Rights without Freedom // The Journal of Modern History. 2002. Vol. 74. P. 465–489.

³⁷⁵ Kivelson V. Cartographies of Tsardom: The Land and Its Meanings in Seventeenth-Century Russia. Ithaca; London, 2006. P. 29–98.

³⁷⁶ Kleimola A. M. The Duty to Denounce in Muscovite Russia // Slavic Review. 1972. Vol. 31. № 4. P. 759–779; Hellie R. The Origins of Denunciation in Muscovy // Russian History. 1997. Vol. 24. № 1/2. P. 11–26.

³⁷⁷ Об этом подробнее см.: *Pemtum Ф.* Республиканизм: Теория свободы и государственного правления / Пер. с англ. А. Яковлева. М., 2016. С. 82–83. Критика данной концепции звучала неоднократно. См., например: *Petit Ph.* On People's Terms: A Republican Theory and Model of Democracy. Cambridge, 2012; *Pietrzyk-Reeves D.* Tradycja republikańska, respublica, repulikanizm // Horyzonty Polityki. 2013. Vol. 4. № 7. S. 47–66.

³⁷⁸ *Charchordin O., Ivanova-Veën L.* Novgorod als *res publica* // Osteuropa. 2003. Bd. 53. № 9–10. S. 1308–1333. См. также: *Kharkhordin O.* What Is the State? The Russian Concept of *Gosudarstvo* in the European Context // History and Theory. 2001. Vol. 40. P. 206–240; *Idem.* Republicanism in Russia: Community Before and After Communism. Harvard, 2018; *Хархордин О. В.* Республика. Полная версия. СПб., 2021. С. 112–126.

³⁷⁹ *Вовин А. А.* Городская коммуна средневекового Пскова: XIV – начало XVI в. С. 15–88. Здесь же обширная литература и ссылки на дискутируемые тезисы.

³⁸⁰ *Кром М. М.* «Дело государево и земское»: Понятие общего блага в политическом дискурсе России XVI в. // Сословия, институты и государственная власть в России: (Средние века и раннее Новое время): Сб. ст. памяти акад. Л. В. Черепнина. М., 2010. С. 581–585.

³⁸¹ *Кром М. М.* К пониманию московской «политики» XVI в.: дискурс и практика российской позднесредневековой монархии // Одиссей: Человек в истории. 2005. С. 283–303; *Он же.* Рождение государства. Московская Русь XV–XVI веков. М., 2018. С. 209–217.

истории политических учений (в духе так называемой Кембриджской школы). Этот взгляд ценен для рассмотрения республиканского тезауруса в России до середины XVIII в. и фактов его бытования в ученых трудах, дипломатической практике, ранней публицистике и в рассуждениях иноземных мыслителей, побывавших в России. Конечно, обнаружить подспудную социальную платформу для республиканизма в России до XVIII в. его применение вряд ли поможет³⁸².

Из предложенного обзора ясно, что говорить о конкурирующих политических доктринах республиканизма в России до XVIII в. не приходится. Ожидания исследователей, стремящихся обнаружить следы республиканской идеи в древнерусских землях, также не оправдались. Круг учений об управлении полисом или республикой почти не затронул самосознание древнерусских книжников. Если они и знали о республиках и в чем-то копировали республиканский строй или доктрины, то на поверхности их рефлексии о своих идентификациях это почти не отразилось. Абстрактные политические типы не вызвали рефлексии и в местных летописных текстах, актовых и законодательных памятниках. Аналоги принятых в европейской культуре республиканских категорий *народ*, *политическое тело*, *конституция*, *парламент*, *тиран* в России либо отсутствовали в публичных высказываниях, либо – например, понятия *народ*, *мучитель* – сохраняли устойчивые значения, почерпнутые из библейской и святоотеческой книжности, а также из опыта древнехристианских и православных монархических и имперских культур. Расхождение в круге чтения с католическим миром к концу XV в. проявилось прежде всего в том, что русская культура была лишена доступа (в каковом и не нуждалась) к текстам, составлявшим основу схоластической традиции: творениям Аристотеля, Цицерона, Августина Блаженного, Фомы Аквинского. В рамках последней, например, в Короне Польской уже в XV – первой половине XVI в. открылись дискуссии о политических устройствах, формах правления, источниках власти, разделении и сменяемости властей.

Конечно, существовало опосредованное влияние европейских учений на русскую политическую мысль. Общим был комплекс представлений о «природном» и «гражданском» образе жизни на земле, почерпнутый из переводных памятников: «Шестодневов» и «Физиолога», «Козьмы Индикоплова», «Азбуковника» и т. п. В природном мире политические типы проявлялись лишь пунктирно, и рефлексия русских переводчиков и читателей на эту тему почти незаметна в сохранившихся источниках. Примерами могут служить удивительные народы, населяющие Индию, Африку, побережье Ледовитого океана и морские просторы. Индийский народ *агрометы* (*агроты*, см. также *рахманы*) сходятся вместе, чтобы друг друга сжигать: «Тие меют в собе горячесть великую, гды в едно место сойдутся, сами ся запалют, родичов палят, родичов едят»³⁸³. Сходятся между собой и другие люди (*аримфеи*, *исатыри*, *катанши*, *коневруссы*, *орионы*, *сатиры*, *сирены*, *сирины*, *трепьястыцы*, *троглодиты*, *телорози*, *фригалы* и др.) и звери (например, *аспиды*, *муравы*, *обезьяны*), но какой тип общественных связей они образуют, из этих текстов непонятно. Принципиальное отличие всех этих существ от мира людей и ангелов в том, что последние – *вещь словесная*, а значит, только у них может быть *вещь общая*, т. е. республика и любая другая политическая форма³⁸⁴. Однако эти миры взаимно прогницаемы. Например, «мнози достойни веры кроникаре пишут, иже часто человеки пременя-

³⁸² Киселев М. А. Форма правления и социальная иерархия в российской политической мысли XVII – первой четверти XVIII века // Исторический вестник. Т. 6 (153). 2013. С. 18–53.

³⁸³ Белова О. В. Славянский bestiary. Словарь названий и символики / Отв. ред. А. А. Турилов. М., 2001. С. 50, 216.

³⁸⁴ Там же. С. 71–72. О различных видах зверообразных «людей» см.: Там же. С. 167–170. См. также: Пиотровская Е. К. «Христианская Топография Козьмы Индикоплова» в древнерусской письменной традиции (на материале дошедших фрагментов). СПб., 2004. С. 200–201.

ются в волки»³⁸⁵, сказания о *китоврасе* оказали влияние на Палею и житийную литературу³⁸⁶, а *кинокефала* св. Христофора изображали на иконах с песьей головой (хотя это вызвало споры и запреты на Московском соборе 1666–1667 гг. и неоднократно в XVIII в.)³⁸⁷. Звери благодаря своим полезным для человека качествам были частью словесного мира, и в символических комментариях звучали оценки их мыслей и устремлений. Животный образ жизни ведут монархические народы *гог* и *магог*, запертые до последних времен Александром Македонским³⁸⁸. Это дикие существа, хотя и люди, и во главе их – цари. Наоборот, звери *валы* вполне отвечали социальным идеалам московского общества XV–XVII вв.: они нужны «на службу человеку», в сердце своем безлобаа вещь, всю добру вещь мислит», а из их тела после смерти рождаются *пчелы*, у которых выраженное подобие человеческой политике: трудолюбие и монархия. «Царь пчелный» поддерживаем пчелами в старости, а после смерти его тело «мещут во цветы»³⁸⁹. При этом лев рассматривается как «царь зверем»³⁹⁰. Животные жили, таким образом, в коллективах, приближающихся по своему устройству к небесной и человеческой монархии.

Разногласия и дебаты не были в числе идеалов московского общества, пронизанного иноческими образами, которые не случайно находили названные выше символические и буквальные параллели в животном мире. «Домострой» к середине XVI в. поощряет молчаливое делание и видит опасность в «слове празном и хулном, или с роптанием, или смех, или кощуну скверная и блудная речи», тогда как полезно любое рукоделие вести «с молитвою и з доброю беседою, и с молчанием»³⁹¹. При этом рукоделие считается лучшим занятием во «всяких делах»³⁹². Само понимание *дела* в «Домострое» далеко отстоит от политического *общего дела*, это – путь домашнего духовного спасения, с размеренным, разумным и вежливым распорядком в поступках и упорядоченным вещным миром. Как именно домашняя экономика переходит в политику, составителей этого памятника не интересует, если не считать, что «царю и князю и всякому велможи» следует повиноваться по завету апостола Павла³⁹³. Венцом благополучной православной жизни является венчание детей, на котором во всех трех «чинах свадебных» разыгрывается и полный аналог политического успеха: родители царствуют, дары описаны тоже так, как если бы свадьба была полным аналогом придворной церемонии или имела с ней даже самые незначительные сходства³⁹⁴. В истории, в отличие от пособий по домашней жизни и от природного мира, случались республиканские устройства, подобия демократии и охлократии, однако знания о них были настолько бедны, что до начала XVII в. главными источниками об этих знаниях для нас послужат ученые тексты, далекие как от повседневной жизни Московского государства, так и от его политического устройства.

Смена в самосознании едва ли не первого – имперского, как будет показано ниже, – республиканца в русской культуре, князя Андрея Курбского, от его кругозора и доктрин до перехода на службу короля Сигизмунда II Августа к развернутому учению об *общей вещи* в эмиграции, доказывает, что видный московский книжник XVI в. не мыслил в категориях республиканства и никак не использовал самих этих категорий все то время, пока оставался

³⁸⁵ Белова О. В. Славянский bestiарий. С. 73.

³⁸⁶ Руди Т. Р. Об одной талмудической параллели к «апокрифическому» Житию Василия Блаженного // Труды Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома (далее – ТОДРЛ). Т. 60. СПб., 2009. С. 103–136.

³⁸⁷ Зверев А. С. Кинокефалия // Православная энциклопедия. Т. 33. М., 2013. С. 568–570.

³⁸⁸ Белова О. В. Славянский bestiарий. С. 87–88.

³⁸⁹ Там же. С. 75–77, 213–214.

³⁹⁰ Там же. С. 159–163, 230–231.

³⁹¹ Домострой / Изд. подг. В. В. Колесов, В. В. Рождественская. СПб., 2001. С. 32 (гл. 24), 43 (гл. 37), 45 (гл. 38) и др.; ср.: Там же. С. 97–98 (гл. 19), 107–108 (гл. 33), 108–109 (гл. 35) и др.

³⁹² Там же. С. 38 (гл. 29); ср.: Там же. С. 102–103 (гл. 24).

³⁹³ Там же. С. 11 (гл. 5); ср.: Там же. С. 91 (гл. 7).

³⁹⁴ Там же. С. 74–87.

в пределах Московского царства. Можно ли ждать от источников до эмиграции Курбского большего внимания к предмету, весьма далекому от политических реалий восточных русских земель и Российского государства? Пользуются признанием метафорические редукции, ведущие к поиску политических форм вне тезисов о предписаниях, реализациях и идейных или идеологических программах. Тезис о «полисном» гражданстве в древнерусских землях позволяет уйти от ряда ошибочных интерпретаций древнерусской политики, но сам по себе не подтверждается ни одним примером полисной теоретической рефлексии, социальной мобильности и политического искусства³⁹⁵. На всем протяжении развития права в Северо-Восточной Руси, вплоть до Соборного уложения 1649 г., конституционное (субстанциональное) понимание закона не проявлялось в судебной практике, пронизанной процедурным (процессуальным) подходом³⁹⁶. Ни к чему не приводят и поиски демократических институтов народоправства, прямой вечевой демократии – прежде всего из-за отсутствия минимальной институциональной перспективы. Нет доказательств того, что до конца XVI в. в Северо-Восточной Руси существовала политическая репрезентация³⁹⁷, и есть достаточные свидетельства в пользу того, что шляхетская демократия и ее институты были позаимствованы на русских землях Речи Посполитой из практики Короны Польской и Священной Римской империи³⁹⁸.

В. Л. Янин говорит о Новгородском государстве в категориях республиканского управления, которое, по мнению исследователя, состояло из трех слоев: полноправных «великих бояр»-землевладельцев, «меньших» землевладельцев-вечников (из них позднее выделились «житьи» люди), а также низшей «простой чади», или «черного люда»³⁹⁹. Проблема возникает, если перенести эту систему координат на другие регионы Русской земли. Мы обнаружим все аналоги новгородского республиканского общества, но не обнаружим ни следов самого республиканства, ни рефлексии об обществе как целом в подобных категориях. Значит ли это, что «республика» в Новгороде – это научная условность? Или у нас просто недостаточно свидетельств, чтобы найти следы республики в других русских землях, и это всего лишь эффект языка самоописания или сохранности источников? Отчасти этот вопрос решался в статье Олега Хархордина и Ларисы Ивановой-Веэн о Новгороде как *res publica*, где нивелированы смысловые различия между пониманием республики в Древнем Риме и древнем Новгороде, т. е. предложен стадийный подход не только к республиканским традициям, но и к самому пониманию того, что такое *res publica*. В этой перспективе *общая вещь* – идеальное состояние вещи-дела, судебного предмета и его рассмотрения, а бытование в Новгороде Великом понятия *вещь* приближено к эпохе *Двенадцати таблиц* в Риме. В числе прочего авторами показано, что понятие *людские вещи* уже в Ефремовской Кормчей книге XII в. используется для греч. *δημοσία* (аналог в латинском переводе этого места – *res publica*), и вывод из этого и ряда других примеров безусловен: «Это значит, что у новгородцев был доступ к дискурсу, в котором были в обращении славянские аналоги латинского понятия *res publica*, даже если само это слово не

³⁹⁵ Теория вечевых городов-республик в духе разработок И. Я. Фроянова и А. Ю. Дворниченко имеет мало общего с политическими реалиями в описаниях русских книжников и для нашего исследования не представляет интереса. См., например: *Лукин П. В.* Новгородское вече. М., 2014. С. 445–500; *Вовин А. А.* Городская коммуна средневекового Пскова. С. 35–36, 96–98, 250–263. Ср., например: *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Города-государства Древней Руси. Л., 1988.

³⁹⁶ *Weickhardt G. G.* Early Russian Law and Byzantine Law. P. 14–15.

³⁹⁷ Дело не в том, насколько близок к либеральной модели был принцип кооптации депутатов на земские соборы, а в том, как именно отражены и закреплены этот и другие принципы представительства в теоретической рефлексии жителей Российского царства XVI–XVII вв. Сохранившиеся источники говорят о том, что никак. См. обзор и острую постановку проблемы в отношении записок Дж. Флетчера, Ж. Маржерета, а также в отношении тезиса о земских соборах как органе сословного (а не территориального) представительства: *Лисейцев Д. В.* Почему Земский собор – не парламент? // Российская история. 2020. № 4. С. 142–150.

³⁹⁸ К этому вопросу мы еще обратимся в этой работе, когда рассмотрим рецепцию европейских политико-правовых реалий московской шляхтой XV–XVII вв. См. здесь ниже.

³⁹⁹ *Янин В. Л.* Новгородские посадники. С. 210, 212, 414.

было в употреблении»⁴⁰⁰. Впрочем, эта ниша в русской книжности находилась под сильным влиянием дискурсов христианской *общей пользы* и *общего жития*⁴⁰¹. Когда идея *общей вещи* зазвучит в XVI в. в сочинениях князя А. М. Курбского, в ней единство христианского братства *верных* и республиканизма будет адресовать одновременно к церковным и судебно-политическим контекстам.

Приложимо ли более позднее, теоретически осмысленное представление о *республике* (как об *общем деле*) к Новгороду Великому⁴⁰²? Вечевой идеал лишь в годы московско-новгородских войн XV в. стал восприниматься как своеобразная альтернатива монархическому управлению. Показательна в этом смысле особая редакция «Хождения во Флоренцию», в которой анонимный автор, по предположению Н. А. Казаковой, – москвич в 1440-е гг., так отозвался о новгородцах (начало цитаты – о военной незащищенности города): «...А бояре в нем меньшими людьми наряжати не могут, а меньшии их не слушают. А люди сквернословы, плохы, а пьют много и лихо; только их Бог блюдет за их глупость»⁴⁰³. Впрочем, следует отметить, что в терминологии Аристотеля *меньшие люди* могут соответствовать демосу (или толпе), а *бояре* – аристократии (или олигархии), тогда как монархическая форма правления не вызывает интереса у автора заметки. Это, как и ироническая поддержка новгородского политического устройства в конце цитаты, позволяет думать, что автор был близок к новгородцам. После присоединения к Великому княжеству Московскому *господином* Великому Новгороду было запрещено называться, потому что его *господин* – великий князь московский Иван III. Вечевые колокола вошли в противоречие с великокняжеским судом московских наместников в Новгороде («въчю колоколу въ отчинѣ нашей в Новѣгородѣ не быти»)⁴⁰⁴, а затем и Пскове, где в середине XV – начале XVI в. бытовало самоназвание «Господин Великий Псков» («Господарство Псковское», «Псковская держава»)⁴⁰⁵. При этом следов влияния псковитян и новгородцев на московскую политическую культуру после присоединения их вечевых республик к Москве не заметно. В Москве проживала крупная псковская община, однако она не лоббировала вечевые идеалы – по крайней мере, о подобных тенденциях в Москве первой половины XVI в. нам ничего не известно. Контакты с Новгородом Великим в книжном деле, церковной

⁴⁰⁰ Charchordin O., Ivanova-Veën L. Novgorod als res publica. S. 1311; Харчордин О. В. Республика. Полная версия. С. 88–89. Дальнейшая параллель моста через Волхов с республикой через языковое подобие вещи-пред-мета мосту по аналогии с *objectum* (как набрасыванием и соединением объекта) представляет собой ценный пример институционального и понятийного анализа, в котором обнаруживаются и древние истоки славянского понятия *вече*. Менее убедительно, на мой взгляд, звучат аналогии Великого моста с функциями республики: свержение с моста как свержение с трона, как политический театр смерти или как очищение от грехов. Роль моста в этих качествах эксплицитно выступает только в хрониках (новгородских летописях). Конечно, и в данной параллели *моста с общей вещью* возможна новгородская «инфраструктура свободы», которой противостояли московские власти, когда заказали переработку моста в 1532 г. или осуществляли на мосту и на Волхове расправы над новгородцами в 1570 г. Однако прямо мост нигде в московских выпадах против новгородских порядков не выступает.

⁴⁰¹ См. тезаурусы *вещи* и *общего* в памятниках до конца XIV в.: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. / Гл. ред. Р. И. Аванесов, И. С. Улукханов. Т. 1. М., 1988. С. 406–412; Т. 5. М., 2002. С. 566–572.

⁴⁰² Этот вопрос нелегитимен с точки зрения стоического понимания республики как делания, а не как состояния. Вопрос о первичности действия или состояния в приложении к римским республиканским традициям потребовал бы такого же пересмотра, как и применительно к русской политической культуре. В этом смысле мы бы ожидали от источников таких понятий, которые описывали бы, например, не *государство*, а *правление* (причем не частное и непрерывное, а коллективное и состоящее из завершенных действий). Однако мы исходим в этой работе из самой возможности рецептивного подхода и скрытых реакций российского – в максимально широком понимании – общества XV–XVII вв. на доктрины и их обозначения и лишь во вторую очередь рассматриваем соответствие древнерусских практик теоретическому осмыслению республиканизма в дискуссиях наших дней. См.: Asmis E. The State as a Partnership: Cicero's Definition of *Res Publica* in His Work *On the State* // History of Political Thought. 2004. Vol. 25. № 4. P. 569–598; Kharkhordin O. Why «Res Publica» Is Not a State: The Stoic Grammar and Discursive Practices in Cicero's Conception // History of Political Thought. 2010. Vol. 31. № 2. P. 221–245. См. также ответ на данный вопрос в приведенной в данном сборнике работе П. В. Лукина.

⁴⁰³ Казакова Н. А. Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков. Из истории международных культурных связей России / Под ред. Д. С. Лихачева. Л., 1980. С. 47–48.

⁴⁰⁴ ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 318. См. также: Лукин П. В. Новгородское вече. С. 265.

⁴⁰⁵ Вовин А. А. Городская коммуна средневекового Пскова. С. 44–51.

политике, борьбе с ересями также не сказывались на модификациях московских политических структур⁴⁰⁶. Уже много лет спустя после того, как в Северо-Восточной Руси заканчиваются вечевые собрания, и три четверти столетия спустя после падения Господина Великого Новгорода начинаются так называемые Земские соборы в Москве. Есть ли связь и преемственность между вечевыми и соборными институтами? Может быть, частичная есть, но в науке уже неоднократно отмечалось, что, при всем внешнем институциональном сходстве, на уровне культурной памяти и языковых реалий зависимость московских соборов середины – второй половины XVI в. от вечевых традиций Южной, Северо-Восточной и Северной Руси не прослеживается⁴⁰⁷.

Возможно ли, что закат вечевой традиции свидетельствует о преднамеренном уничтожении этого института и подавлении его последствий? Согласно выводу Т. Л. Вилкул, понятие «вече» выступает как особый политический термин, оценочный, эмоционально нагруженный и отчасти – говоря современным языком – публицистический. Его избегали летописцы, регулярно заменяя при копировании сообщений на другие, и тоже эмоционально окрашенные, аналоги (например, называя вече «сонмищем людским»)⁴⁰⁸. Юрий Гранберг показал, что со второй половины XV в. *вече* заметно усиливается в Пскове, хотя институционального значения в государственном устройстве так и не приобретает. В других землях подобный взлет и не происходит (даже в Новгороде Великом), хотя с 1430-х гг. понятие *вече* становится выражением, регулярно в источниках характеризующим новгородско-псковские народные собрания⁴⁰⁹. П. В. Лукин, говоря о приближении значения понятия *вече* в XIV–XV вв. к терминологическому, подразумевает, что к XV в. народные собрания не только обретают институциональные очертания, но и начинают осознаваться как альтернатива единодержавной власти⁴¹⁰. В. А. Аракчеев изучил 66 вечевых собраний в Пскове до 1510 г.⁴¹¹ А. А. Вовин опроверг раннюю датировку грамоты Пскова Якову Голутиновичу, в которой предположительно впервые выступает институт псковского *веча*, перенес это упоминание с начала XIV на конец XV или начало XVI в. Это, в свою очередь (с учетом ряда оговорок о терминологии и датировке Псковской судной грамоты), позволило самыми ранними считать в летописях сообщение от 1463 г., в грамотах – за 1480 г.⁴¹² Поздняя датировка вечевой формы управления в государственной системе Великого Новгорода и Пскова позволяет напрямую связать это учреждение с нарастающим противостоянием этих государств монархическим тенденциям как вовне, так и в самих северных русских государствах⁴¹³.

⁴⁰⁶ Эту «всеядность» Москвы и Московского государства в размещении, обустройстве и государевой службе иноземных людей Томас Оуэн обсуждает как переход заграничных инициатив Новгорода Великого после падения его независимости к Москве и, соответственно, от новгородской экономической модели развития России к московской. Этот тезис мог бы послужить важным военно-политическим уточнением к теории экономического отставания Александра Гершенкрона. См.: Owen Th. C. Novgorod and Muscovy as Models of Russian Economic Development // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 19 (1995). P. 497–512.

⁴⁰⁷ Соборные практики в правление Ивана Грозного включали военные «снимы», церковно-земские «соборы», публичные «покаянные» речи и окказиональные обсуждения внешней политики. См.: Шмидт С. О. У истоков российского абсолютизма: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996. С. 144–301.

⁴⁰⁸ Вилкул Т. Л. Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII вв. М., 2009. С. 26–31.

⁴⁰⁹ Гранберг Ю. Вече в древнерусских письменных источниках: функция и терминология / Пер. С. Л. Никольского и др. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2004 год: Политические институты Древней Руси. М., 2006. С. 3–163, здесь С. 100–135.

⁴¹⁰ Лукин П. В. Новгородское вече. С. 43.

⁴¹¹ Аракчеев В. А. Средневековый Псков. Власть, общество, повседневная жизнь в XV–XVII веках. Псков, 2004. С. 59.

⁴¹² Вовин А. А. Городская коммуна средневекового Пскова. С. 130–136, 229–240.

⁴¹³ Противопоставление городских коммун вечевых республик Новгорода и Пскова московским традициям, где под действием монархической власти коммуны не сложились, проведено Рудольфом Мументалером: Mumenthaler R. Spätmittelalterliche Städte West- und Osteuropas im Vergleich: Versuch einer verfassungsgeschichtlichen Typologie // Jahrbücher für osteuropäische Geschichte. 1998. Bd. 46 / 1. S. 39–68, особенно S. 48–49, 57–59, 65–66 (здесь также историографический обзор). В известном смысле этот взгляд развивает бинарную логику противостояния древнерусской демократии и государственного монархизма, отразившуюся в ряде исторических концепций «государственной» или «юридической» школы. Наиболее дис-

И в данном случае исследователи оказываются перед парадоксом. П. В. Лукин отмечает институциональный характер веча, говоря об уничтожении символа Новгородской республики – вечевого колокола – Иваном III: «Наличие такого символа – бесспорное проявление институционализации веча и новгородской „вольности“ в целом»⁴¹⁴. А. А. Вовин также сталкивается с тем, что важнейший вопрос на *вече*, помимо принятия посольств и обсуждения деятельности посадников, – присяга и отпуск правящего князя, который обращается к Пскову и псковичам «за все добро псковское»⁴¹⁵. Не значат ли подобные тезисы, что вечевой институт в Новгороде явлен нам наиболее отчетливо в момент своего исчезновения, а в Пскове сходный социальный феномен проявляет себя в первую очередь и главным образом в своем отношении к своему политическому противовесу в форме монархической власти? Существовал ли политический институт *веча* в Новгороде Великом к 1478 г. и в Пскове к 1510 г.? Не был ли он «оформлен» актами или волевыми жестами его уничтожения? Не были ли вечевой колокол или челобитье князей Пскову метонимиями республиканской формы правления, уничтоженными из Москвы вместе с новгородской и псковской независимостью? Челобитье правящего князя не находит аналогов в московской политической культуре (если не считать соборные покаяния, на которых народное собрание – это церковная общность, не принимающая никаких политических решений). Что касается Новгорода Великого, то помимо московских выпадов в его адрес и записок иностранцев XVI–XVII вв. (когда независимость Новгорода была уже *de facto* утрачена), найти доктринальные выражения его республиканской идеи не удастся⁴¹⁶. Дискурс «новгородской вольности» предъявлен именно в Московском летописном своде конца XV в.⁴¹⁷, а *вольность* «худых мужиков вечников», как и позднее в посланиях Ивана Грозного Елизавете Тюдор правление «мужиков торговых», а в послании Алексея Михайловича псковичам власть «худых людишек», представлена в московском летописании как вопиющее безобразие, смута и измена. Впрочем, новгородцы во время восстания 1650 г. в публичных обращениях к властям называли «бедой» погром Ивана Грозного 1570 г., а Иван Жеглов в переписке с боярином кн. И. Н. Хованским в ходе того же восстания 1650 г. призывал князя для расследования не присылать в город не-новгородцев, которые местного «извычая не знают»⁴¹⁸. *Извычай* местных традиций был нарушен *бедой* московского насилия, и присланный из Москвы воевода уступил и признал права повстанцев. Впрочем, в ходе Псковского восстания того же года Иван Грозный был представлен горожанами как идеальный монарх, воевавший во главе не *иноземцев*, а *русских людей*, в отличие от нынешнего царя (который при этом не переставал быть для повстанцев «праведным надежей») ⁴¹⁹. Противостояние с вольностью как проявлением мятежного своеволия должно было иметь своей оборотной стороной экзальтированное монархическое начало, выразившееся в дихотомии *господаря* – *холопа* в московской политической культуре. Однако ни в Москве, ни на окраинах Российского государства не было не только республиканских

кусионным в этой перспективе остается вопрос о причинах долговременного сосуществования «демократической» и «государственной» традиций, обычно решаемый с точки зрения закономерностей исторического развития или в логике внешних влияний (среди них – ордынского и византийского). См., например: Самоквасов Д. Я. Заметки по истории русского государственного устройства и управления // Журнал Министерства народного просвещения. 1869. № 12. С. 217–248 и др.

⁴¹⁴ Лукин П. В. Новгородское вече. С. 265.

⁴¹⁵ Вовин А. А. Городская коммуна средневекового Пскова. С. 133–135. Исследователь склонен уподоблять «вольность» вечевого города-государства средневековым коммунам. «Весь Псков» или «псковичи» в этой логике выступают в качестве граждан горизонтального сообщества. Республиканские права – или их аналог – могут быть обнаружены в традициях, восходящих в ряде русских земель к XII в.: в «посаждении на стол» князя, заключении «ряда» города или города-государства с князем, отделении прав частного лица от занимаемых должностей («посадника» и др.).

⁴¹⁶ Лукин П. В. Новгородское вече. С. 310, 333–335, 504–520.

⁴¹⁷ Гранберг Ю. Вече в древнерусских письменных источниках. С. 24–25, 118–119.

⁴¹⁸ Козляков В. Н. Царь Алексей Тишайший. Летопись власти. М., 2018. С. 85–91.

⁴¹⁹ Аракчеев В. А. Средневековый Псков. С. 223. В. А. Аракчеев считает, что повстанцами управлял наивный монархизм: «Ни в одном документе 1650 г. республиканские институты власти не упоминались, а сами псковичи в челобитной называли себя холопами государя» (Там же. С. 226).

символических ресурсов, но и дискурсов неограниченной монархии, и все попытки их освоить обращались скорее в эксцессы власти, чем в образцы для подражания.

Еще в XIX в. отмечалось, что вечевые традиции в Пскове сохранялись и после 1510 г. и дали о себе знать, например, в 1569–1570 гг. в «Изборском деле» и тайном противостоянии горожан и Псково-Печорского монастыря Ивану Грозному⁴²⁰, в 1608 г., когда народное собрание (*всегородная*) не подчинилось угрозам воеводы Петра Никитича Шереметева и именитых людей и присоединилось к сторонникам Лжедмитрия II⁴²¹, и в марте–июле 1650 г., когда власть в городе перешла к *всегородной избе* с выборными людьми во главе с двумя земскими старостами⁴²². Сходными проявлениями свободолюбия в названных случаях были отказ подчиняться московской верховной власти и ее представителям, готовность отстаивать решения горожан (*всего города, всего мира* – по аналогии со *всей землей*) и противостоять властям, а также разногласия между городскими верхами и низами. Заговор в пользу Речи Посполитой в 1569 г. – московский же конструкт, в котором сегодня невозможно отделить вымысел от подлинных намерений, а тем более недостаточно источников эти «намерения» кому-то приписать. «Изменная» статья о попытке псковичей воспользоваться военной помощью польского короля присутствовала и в царской грамоте к повстанцам в 1650 г., и они попытались убедить делегацию Земского собора вычеркнуть эту статью из своей присяги царю Алексею Михайловичу⁴²³. В 1608 г. на стороне царя Дмитрия Ивановича была отнюдь не городская «чернь», а стрельцы, часть местной дворянской корпорации во главе с Федором Михайловичем Плещеевым и городского чиновничества⁴²⁴. Конечно, протест носил во всех названных случаях чрезвычайный характер и не отразился ни в постановлениях, ни в каком-либо регламенте собраний. Дело даже не в масштабе обвинений – политическая измена, а прежде всего в опасениях московской власти, которые были нацелены против Речи Посполитой в 1569 и 1650 гг., а в годы Смуты – против царя Дмитрия Ивановича, который воплощал для Москвы также угрозу польско-литовского правления в России.

Политические собрания Пскова хранились в памяти не только в мятежные годы oprичнины и Смуты или в бунташном 1650 г. В послании к земским старостам Пскова от 3 апреля 1665 г. А. Л. Ордин-Нащокин объяснял обеднение города в годы войны со Швецией и Речью Посполитой в числе прочего отсутствием *гражданского постановления* псковичей («в крепости гражданского постановления не держат»). Республиканская и городская семантики тесно связаны, поскольку речь идет о «несогласии между посадскими людьми», засилье «лутчих людей над маломощными» и несоблюдении псковичами «гражданских законов». Исправить положение Ордин-Нащокин предлагал при помощи созыва «общего всенародного совету»,

⁴²⁰ Флоря Б. Н. Иван Грозный. 4-е изд. М., 2009. С. 255–270.

⁴²¹ Бутурлина Д. П. История Смутного времени в России в начале XVII века. М., 2012. С. 143–144, 182–184, 191–192, 214, 234–235. В концепции Д. П. Бутурлина хорошо видна двусмысленность ученого конструкта *всегородной*. Существование самого института общенародной *всегородной* (на основе *всегородной избы*) доказывается только тем, что горожане перешли на сторону Лжедмитрия II. Новгород Великий, как получилось в этом построении, никаких древних прав и свободолюбивых традиций, в отличие от Пскова, не выразил, поскольку самозванца не поддержал. Отказ новгородцев нарушать присягу Василию Шуйскому устраняет необходимость обсуждать и конструировать сами традиции в собраниях новгородцев: «В Новгороде выгоды торговли, хотя много, но еще не совсем упавшей, связывали между собой разные сословия, и потому именитые люди сохраняли некоторое влияние над мятежной чернью. К тому же митрополит Исидор пользовался общим уважением. Его увещевания, подкрепленные мнением знатнейших граждан, сильно подействовали на простолудинов» (Там же. С. 145). Здесь осуществляется обратный идеал – единства местной «черни», торгового класса, дворян и детей боярских, духовенства и московских властей. Историк привносит в это противопоставление Новгорода и Пскова в 1608 г. оценочную шкалу, превращая своей логикой традиционное свободолюбие Пскова в злодеяние, а общую верность московским властям в Новгороде, вне зависимости от формы ее утверждения, в добродетель.

⁴²² Аракчеев В. А. Средневековый Псков. С. 197–238, здесь С. 215 и сл.

⁴²³ Там же. С. 234–235.

⁴²⁴ Кабанов А. Ю., Рабинович Я. Н. Смутное время начала XVII века: судьбы участников. Иваново, 2015. С. 7, 16.

который должен был бы пройти в земской избе при участии земских старост и «лутчих людей»⁴²⁵.

Косвенные доказательства республиканской традиции в средневековом Новгороде и Пскове звучат также в предыстории казачества на Волге, Яике и Тереке – и в обсуждаемой в связи с этим роли ушкуйников. Впрочем, как отмечал критик этой точки зрения Виктор Брехуненко, первые упоминания казаков в названных регионах относятся к более позднему времени и связаны вовсе не с ушкуйниками, а главным образом с ордынскими, мещерскими и рязанскими казаками, «тогда как вероятные мигранты из Пскова и Новгорода конца XV в. ничем себя не выдают»⁴²⁶. Демократизм самоуправления казаков исследователь связывает со спецификой Великого Кордона, развивая концепцию «фронта» Фредерика Тернера. Новгородцы и псковичи, как и носители коронных и литовских политических традиций, не могли, по мнению В. Брехуненко, определить развитие местных свободолюбивых традиций украинского казачества и его анклавов. Впрочем, с одной стороны, нельзя исключать, что миграции приносили в Степь носителей республиканских традиций. Учитывая связь между обсуждаемым республиканством северных русских земель и монархическими тенденциями XV – начала XVI в., вернее было бы говорить не о перенесении древних традиций в Степь или Поволжье, а разве что об отдельных диссидентах, бежавших в эти регионы в ходе противостояния монархических и, условно, тираноборческих сил в Новгороде Великом и Пскове. С другой стороны, сама концепция Ф. Тернера и его последователей акцентирует *вольность* как основу политического устройства, тогда как монархические, равно как и анархические, традиции позволяет выявить в гораздо меньшей мере, о чем будет сказано ниже⁴²⁷.

Историческая культура Московской Руси не раз затрагивает республиканские формы правления и, несомненно, знакома с республиками в древности и современности. Летописная история Руси начинается с того, как новгородцы в поисках *наряда*, т. е. верховного управления, приглашают к себе трех братьев – Юрика, Синеуса и Трувора. Образы *трех братьев* воспроизводят мифологическую схему триединой власти, которая воплощалась в библейских сынах Ноя, в братских триумвиратах русских князей, в триумвиратах скандинавских конунгов саг XII–XIII вв., в «Великопольской хронике» конца XIV в. в триединстве Чеха, Леха и Руса. Конечно, это тройное управление, как и более поздний идеал великокняжеского дуумвирата, ослабляло единое монархическое звучание монархической идеи⁴²⁸. Однако правление князей, сколько бы одновременно их ни было, не было идентично республике и не мыслилось как таковая вплоть до российской драматургии XVIII в. Нигде в русской книжности ранее эпохи Просвещения не возникло идей соправления или конкуренции между тремя братьями, противостояния за власть или расхождений в политических идеалах. Дуумвираты Ивана IV и его брата князя Юрия Васильевича (1533–1563 гг.) или Ивана V и Петра I (1682–1696 гг.) не обрели ни политических обоснований и предысторий, ни законодательного подкрепления. Не были допустимы в Москве и так называемые регентства, хотя временные замещения верховных правителей их матерями, сестрами, шуринами и духовными главами предпринимались неоднократно (1533–1538, 1584–1598, 1605–1606, 1619–1633, 1654–1658, 1682–1689 гг.)⁴²⁹.

⁴²⁵ Козляков В. Н. Царь Алексей Тишайший. С. 389.

⁴²⁶ Брехуненко В. Козаки на Степовому Кордоні Європи: Типологія козацьких спільнот XVI – першої половини XVII ст. Київ, 2011. С. 58–61, 186–187.

⁴²⁷ См. также: Чорнопол І. Компаративні фронтири. Світовий і вітчизняний вимір. Київ, 2015. С. 163–186.

⁴²⁸ О триумвирах в политической культуре раннего Средневековья см.: Белова О. В., Петрухин В. Я. Фольклор и книжность: миф и исторические реалии. М., 2008. С. 39–43.

⁴²⁹ Назаров В. Д. Институт соправительства в Московском великом княжестве (конец XIV – нач. XVI вв.) // Верховная власть, элита и общество в России XIV – первой половины XIX века. Российская монархия в контексте европейских и азиатских монархий и империй. Вторая международная научная конференция. Тезисы докладов. М., 2009. С. 113; Солодкин Я. Г. Существовал ли институт соправительства в Московском государстве на рубеже XVI–XVII веков? // Вестник «Альянс-Архео». Вып. 6. М.; СПб., 2014. С. 8–15.

Любой шаг к «смуте» и «мятежу» рассматривался как опасное нарушение божественного порядка. В сознании одного из составителей «Повести временных лет» *наряд* является спасением от разногласий, а следовательно, летописец мыслит в категориях княжеско-имперской власти. Летописание не рассматривает междоусобицы как периоды особого – например, коллективного – правления, а видит в них лишь временные неурядицы. Как правило, язык летописания сохраняет представление о верховенстве церковной или светской власти даже после кончины ее носителя. Исключения возникают на заре XVI в. и почти всегда лишь подтверждают правило. Рассказ о смерти Вадима (Храброго) Новгородского от рук Рюрика возник не ранее XV в. Имперская версия происхождения Рюрика относится ко времени не ранее конца 1510-х – начала 1520-х гг. и, скорее всего, возникла в контексте дипломатического союза с Ливонским орденом против Ягеллонов. До этого времени Рюрик не мыслился как самодержец, а его противостояние с Вадимом никак не охарактеризовано и является, по всей видимости, вымыслом книжников XV – начала XVI в., породившим позднее бурные просветительские и романтические республиканские фикции. Впрочем, образ Вадима в новгородско-московской книжности мог возникнуть по аналогии с образом княгини Ванды – свободолюбивой польской правительницы, покончившей жизнь самоубийством, чтобы не идти против воли замуж за германского правителя. После ее смерти, в отличие от московской летописной нормы, в Польше установилось близкое к республике правление «совета двенадцати», тогда как после смерти Вадима Рюрик продолжил самодержавное правление. Правление 12 *знатных*, назначаемых раз в год в общинах-*пагах*, упоминается применительно к саксонским племенам еще в житии святого Лебуина, составленном в 840-х гг. – первой трети X в.⁴³⁰ Не исключено, что этот или подобный рассказ оказал опосредованное влияние на московскую знать. Князь Андрей Курбский в «Истории» рассказывал, что изначальной формой управления Русской землей было соправление Рюрика и «шести мужей», имперских (*реишских*) князей, от которых произошли наиболее знатные нетитулованные боярские роды в Московском государстве. Аналогов этой идеи в русской и московской книжности не обнаруживается, если не считать сообщений о предках московских бояр на великокняжеской службе в Житии Александра Невского. Однако важно, что для Курбского первенство московской ветви русских княжат в правах на власть над Великой Русью было под вопросом, и в «Истории» приведены различные версии совместного правления всего рода потомков Рюрика в *Русской земле*, а затем и в *Святорусской империи*. Их летописные и агиографические источники прочитаны князем Андреем Михайловичем в республиканском ключе⁴³¹.

«Русская земля» выступает в летописных текстах как владение всех русских князей, и этот взгляд сохраняет еще князь Андрей Курбский, когда говорит о «всех русских князьях» (в истории утверждения единой русской митрополии) и, вслед за древнерусским летописным идеалом, о «сынах русских» (оплакиваемых в братоубийственной войне между Москвой и Великим княжеством Литовским). Впрочем, уже поверхностный взгляд на события общерусской истории из «Повести временных лет» показывает, что общее дело в летописи – это дело именно князей, и Русскую землю они называют не чьей-то общей, а – как в Любече в 1097 г. – «нашей», княжеской. Князь Михаил Ярославич, согласно его Житию, по примеру Дмитрия Солунского спасает свою *вотчину*, *отчество* и *город* Тверь и весь *христианский народ* в битве против московско-татарского войска. По мысли М. М. Крома, идея *нашего государства* возникает лишь к рубежу XVI–XVII вв. и отражается в памятниках Смутного времени – например, в «Новой повести о преславном Московском царстве» (1610 г.). Впрочем, даже в этом памятнике мобилизация направлена на борьбу за Смоленск против короля Сигизмунда III под лозунгом

⁴³⁰ Лукин П. В. Новгородское вече. С. 56–57.

⁴³¹ О республиканских идеалах кн. А. М. Курбского см. здесь ниже.

защиты православия. Король между тем также апеллировал в своих универсалах к православию и не отрицал православную веру своих соперников, призывая их в свое подданство.

С другой стороны, к середине XVI в. претензии на «всю Русь» высказывали уже не только великие князья московские, но и ряд княжеских отпрысков Великого княжества Литовского, и шведские власти, и особенно польско-литовские монархи. Король Стефан Баторий называл Ивана Грозного господарем не *всей Руси*, а лишь *своея Руси*. Как отмечал М. М. Кром, в *Слове о погибели земли Русской* понятие *вся земля* обозначает широкую этно-конфессиональную христианскую общность, противостоящую язычникам. Взгляд московских книжников эпохи Псковского похода 1581–1582 гг. или Смуты на свое *общее дело* предполагает, что книжник обсуждает общность в ее противостоянии с иноверцами, по сути – со всеми европейскими странами, наемники из которых опустошали Русскую землю под командованием польского короля.

Было бы неверно вслед за рядом исследователей полагать, что политическая идентификация в Московском государстве строилась от незнания о республиканских формах. Как отмечали исследователи «Русского Хронографа», внимание составителя этого масштабного памятника в XV – начале XVI в. сосредоточено на царствах как носителях единодержавия, в отличие от других форм правления, которые рассматривались как признак упадка. В Хронографе так, например, характеризуется устройство бриттов до начала их подчинения Римской империи при императоре Септимии Севере: «Живут сии на горах дивиих и в полях пустых, не имеют бо ни градов, ни жилищ, ни землю делают, но паством и ловом и овощием питаются и ходять от места на место нази и необувени. И жены все обще имеют, не имать кождо своея жены, и отрочата вместе питають. Ни начальника имеют, но общими людми обладаеми суть, воинствуют колесницами четверными и кони их и копи их мали. И терпят глад и зиму, в блатях крыющися многи дни, точию вне дрѣжаще главы от воды, питаются тинами и корением и корою древеною»⁴³². Этот образ жизни московский книжник назвал бы диким, считая признаком цивилизации его противоположность – т. е. жизнь в городах и в домах, возделывание земли в одетом виде и в обуви, отдельные моногамные семьи и раздельное воспитание детей. Ненормально и прятаться от холода в болотах, и воевать без войска на колесницах с маленькими копьями. Наконец, показательное утверждение: «Ни начальника имеют, но общими людми обладаеми суть». Республиканская, согласно греческому источнику – демократическая, форма (*общие люди*) воспринимается как безначалие и дикость, что не могло выпасть из поля зрения и при обращении к более поздним республиканским формам.

Прямые ссылки на европейские республиканские традиции встречаются в Московской Руси при посольском ведомстве в тот же исторический момент, когда создавался «Русский Хронограф». Так, 27 июля 1518 г. имперский посол Франческо да Колло произнес в Кремле речь, в которой призвал великого князя Василия III присоединиться к защите «общего христианского дела» (лат. *res publica christiana*, ит. *tutta la repubblica christiana*) и к антитурецкой коалиции⁴³³. В 1520–1530-х гг. кальками «дѣло народное» (*res publica*) и «дело общее человеческое» пользовался ученый дипломат Ф. И. Карпов в переписке с митрополитом Даниилом. Рассуждение о том, что полезнее для государства, правда или страдание, начинается в послании с вопроса: «...или дѣло народное, или царство, или владычество, к своей вѣчно-

⁴³² ПСРЛ. Т. 22. М., 2005. С. 257. В основе данного отрывка текст, заимствованный из Хроники Иоанна Зонары (около 1118 г.), известный на Руси к началу XVI в. Этот текст, известный как «Паралипомен Зонарин», содержит чуть более обширный отрывок, в котором в числе прочего говорится о бриттах: «ни начальника имут, но общими людми обладаеми сут». На месте всего указанного отрывка в хронике Зонары читается: *δημοκρατουῦνται*. См.: *Ἰωάννου του Ζωναρά ἐπιτομή ἱστοριῶν / Ioannis Zonarae epitome historiarum / Cum Caroli Ducangii suisque annotationibus ed. L. Dindorfius. Vol. 3. Lipsiae, 1870. P. 105 (Lib. XII. Cap. X); Паралипомен Зонарин / Подг. О. Бодянский // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских (далее – ЧОИДР). Год третий. № 1. М., 1847. С. 74–75 (кириллическая пагинация); *Творогов О. В. Древнерусские хронографы*. С. 182.*

⁴³³ *Спицына Н. В. Максим Грек*. М., 2008. С. 107.

сти паче приемлет правду или тръпѣние?»⁴³⁴. По словам Карпова, опасным для республики является долготерпение «без правды и закона общества». Несмотря на звучание «республиканских» калек в сочинениях ученого великокняжеского советника, он не противопоставляет республики царствам и любым прочим владычествам, а упоминает *дѣло народное* (или *общество*) как гражданское действие в царстве или граде, подчиненное в идеале «грозе правды и закона» (на страже которых должны быть *начальники*) и «милости» евангельской благодати (на стражу которой призывает адресата своего послания)⁴³⁵. Излагая эту доктрину, Карпов ссылается на Аристотеля, Святое Писание и Овидия. Его вопрос лишь метафорически относится к России, однако понимание политического единства как правления, царства и народного дела одновременно – новация в российской культуре и в то же время попытка привить ей язык античной теории «всякого градского дела» (т. е. о теории гражданства)⁴³⁶.

Понятие *речь посполитая* появляется в документации, исходящей из Вильно, Кракова и Варшавы, и в таком виде оно доходит до Москвы и откладывается, формируя знания о скрытой за ним политической форме. Но видны ли в них следы рецепции? Слово «посполито» в значении *совместно, совместными усилиями* звучит в московской дипломатии этого направления еще до объединения Короны Польской и Великого княжества Литовского в единую Республику. Московские читатели могли его встретить еще в XV – начале XVI в. в переводе послания кн. Конрада Мазовецкого (1493 г.)⁴³⁷ или в сообщении о переходе кн. М. Л. Глинского на московскую службу «с своею братьею, и с приятели, и с посполитыми людьми со многими» (1508 г.)⁴³⁸. В послании Ивана Грозного Сигизмунду II Августу в начале Ливонской войны говорится: «И ты, брат наш, полож на своем разуме, что не токмо Богу или господарем пограничным, но посполито всѣх земель народу о Ливонской землѣ вѣдомо, коим обычаем та земля по се время стояла и нам даню подлежала»⁴³⁹. Всеобщность знания о зависимости Ливонии от Москвы царь стремится обосновать, прибегнув к формуле всеобщего признания (*посполито всех земель народу*). Использование в данном случае слова «народ» указывает в московской языковой практике XVI в. на *всех христиан* вообще, однако слово «посполито» является заимствованием из польско-литовской деловой практики и вне такого контекста в России не использовалось.

Уже после Люблинского сейма 1569 г. в Москве неоднократно звучало название нового соседнего государства. 31 декабря 1601 г. посольство М. Г. Салтыкова услышало от Сената: «... также и государь наш наяснейший Жигимонт король и Паны рада обоих государств Короны Польские и Великого княжества Литовского и вся Речь Посполитая, за помощью Божьею, хотим и радеем всего добра хрестьянству»⁴⁴⁰. После чего понятие *речь посполитая* звучало на переговорах еще неоднократно в значении, которое приближенно можно раскрыть: *представительство Короны Польской и Великого княжества Литовского на сейме*. Спустя неделю, 6 января 1602 г., в словах Л. И. Сапеги это понятие приобрело дополнительные смыслы: «А вперед мы, Паны-рада, и рыцарство, и вся Речь Посполитая просим у Бога милости, чтоб меж

⁴³⁴ Библиотека литературы Древней Руси (далее – БЛДР). Т. 9. Конец XV – первая половина XVI века. СПб., 2006. С. 350 (подг. текста – Д. М. Буланин).

⁴³⁵ Там же. С. 346–359.

⁴³⁶ Буланин Д. М. Сочинения Федора Ивановича Карпова // БЛДР. Т. 9. С. 546–548 (здесь же библиография). См. также: Клибанов А. И. Духовная культура средневековой Руси. М., 1996. С. 207–218 (здесь акцент сделан почему-то на античной теории, которая вне единства с этикой благодати не позволяет понять мысль Ф. И. Карпова); Кром М. М. Рождение государства. С. 210; Halperin Ch. Ivan the Terrible: Free to Reward and Free to Punish. Pittsburg, Pa, 2019. P. 26–28.

⁴³⁷ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии иностранных дел. Ч. 5. М., 1894. С. 15.

⁴³⁸ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 1. СПб., 1851. С. 153–154.

⁴³⁹ РГАДА. Ф. 79 (Сношения России с Польшей). Оп. 1. № 5. Л. 147–147 об.; Ф. 389 (Литовская Метрика). Оп. 1. № 591. Л. 232 (Иван IV – Сигизмунду II Августу. Москва, апрель 1560 г.).

⁴⁴⁰ Сборник Императорского Российского исторического общества (далее – СИРИО). Т. 137. М., 1912. С. 112–113.

великих господарей наших утвердилась сердечная крепкая братская любовь и дружба...»⁴⁴¹. В данном случае восполнена вся шляхта как народ *единой Речи Посполитой*, а в словах литовского канцлера Льва Сапеги мирное отношение к московским партнерам и готовность заключить мирный договор отличали всех подданных короля и граждан республики. Еще сильнее акцент на шляхте сделан в речи Сапеги перед Салтыковым со товарищи 7 января о стремлении польско-литовской стороны к миру: «И господарь наш Жигимонт король и Паны-рада и вся Речь Посполитая Коруны Польские и Великого княжества Литовского того вперед не отставливают...»⁴⁴². Переход от короля к сенаторам, а от них ко всей республике говорит о сближении идеи республики со *шляхтой как представительным народом*⁴⁴³.

Как показывают исследования польско-литовского парламентаризма, политика мыслилась локальной шляхтой и парламентариями (в Посольской избе и Сенате) как право всего политического народа (т. е. шляхты) на власть в стране, на все отечество и на малое отечество (т. е. поветы)⁴⁴⁴. Самосознание шляхты отразилось на московской культуре особенно в эпоху Смуты, когда *города и выбор по городам* составили оплот движения служилых людей за восстановление единства России, а *ополчения* наследовали польско-литовским традициям всеобщих военных сборов (*pospolite ruszenie*). Избрание Михаила Романова на Соборе 1613 г. в техническом смысле напоминает работу Посольской избы Сейма Речи Посполитой. Встреча российских представителей с английскими парламентскими традициями в середине XVII в. подчинялась уже логикам возобновленной монархии, и не следовало бы видеть в реакции гонца Г. С. Дохтурова в 1645 г. на Гражданскую войну что-то большее, чем покорный отчет царского слуги. Но даже для такого бездумного описания перед нами не вполне адекватный взгляд, уподобляющий «думных людей» парламентариям, а короля – любым государям, которые везде стремятся владеть «своими государствами»⁴⁴⁵. Статус гонца и характер посольского изложения в статейных списках заставляют не вполне согласиться с выводом М. А. Киселева: «Такая ситуация была зафиксирована в московском политическом глоссарии: привычная власть государей в государствах и непривычное господство думных»⁴⁴⁶. Самостоятельное правление «думных» в России XVI–XVII вв. вязалось с боярским *многоятежным хотением и безгосударством*, однако уподобление английского парламента Государевой думе свидетельствовало о крайне упрощенном видении дел в Англии московским гонцом. Ему и не по чину было рассуждать – гонцам предписывалось срочно исполнять поручение, собирать подручные сведения и как

⁴⁴¹ Там же. С. 155.

⁴⁴² Там же. С. 160.

⁴⁴³ Республиканизм в польской культуре XVI–XVIII вв. неоднократно изучался в наши дни. Впрочем, недостает сравнений с рецепцией классической традиции в приграничном с Московским государством Великом княжестве Литовском. См., например: *Grzeškowiak-Krwawicz A. Regina libertas: Wolność w polskiej myśli politycznej XVIII wieku*. Gdańsk, 2006; *Pietrzyk-Reeves D. Ład Rzeczypospolitej: Polska myśl polityczna XVI wieku a klasyczna tradycja republikańska*. Kraków, 2012; *Owczarska M. Założenia i rozwój polskiej myśli republikańskiej w XVI wieku // Tendencje rozwojowe myśli politycznej i prawnej / Pod red. M. Maciejowskiego et al. Wrocław, 2014. S. 389–407.*

⁴⁴⁴ См. подробнее: *Kriegseisen W. Sejmiki Rzeczypospolitej szlacheckiej w XVII i XVIII wieku*. Warszawa, 1991; *Choińska-Mika J. Sejmiki mazowieckie w dobie Wazów*. Warszawa, 1998; *Achremczyk S. Życie sejmikowe Prus Królewskich w latach 1647–1772*. Olsztyn, 1999; *Zakrzewski A. B. Sejmiki Wielkiego Księstwa Litewskiego XVI–XVIII w. Ustrój i funkcjonowanie: sejmik trocki*. Warszawa, 2000; *Rachuba A. Wielkie Księstwo Litewskie w systemie parlamentarnym Rzeczypospolitej w latach 1569–1763*. Warszawa, 2002; *Mazur K. W stronę integracji z Koroną: Sejmiki Wołynia i Ukrainy w latach 1569–1648*. Warszawa, 2006; *Ambroziak T. Rzeczpospolita w litewskich instrukcjach sejmikowych w latach 1587–1648. Próba analizy terminologicznej // Czasopismo Prawno-Historyczne. T. 65 (2013). № 2. S. 191–214; «Прикладом своїх предків...». Історія парламентаризму на українських землях в 1386–1648 рр.: Польське королівство та Річ Посполита / За ред. В. Михайловського. Київ, 2018; *Михайловський В. Бібліографія парламентаризму на українських землях до 1648 року: Польське королівство, Велике князівство Литовське, Річ Посполита*. Київ, 2018 и др.*

⁴⁴⁵ *Рогинский З. И. Поездка Герасима Семеновича Дохтурова в 1645–1646 гг. (из истории англо-русских отношений в период английской революции XVII века)*. Ярославль, 1959. С. 24–25.

⁴⁴⁶ *Киселев М. А. Форма правления и социальная иерархия в российской политической мысли XVII – первой четверти XVIII века*. С. 22–23.

можно меньше сообщать о себе и российских делах, отговариваясь низким статусом (*я у государя человек молодой...*).

Понятие *республика* в приложении к московской истории встречается в сочинениях кн. А. М. Курбского. Сочинения мятежного князя московского и польско-литовского периодов разительно отличаются между собой в терминологии, кругозоре и идейных построениях. В «Истории о князя великого московского делех» и связанных с ней сочинениях эмигрантского периода (около 1570-х – начала 1580-х гг.) князь отстаивал образ единой *христианской республики*, которую впервые в русской книжности называл *Святорусской империей*⁴⁴⁷. Республиканский идеал выражен князем в различных формах. Прежде всего в идее *добротоу и полезного общего* – это *общее* упоминается в том же контексте и подразумевает *общую вещь*, которая является буквальной калькой для обозначения *республики*⁴⁴⁸. Воплощением блага, пользы, ангельской чистоты и благодати Святого Духа был для князя Андрея Михайловича ближний советник Ивана IV Алексей Адашев⁴⁴⁹. Вера в *общее всех воскресение* и *общежителный* принцип северных отшельников объединяют в построениях князя религиозную жизнь и политику⁴⁵⁰. Этот взгляд на *республику* приближает идеал князя к проекту реформ во Флоренции Джироламо Савонаролы в конце XV в., сторонником которых применительно к Московскому государству был, по всей видимости, Максим Грек⁴⁵¹. Впрочем, Россия в правление *Избранной рады*, согласно Курбскому, – именно *общая вещь христианская*, несущая Крест «аж до Каспийского моря и окрест»⁴⁵². Это приближает идеал *республики* к поздней Римской империи (продолжением которой при дворе Василия III и Ивана Грозного и считали Российское царство)⁴⁵³.

Гибрид доктрины *общего дела* с идеей богоспасаемой имперской власти дополнялся осмысленной метафорой политического тела, которое представляла Русская земля, когда в ее сердце правила «Избранная рада», возглавляла «тело» светлая и просвещенная голова – юный царь Иван Васильевич, а укрепляли прочие части тела («уды») – ангелоподобные и «добрые» советники и «всенародные» люди. Учение о *corpus rei publicae* восходило в европейской традиции к сочинениям Иоанна Солсберийского. Оно было унаследовано в Короне и Литве, составив

⁴⁴⁷ Граля Х. Была ли «Святая Русь» «местом памяти» Руси Речи Посполитой? // «Места памяти» Руси конца XV – середины XVIII в. М., 2019. С. 261–262.

⁴⁴⁸ Курбский А. М. История о делах великого князя московского / Отв. ред. Ю. Д. Рыков; сост. К. Ю. Ерусалимский; пер. с древнерусск. А. А. Алексеев. М., 2015. С. 835. Прим. 132–2. В московской рукописной традиции конца XVII–XVIII в. глосса к *общей вещи*, которая читается в ранних списках: *посполитой речи*, была устранена уже из общего протографа подавляющего большинства копий II–V изводов (т. е. в списке ОР ГИМ, собр. А. С. Уварова № 301, л. 132). Помимо польской и русской кальки Курбский использует и транслитерацию *рез публика*, однако предпочитает в основном тексте «Истории» использовать именно русскую кальку.

⁴⁴⁹ Курбский А. М. История о делах великого князя московского. С. 24.

⁴⁵⁰ Там же. С. 194, 216.

⁴⁵¹ Враги *Избранной рады* при дворе царя Ивана Васильевича при этом выступают и за свержение республики, будучи скрытыми сообщниками дьявола и сторонниками превращения христианского царя в тирана. Как республиканское правительство осуществляет общее христианское дело, так и «ласкатели» царя *общуют со дьяволом*, как говорится в «Истории» еще о временах Василия III и неоднократно – о свержении *Избранной рады*. Общение с дьяволом также приносит *пользу*, но она представлена как прямая противоположность пользы для республики. См.: Курбский А. М. История о делах великого князя московского. С. 152.

⁴⁵² Курбский А. М. История о делах великого князя московского. С. 216.

⁴⁵³ Возможно, но ничем прямо не доказано сближение представлений А. М. Курбского с современными ему католическими и реформационными учениями о государстве. Нет ни одного явного источника его доктрины среди европейских современников. Курбскому был бы близок современный ему университетский томизм с его *via antiqua* в отношении естественного закона, церковных полномочий в ограничении власти и борьбе с тиранией. Вместе с тем он поборник расширенной версии *консилиаризма*, когда рассуждает о роли духовенства в просвещении монарха и защите христианской республики от тирании (например, попа Сильвестра, предположительно митрополита Германа Полева, митрополита Филиппа, псковского игумена Корнилия и своего духовного отца Феодорита Кольского). При этом его взгляды на ересь и на право сопротивления богопротивной власти приближаются к реформационным тезисам. Ср., например: *Скиннер К.* Истоки современной политической мысли / Пер. с англ. А. А. Олейникова; под науч. ред. В. В. Софронова. Т. 2. М., 2018. С. 198–255.

риторическую основу унии двух государств, соединенных в *единое тело*. Еще одно возможное заимствование из европейской политической мысли – понятие *всенародных человек*. Этот, судя по всему, гапакс для московской письменной культуры находит прямой аналог в латинской книжности XV в. у Павла Влодковица, который заимствовал его у Марсилия Падуанского: *universitas civium*, т. е. собрание граждан, имеющих право от лица народа решать ключевые вопросы республики⁴⁵⁴. Оно характеризует не демократизм либерального типа и не требует предположения об участии простых горожан, крестьян и челяди в управлении монархической республикой⁴⁵⁵. Курбский намечает «чины» этого политического народа, когда говорит в подробностях о бессудных казнях Ивана Грозного. Это – ближние советники царя (*Избранная рада*), высшая княжеская аристократия, нетитулованные боярские роды и вся шляхта республики, духовенство и пустынножители. Избрание в ближний совет царя по государственным заслугам и пользе для республики возможно из любых слоев этого политического народа, и примеры такого участия представлены в «Истории» Курбского. Подобие парламента можно видеть скорее в *Избранной раде*, чем во всеобщих соборах, которым князь Андрей Михайлович не уделяет в своем построении никакого внимания, хоть и допускает их созыв для дел, касающихся всей республики.

Идея тела-республики в «Истории» Курбского дополнена неоплатоническими аллюзиями, почерпнутыми из учения Максима Грека, и медицинскими открытиями в духе Мигеля Сервета. Последнему принадлежит и разделяемое Курбским учение о ненасилии в отношении еретиков и заблуждающихся в религиозных воззрениях, которых князь считал необходимым перевоспитывать и убеждать духовным оружием, а не градским мечом. При всей архаичности этих взглядов в эпоху Люблинской унии, они были не только созвучны представлениям реформационных христиан, но и частью полемического пространства, в котором Курбский лично и вместе с православными Короны и Литвы выступил в защиту традиционного православия. «История» Курбского содержит также ряд параллелей с идеей универсального христианского народа. Царь Иван Васильевич после своего духовного падения и скатывания республики в опричный («кромешный», по словам Курбского) ад не уважает те естественные права, которые соблюдают даже скифы и сарматы. Пример античного прошлого обманчив – скифы и сарматы в сознании современников князя Андрея Михайловича были актуальными народами, населяющими Степь и земли *Двух Сарматий*. Вместе с тем естественные права были предметом бурного обсуждения на Констанцском соборе, где П. Влодковиц в 1416 г. подобным тезисом опровергал смысл крестоносной идеи и отстаивал права Жмуди самой выбирать себе веру. Это был шаг на пути к отказу от насильственной христианизации, фоном для которого послужил спор о причинах войны Тевтонского ордена с христианскими странами. Предки Курбского покоряли Югру, а сам он – Казань и поволжских язычников. Согласие с идеями Влодковица смягчает взгляд на задачи крестоносной войны, развитый им, видимо, в тех фрагментах «Истории», которые создавались еще в период его московской службы.

Князь Андрей Михайлович стремится выйти за пределы польской языковой стихии, когда рассуждает о *всенародных человеках и сынах русских*. Шляхта *Муромского повета* и *Вольнская шляхта* в его «Истории» родственные понятия, и это знак общности в самосознании военного аристократа Московского царства и Короны Польской (и Великого княжества Литовского). При этом к польской шляхте Курбский относится критично, вменяя ей бездей-

⁴⁵⁴ Об этом см.: Frost R. Oksfordzka historia unii polsko-litewskiej: Powstanie i rozwój 1385–1569 / Przeł. T. Fiedorek. T. 1. Poznań, 2018. S. 209–210.

⁴⁵⁵ С. О. Шмидт допускал, что речь в данном случае идет именно о служилых людях, о «менее знатных феодалах». В таком случае выражение А. М. Курбского следовало бы рассматривать как развитие идеи шляхетского народа Московского государства. См.: Шмидт С. О. У истоков российского абсолютизма. С. 211–213, 268–269. О концепции С. О. Шмидта см. также: Ерусалимский К. Ю. У истоков российской политической культуры: С. О. Шмидт в осмыслении абсолютизма // Археологический ежегодник за 2013 год. М., 2019. С. 176–214.

ствие перед лицом турецкой и татарской угрозы; тогда как московскую шляхту считает гибнущей под ударами «дракона» высшей власти и внешнего, крымского «дракона». Следовательно, шляхта не в силах выполнять свои республиканские обязанности – противостоять внешней и внутренней тирании. В Москве понятие *шляхты* в отношении местного служилого сословия тем не менее тоже применялось, о чем говорят посольские материалы эпохи правления Лжедмитрия I. Бояре князя Ф. И. Мстиславский и И. М. Воротынский обращались к Юрию Мнишеку, отсылая понятием *рыцарство* к практике обозначать так польско-литовскую шляхту. До этого времени в посольской документации в приложении к московскому служилому классу это понятие не использовалось. В своем роде мы имеем дело с внутренним заимствованием, отсылающим к социальной реалии соседнего государства: «И мы его цесарского величества бояре думные и все рыцарство московское, грамоту твою приняв любительно, выслушали есмя и тебя в том похваляем»⁴⁵⁶.

С князя Андрея Курбского берет отсчет еще и дискурс общественных «чинов» в московской культуре. М. А. Киселев рассматривает проекты гражданского переустройства в XVII в. и подчеркивает попытку сословной реформы в челобитной «о четырех чинах» 1660 г. (церковный, служилый, торговый и земледельческий)⁴⁵⁷. Можно отметить, что данная схема, к тому же выражающая только интересы провинциального дворянства, не была первой абстракцией в истории России. Уже в XVI в. предпринимались попытки разделения населения страны на *чины*. О «чинах» в сходном понимании писал в 1563 – начале 1564 г. кн. А. М. Курбский Васиану Муромцеву. Во время реформы «сошного обложения» в России была частично проведена в жизнь реформа, близкая к «волочной помере» в Великом княжестве Литовском, позволившая разделить все оседлое владельческое население на три группы, близкие к сословным⁴⁵⁸. Впрочем, ни в 1555 г., ни в 1660 г. никаких прав «чины» не получали, да и понятий какого-либо представительства от «чинов» не сложилось. Учения Епифания Славинецкого, Юрия Крижанича и Николая Спафария содержат слова о формах правления, но даже близкая к автохтонной идея Спафария о трех *чинах градов* (*царственном, изрядном и народном*) является рефлексом учения Аристотеля, а не переводом российских реалий на язык теории. В рассуждении А. А. Виниуса 1673 г. об английской форме правления схема смешанного правления в духе «Политики» Аристотеля предстает как вполне усвоенная русским дипломатом. *Монарх* единовластен, но без парламента «не может в великих делах никакого совершенства учинить». *Парламент*, или *сейм*, делится на верхний и нижний *дома* и обеспечивает единство монархической формы правления с аристократической и демократической⁴⁵⁹.

Дальний родич Курбского, князь Иван Хворостинин, отвоевав свое за юного царя Михаила Романова, попытался уехать из страны. Это было следствие душевного надлома и культурного разуверения. Когда из польского плена вернулся патриарх Филарет, на Хворостинина завели «слово и дело». Князь будто бы обзывал царя *деспотом русским* «не по достоинству», т. е., как чувствовали следователи, он имел в виду не исконное греческое значение слова, а какое-

⁴⁵⁶ СИРИО. Т. 137. С. 188 (22 сентября 1605 г. Отправление Петра Чубарова к Юрию Мнишеку).

⁴⁵⁷ Киселев М. А. Форма правления и социальная иерархия в российской политической мысли XVII – первой четверти XVIII века. С. 33–34.

⁴⁵⁸ О троичном делении общества в Европе сохраняют свой вес исследования Жоржа Дюмезиля и Жоржа Дюби, однако применительно к российской культуре найти прямой аналог тринитарной структуры не удастся. Андрей Курбский рассуждает о «чинах» еще до эмиграции, однако о «трех сословиях» ничего не знает, тогда как сошная реформа до нас дошла в своих практических последствиях и не оставила никаких теоретических обоснований. Почему именно три формы *сох* были предусмотрены, вкладывался ли в это какой-либо абстрактный смысл – данных на сей счет у нас нет. См.: *Evergates Th. The Feudal Imaginary of Georges Duby // Journal of Medieval and Early Modern Studies. Vol. 27 (1997). No. 3. P. 641–660.*

⁴⁵⁹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 12. М., 1961. С. 247–248; Лопатищев В. А. Ордин-Нащокин. Опередивший время. М., 2017. С. 212. Ср.: Казакова Н. А. А. В. Виниус и статейный список его посольства в Англию, Францию и Испанию в 1672–1674 гг. // ТОДРЛ. Т. 39. Л., 1985. С. 359–360; Киселев М. А. Форма правления и социальная иерархия в российской политической мысли XVII – первой четверти XVIII века. С. 35–43 (в передаче Н. А. Казаковой и М. А. Киселева часть цитаты и финал о полномочиях короля выпущены).

то обидное для царя⁴⁶⁰. Но, помимо того, князь мечтал «отъехать в Литву», будто бы читал польские книги и высказывал неверие в Воскресение Христа. Он просил отпустить его «в Рим или в Литву» и оскорблял местных жителей: «...на Москве людей нет, все люд глупой, жити... не с кем»⁴⁶¹. Следственное дело сохранило его стих, который передан в пересказе, но в оригинале, видимо, представлял собой вполне складный трехстопный хорей: «Сеют землю рожью, а живут все ложью»⁴⁶². Обвинения обернулись судом и пострижением, а по сути – заключением князя Ивана в монастырь в 1623–1624 гг., откуда он вернулся в Москву монахом, раскаявшись в грехах.

Спасение от казни и временное покаяние в монастыре были предметом тайной борьбы черного духовенства и оппозиционно настроенного дворянства с верховной властью. В XVI–XVII вв. расширилась практика расправ-пострижений жен в монастырь, а также политические обвинения в адрес придворных, приводившие к временному заточению в мужских обителях или пострижению в монахи⁴⁶³. По одному этому противостоянию можно судить о затаенной борьбе против всеислия светской власти. За добровольное пострижение выступали Вассиан Патрикеев еще при Василии III, а также князь Андрей Курбский, Тимофей Тетерин, монахи Кирилло-Белозерского монастыря в годы правления Ивана Грозного. Правление «расстриги» под именем царя Дмитрия Ивановича означало, что для верховной власти к началу XVII в. претензии на возвращение в мир из любого пострижения сами по себе представлялись преступными, тогда как в среде сопротивления принудительное монашество было показателем политического преследования⁴⁶⁴. Монахам (черной старице Марфе Жилиной) был приписан и опасный для Михаила Романова слух, распространившийся в 1633 г., о том, что царевича Алексея подменили вместо родившейся у царицы дочери⁴⁶⁵. Родословный бунт в условиях династического кризиса грозил новой Смутой. И для власти, и для распространителей слухов этот тип мятежной борьбы представлялся опасным вызовом в адрес действующей власти. Иван Хворостинин понес наказание, которое смиряло его еретические и богохульные взгляды, но в первую очередь несло отпечаток демонстративного торжества власти над антимиром.

Польские слуги короля в Москве оставили ценные воспоминания о своем общении с москвитями, среди которых были и политико-правовые расхождения. Литовский шляхтич Самуэль Маскевич записал диалоги соотечественников, литвинов и поляков, с местными жителями о холопстве и свободе. Отношение к европейским ценностям было скорее негативным. В обмен на свою *несвободу* (*niewola*) москвиты согласны были получать справедливый суд царя, их «солнца праведного, светила русского», которому и «бесправие» разрешено самим Богом. Чтобы объяснить читателям эту позицию, мемуарист прибегает к сравнению: в Речи Посполитой «худшие» тратят годы жизни, если не всю жизнь, чтобы добиться справедливости в судах в споре с «сильнейшим», а царь судит по делам их равно и «худшего», и «сильнейшего». *Свобода*

⁴⁶⁰ Соловьев С. М. Соч.: В 18 кн. Кн. 5. М., 1990. С. 316–317.

⁴⁶¹ Lewitter L. R. Poland, the Ukraine and Russia in the 17th Century // The Slavonic and East European Review. Vol. 27 (1948). № 68. P. 157–171, здесь P. 158–159.

⁴⁶² Опарина Т. А. Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. Новосибирск, 1998. С. 144–145 (текст стиха цитируется в следственном деле, цитата здесь же на с. 145).

⁴⁶³ Белякова Е. В., Белякова Н. А., Емченко Е. Б. Женщина в православии: церковное право и российская практика. М., 2011. С. 183–188, 222–225.

⁴⁶⁴ Расстрижение из перспективы действующей власти может рассматриваться как нарушение божественного мироустройства, которое должно лишать прав на власть даже наследника престола, способного доказать свою подлинность «царскими знаками» на теле. Конечно, в популярной среде противников Бориса Годунова и Василия Шуйского факт предполагаемого расстрижения царевича Дмитрия Ивановича не был препятствием для его прославления и признания в качестве действующего царя. Подробнее об институте самозванства в российской политике см.: Ingerflom C.-S. Le tsar, c'est moi: L' imposture permanente, d' Ivan le Terrible à Vladimir Poutine. Paris, 2015.

⁴⁶⁵ Perrie M. Substituted Tsareviches and Enemy Agents: The Case of Archimandrite Fedorit (1635–1636) // Russian History. Vol. 34 (2007). No. 1/4. P. 368, 370–372.

(*wolność*) поляка для москвиты – *своеволие* (*swawola*)⁴⁶⁶. Даже в таком выпаде в пользу «тирании» для читателя было о чем задуматься. Во-первых, читатель в Короне и Литве должен был понять, что московская культура иная, ее нельзя присвоить и переделать. Во-вторых, тирания и для москвитов не была оправдана и допустима, власть царя была тем более легитимна, даже в своей московской форме, благодаря недочетам истинной – для Маскевича – формы правления Речи Посполитой. Это, конечно, снижает ценность самого свидетельства: оно могло быть частично или полностью вымышлено. Однако верховная власть Москвы и в Смуту, и позднее шла на признание ценностей шляхты. Скорее исключением был выпад против польских *свобод и вольностей* в официальном обращении Федора Шереметева на переговорах с Львом Сапегой в Деулине в конце 1618 г.⁴⁶⁷ С одной стороны, его подкрепляют разве что насмешливые выпады Ивана Грозного от имени бояр в адрес короля Сигизмунда II Августа: «Видиши ли, яко везде убо несвободно есть»⁴⁶⁸. Это, как и другие провокационные высказывания от имени царя Ивана Васильевича или при его действительном участии, – крайне ненадежный источник для выводов о приемлемом для жителей Московской Руси политическом богословии. Пример можно найти в событиях 1634 г. Смертный приговор воеводе боярину М. Б. Шеину за Смоленскую кампанию сопровождался освобождением от ответственности двух дьяков, которые делали все по преступным приказам Шеина: «... то и делали все неволею»⁴⁶⁹. Потеря *воли*, даже при всеобщей *несвободе* (в результате грехопадения и изгнания Адама и Евы из рая), не считалась в Москве благом.

Есть ли все же аналог государству как *общему делу* в московской риторике XVI – начала XVII в.? С одной стороны, уже в работах С. О. Шмидта и Ю. М. Эскина подчеркивалось участие высших сословий в формировании самодержавной формы управления, в которой новацией, а не пережитком был институт местничества и связанные с ним иерархии, ограничивающие права монархов⁴⁷⁰. С. Н. Богатырев связал перемены в великокняжеской миссии с созданием московских чинов венчания на царство. В чинах венчания, памятниках летописания и делопроизводства появляется образ царя как заступника за бояр, вельмож, князей, княжат, детей боярских, а также за *все христолюбивое воинство и всех православных христиан*⁴⁷¹. Это также была новация, поскольку в текстах еще конца XV – начала XVI в. великие князья выступают в качестве заступников неопределенно за *всех христиан* и роль царского совета, воинов и жителей страны в подобных контекстах не оговаривается. М. М. Кром развивает концепцию служения «неким высшим общим интересам» в понимании монархов, начиная с Ивана III (впервые – в его послании московскому воинству под Смоленск в 1502 г.). Формула *дело наше и земское* от лица великого князя московского является, с точки зрения исследователя, аналогом республиканской терминологии, а в Смутное время на ее основе развилось представление о *земских и о всяких делах* и идеологическая программа *всей земли*⁴⁷². Эта программа служила точкой опоры и для самодержавной власти, и для правительств во время меж-

⁴⁶⁶ Pamiętniki Samuela i Bogusława Maskiewiczów (wiek XVII) / Oprac., wstęp, przypisy A. Sajkowski; red., słowo wstępne W. Czapliński. Wrocław, 1961. S. 146.

⁴⁶⁷ Majewski A.-A. Moskwa 1617–1618. Warszawa, 2011. S. 38.

⁴⁶⁸ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. № 8. Л. 6 об. (Кн. И. Д. Бельский – Сигизмунду II Августу. Москва, 2 июля 1567 г.), 22 (Кн. И. Ф. Мстиславский – Сигизмунду II Августу. Москва, 5 июля 1567 г.), 40 об. (Кн. М. И. Воротынский – Сигизмунду II Августу. Москва, 15 июля 1567 г.).

⁴⁶⁹ Акты Археографической экспедиции. Т. 3. СПб., 1836. № 251. См. также: Коллманн Н.-Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени / Пер. с англ. П. И. Прудовского и др. М., 2016. С. 95, 427.

⁴⁷⁰ Шмидт С. О. У истоков российского абсолютизма. С. 330–380; Эскин Ю. М. Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М., 2009. С. 13–14, 95–122, 378–404. См. также: Berelowitch A. La hiérarchie des égaux. La noblesse russe d' Ancien Régime (XVIe–XVIIe siècles). Paris, 2001; Коллманн Н.-Ш. Соединенные честью. С. 271–321.

⁴⁷¹ Bogatyrev S. Reinventing the Russian Monarchy in the 1550s: Ivan the Terrible, the Dynasty, and the Church // The Slavonic and East European Review. Vol. 85 (2007). No. 2. P. 271–293.

⁴⁷² Кром М. М. Рождение государства. С. 209–217.

дущарствий. Всплеск *земской* риторики приходится на опричнину 1565–1572 гг., что говорит в пользу мобилизационной версии ее применения. Для земцев это была травма, и сама неприемлемость обезглавленной «республики» для государственного управления – свидетельство в пользу прямых монархических интерпретаций формулы. Развитие идеи *земского дела* и *земли* как субъекта политики относится к эпохе Смуты. В текстах этой эпохи появляется идея божественного наказания «за умножение наших согрешений» («Иное сказание»), «безсловесного ради молчания» (Иван Тимофеев), «за всего мира безумное молчание» (Авраамий Палицын), позволившее злу одержать верх над страной⁴⁷³. От имени *всей земли* выступают и московские бояре в июле 1610 г., и Ополчения в 1611–1613 гг. Наконец, во время Соляного бунта 3 июня 1648 г. царь Алексей Михайлович обязался на иконе Спаса перед повстанцами найти виновных в злоупотреблениях, после чего «и миром и всею землею положили на его государскую волю»⁴⁷⁴. Эти *мир* и *вся земля* в указах, исходящих от царя в те же дни, названы *всякими людьми, всей чернью и всем народом*, а когда царь вымалывает жизнь для Б. И. Морозова, то повстанцы принимают просьбу и бьют челом царю вновь *миром и всей землею*. Влияние *всей земли* или *мира* на *государеву волю* – формула легитимности, а не политического устройства. Она не противоречит смирению перед высшей властью царя, а легитимность этого влияния снижается за счет сопутствующей ему *смуты великой*, и задача власти в том, чтобы ее усмирять, а не включать в государственный строй. В целом данный отдаленный аналог республиканизма, в своем роде *монархический республиканизм*, звучит в источниках нечасто в качестве экстраординарного политического фактора, хотя и чаще, чем кальки и транслитерации *общего дела* в духе Хронографа, послания Карпова и эмигрантских сочинений Курбского, и с большей аудиторией, чем документы Посольского приказа.

Как служение российских монархов и их холопов «высшим интересам» сочеталось с информацией о политических образованиях республиканского типа в Европе во второй половине XVI–XVII в.? Республиканские аллюзии в формуле *земского и нашего дела* усложняются особенностями ее бытования и ее восприятием. В период опричнины *земское дело* впервые отделилось от *господаря* как общее дело без царя. Субъект политики в данных текстах идентичен коллективному суверену самодержавной эпохи: это царственное *мы*, но *без личности* монарха. Впрочем, открытие общности, которая еще В. О. Ключевскому и С. Ф. Платонову представлялась воссозданной русской нацией, происходило на фоне резкого роста апокалиптических ожиданий и религиозной ксенофобии⁴⁷⁵. *Общее дело* мыслилось участниками войны как противостояние со злом при поддержке Бога и всех святых, а павшее царство – скорее как обездоленная империя, чем как национальная земская республика⁴⁷⁶.

Из вышесказанного следует, что идеология *земского и нашего дела* отражает не столько рецепцию республиканских идей в России и русских землях, сколько круг взглядов, из которых при определенных условиях могли сложиться соответствующие современные политические идентичности, но, по всей видимости, так и не сложились. Этот подход напрашивается в рамках концепций Энтони Смита. Его идея *ethnie* близка к пониманию, например, Византии как *республиканской политики* в духе Энтони Калделлиса⁴⁷⁷. Обсуждение республиканской валентности ряда соответствующих понятий может скрыть их полную непригодность в том качестве,

⁴⁷³ Яковлев А. И. «Безумное молчание»: (причины Смуты по взглядам русских современников ее) // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому. Ч. 2. М., 1909. С. 651–678; Rowland D. The Problem of Advice in Muscovite Tales about the Time of Troubles. P. 270–271.

⁴⁷⁴ Платонов С. Ф. Статьи по русской истории (1883–1902). СПб., 1903. С. 88; Козляков В. Н. Царь Алексей Тишайший. С. 51–53, 56, 59–60.

⁴⁷⁵ Кузнецов Б. В. События Смутного времени в массовых представлениях современников: «Видения» и «Знамения», их значение в этот период: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1997; Ульяновский В. И. Смутное время. М., 2006.

⁴⁷⁶ Яковлев А. И. «Безумное молчание». С. 665–675.

⁴⁷⁷ Калделлис Э. Византийская республика: Народ и власть в Новом Риме / Пер. В. И. Земсковой. СПб., 2016.

которое призвано было бы говорить об их участии в современных идентичностях. В частности, выше мы отмечали бытование переводческих калек *вещь, общая вещь, общие люди, дело земское, дело народное* в русских письменных памятниках. Курбский был первым писателем московского происхождения, кто пытался распространить республиканскую терминологию в ее оригинальной римской и польской форме (в транслитерации) среди московских эмигрантов в Европе, русских шляхтичей и горожан. Однако и само понятие республики в греческих и латинских текстах, из которых оно пришло на русские земли, далеко от республиканских идеалов эпохи Цицерона и допускало главенство императора над республикой и ее институтами и поддержание ее традиций и обрядов. В эпоху Каролингов, особенно в 810-е гг. в канцелярии Элизахара при императоре Людовике Благочестивом, понятие *res publica* было возрождено в деловой переписке. Но не в качестве обозначения объединений, основанных на идее всеобщего участия и свободы, а для обобщенной характеристики частных владений – будь то церковных или герцогских (но в отличие от *regnum* или *ecclesia*)⁴⁷⁸. Позднее, уже в эпоху Ренессанса, республиканские и монархические идеалы выражали одни и те же авторы, создавая при этом непротиворечивые политические доктрины⁴⁷⁹.

Вопрос в том, насколько российские интеллектуалы и государственные служащие нуждались в доктринах. Остановимся всего на нескольких примерах. В русских землях было известно понятие *народ*, но им почти не пользовались в Новгороде Великом XIV–XV вв. (что и само по себе вносит отличие в публичные дискурсы). В Москве вплоть до начала XVI в. старательно отличали *народ* (или *род*) и *людей*, под которыми понимали совершенно несходные, иногда по идее противостоящие друг другу общности. Народ приобрел церемониальное значение и не предполагал репрезентации, идентифицируя общность только в тех случаях, когда он возникал, т. е. собирался на церковных церемониях, возглавляемых митрополитом или патриархом. Это понимание было чрезвычайно устойчиво, что подтверждается примерами употребления лексем *род / народ* и т. п. в древнерусских памятниках, где оно встречается в высоких библейских, церковных и церемониальных контекстах. Общность *крестьяне* коррелирует с религиозной церемонией и воплощается при непосредственном участии в процессе самой этой общностью. Народ не мыслится в качестве абстрактного единства представителей единой нации или обширной территории. Христианский *народ* в воинских контекстах – мобилизованная община *верных*, плененная иноверцами и ждущая своего *исхода* (как библейский *избранный народ*, исходящий из Египта)⁴⁸⁰. Параллель православных с *народом-Богом* намечалась при помощи прямой исторической и символической преемственности между ветхозаветными царями, византийскими императорами и русскими правителями⁴⁸¹. Негативной идентичностью христианского *избранного народа* было изгнание иудеев, отрицание претензий евреев на избранность, гонение на иудаизм⁴⁸². Этот аспект самосознания изучен Исайей Грубером на примере Толковых Псалтирей и Азбуковников, источники которых были недоступны

⁴⁷⁸ Sassier Y. L' utilisation d' un concept romain aux temps carolingiens: La *res publica* aux IXe et Xe siècles // Médiévales. 1988. No. 15. P. 17–29; Malaspina E. *Res publica* nell'Occidente romanobarbarico: nostalgia ed eclissi di un modello // Rivista di cultura classica e medioevale. 2012. No. 2. P. 317–332.

⁴⁷⁹ Скиттер К. Истоки современной политической мысли. Т. 1–2. См. также ряд исследований в русле Кембриджской школы: Evangelisti P. À la place du bonheur: bâtir le bien commun et la prospérité de la «res publica»: La littérature de «consilia» de la couronne catalano-aragonaise // Revue Française d' Histoire des Idées Politiques. 2010. No. 32. P. 339–358; Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М., 2018 (здесь приведен ряд работ и полемических отзывов на с. 53–405 и ряд исследований о русских политических реалиях XVIII–XX вв.).

⁴⁸⁰ Witzernath Ch. Rachat («rédemption»), fortification et diplomatie dans la steppe – la place de l' Empire de Moscou dans la traite des esclaves en Eurasie // Esclavages en Méditerranée. Espaces et dynamiques économiques. Madrid, 2012. P. 181–194.

⁴⁸¹ Rowland D. Towards an Understanding of the Political Ideas in Ivan Timofeyev's *Vremennik* // The Slavonic and East European Review. Vol. 62 (1984). No. 3. P. 371–399, здесь P. 381–383, 389–390; Lenhoff G. The Construction of Russian History in «Stepennaja Kniga» // Revue des études slaves. Vol. 76 (2005). No. 1. P. 31–50, здесь P. 40–45 и сл.

⁴⁸² Pereswetoff-Morath A. A Grin without a Cat. Vol. 1–2. Lund, 2002; Петрухин В. Я. «Русь и все языки»: Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки. М., 2011. С. 249–255, 302–310.

и непонятны московским интеллектуалам⁴⁸³. В XVI–XVII вв. слово *нация* в России и Посольском приказе, как правило, понимали в буквальном значении. Допускался, к примеру, лишь искаженный перевод понятий *Священная Римская империя германской нации*. В переписке с императором из Москвы направлялись письма «монархе Римского царствия», а само название *Священная Римская империя* определялось с использованием полонизма *Рѣша Немецкая* – таким образом, слово «нация» в переводе вовсе не нуждалось. Эти факты не свидетельствуют о том, что национальное самосознание было в России недоразвито, а лишний раз подтверждают, что его не было совсем – и в данном случае логики Н.-Ш. Коллманн и В. Кивельсон более уместны, чем поиск соответствий «национальным» дискурсам западного христианства в российском православии.

Признаком свободолюбия или феодальных пережитков в едином монархическом государстве иногда называют право говорить правителю *встречу*, т. е. перечить ему или озвучивать неприятные для него точки зрения. Примером могут служить воспоминания Максима Грека (по сути, это не воспоминания, а донос) о словах Ивана Никитича Берсенья Беклемишева о том, что великий князь Василий III «упрям и встречи против себя не любит»⁴⁸⁴. Впрочем, слова Берсенья говорились втайне и с просьбой их не разглашать. Если это и свидетельство об оппозиционных настроениях при московском дворе начала XVI в., то их политические значения далеки от тираноборческих форм. Готовность говорить *встречу* характеризует, как правило, желание исправить государя, наставить его на путь истины. Этот путь, как позднее в оценках Котошихина, противопоставляет нынешнего правителя прошлым (Берсенья сравнивал Василия III с его отцом, Иваном III). Непокорного не защищают никакие права, его ждет смерть. Таким запомнился слуга Курбского Василий Шибанов, не побоявшийся прилюдно отстаивать чистоту помыслов своего господина перед царем Иваном Васильевичем⁴⁸⁵. Во время восстания Лжедмитрия II стародубский сын боярский «говорил царю Василью встрешно» о том, что Шуйский узурпатор, – не побоявшись умереть под пытками за царя Дмитрия Ивановича⁴⁸⁶. Во всех подобных случаях встреча предполагает не политическое право, а христианскую обязанность одиночек умереть за правду перед лицом высшей власти.

Монархическая власть не ограничивалась, а усиливалась, когда ей перечили. Ее идеал предполагал, что власть воплощает и осуществляет наилучшее политическое состояние и соответствующий ему образ благополучия, который в российской культуре XV–XVII вв. сформировался вне традиций Аристотеля и Платона и без выраженных следов университетской схоластики. Обучение будущих правителей не предполагало таких глубоких познаний о европейских порядках, как позднее в самооценках Екатерины II («республиканская душа»)⁴⁸⁷, наставлениях Ф.-С. Лагарпа и М. Н. Муравьева будущему Александру I и великому князю Константину Павловичу, а В. А. Жуковского – Александру II. Первые известные прецеденты XVII в. больше говорят о значении придворного образа жизни и любознательности учеников, чем об особых программах воспитания. Рано умерший царевич Алексей Алексеевич (1654–1670), помимо духовного чтения и учебных книг, имел в своей библиотеке «Летописец вкратце царем и великим князем» и «Собрание патриарха Никона», воспитываясь в духе «Степенной книги» и Лицевого летописного свода. В целом мало нарушал эту линию и подаренный ему далекий

⁴⁸³ Gruber I. From Bethlehem to Beloozero: Biblical Languages and National-Religious Boundaries in Muscovy // Russian History. Vol. 41 (2014). No. 1. P. 8–22.

⁴⁸⁴ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени: (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 272, 284. Показательно здесь дискуссия А. А. Зимина с традицией В. О. Ключевского видеть во взглядах И. Н. Берсенья Беклемишева «философию политического консерватизма». Фоном для рассуждений исследователя служат перспективы создания сословно-представительной монархии и обязанность разумно управлять страной при поддержке мудрых советников, т. е. взгляды, которые, как считал А. А. Зимин, разделяет А. М. Курбский.

⁴⁸⁵ Ерусалимский К. Ю. На службе короля и Речи Посполитой. М.; СПб., 2018. С. 353–355.

⁴⁸⁶ ПСРЛ. Т. 14. М., 2000. С. 76. См. также: Козляков В. Н. Служилые люди России XVI–XVII веков. М., 2018. С. 61.

⁴⁸⁷ Хархордин О. В. Республика. Полная версия. С. 98–105.

от разномыслия и республиканских идей «Жезл правления» Симеона Полоцкого (1666–1667). Впрочем, в собрании царевича были глобусы, географические описания, 137 книг на иностранных языках и «книга Аристотелева, книга Монархия»⁴⁸⁸. После Смуты звучали новые для российских властей понятия, и ими все больше проникались сами правители. *Общее благо* звучит в письмах царя Алексея Михайловича. Это понимание *блага* нетрудно отличить от ренессансного понимания *республики*. Царю приходилось подавлять сторонников низложенного патриарха Никона, обвиняя их среди прочего в латинских наклонностях (за это пострадали митрополиты Павел Крутицкий и Илларион Рязанский). Казнь английского короля Карла I и изгнание его сына, Карла II, вызвали в Алексее Михайловиче сочувствие к гонимым. В июне того же года английским купцам был запрещен проезд по территории России дальше Архангельска⁴⁸⁹. Епифаний Славинецкий подготовил неизвестный в наши дни перевод английского трактата «О убиении короля аггельского», а в архиве Тайного приказа сохранился перевод из «печатного листа» о казни короля, в котором приведены его слова на эшафоте о нежелании дать народу «чрезмерную волю»⁴⁹⁰. *Благо*, таким образом, понимается как всеохватное богоугодное делание (*радение, служба*), исчерпывающее гражданскую роль подданных и препятствующее мятежам и бесчинствам. Первыми среди равных будут и монархи в самых разных значениях, в числе прочих они – граждане своего православного отечества. Учителя будущего царя Федора Алексеевича (прежде всего Симеон Полоцкий) привили ему любовь к польской культуре, сказавшаяся на ходе реформ в духе шляхетской республики в 1676–1682 гг.

В опричной и послеопричной России возникали характерные формулы *общего дела*, которые были направлены на сплочение элит вокруг монарха. Помимо чрезвычайного крестоцелования действовал принцип общих пиров и трапез, который закрепился в правление Бориса Годунова. Придя к власти, царь Борис Федорович ввел особую присягу себе и своим потомкам, обязательную трапезную молитву о многолетии царской семьи с испитием чаши о здравии господара «на трапезах и вечерах»⁴⁹¹. Обычай отразился в таком сатирическом памятнике XVI–XVIII вв., как «Повесть о бражнике» (в 1664 г. попавшем в список «отреченных книг») ⁴⁹². Несмотря на закрытый и предписанный формат присяг, клятв и здравий, они выполняли более широкую социальную функцию, формируя образы царя и царской семьи как главной ценности не только для бюрократии и элиты, но и для низших слоев. Этот образ наполнялся ритуальными смыслами благодаря таким церемониям, как Шествие на ослати или Водосвятие, публичному празднованию рождения царских детей и именин царя и членов его семьи, а также благодаря публичным казням «изменников» и «богохульников». И Григорий Котошихин, и Юрий Крижанич видят в публичных церемониях важный ресурс для сплочения московского «народа». Впрочем, использование официальной московской документации, а в равной мере записок иностранных агентов о России, для выявления республиканских дискурсов

⁴⁸⁸ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 2005. С. 655–656.

⁴⁸⁹ Anderson M. S. English Views of Russia in the 17th Century // The Slavonic and East European Review. Vol. 33 (1954). No. 80. P. 140–160, здесь P. 141–142.

⁴⁹⁰ РГАДА. Ф. 27 (Разряд XXVII. Приказ Тайных дел). Оп. 1. № 64. Л. 1–14. См. также: Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа. XII–XVII вв. М., 1973. С. 340–341; Андреев И. Л. Алексей Михайлович. 2-е изд. М., 2006. С. 393–394.

⁴⁹¹ Орлов А. С. Чаши государевы // ЧОИДР. Кн. 4. М., 1913. С. 13–14; Соколова Л. В. Чаши государевы задравные // Грузинская и русская средневековые литературы. Тбилиси, 1992. С. 191–208. Эту точку зрения важно отличать от концепции «народной монархии», в которой церемонии рассматриваются как популярные социальные жесты. Обратная точка зрения, согласно которой ритуал конструирует свои составляющие, включая «народ», «чернь», «собор» и т. д., требует иной исследовательской оптики и выходит за рамки данной концепции. Превращение *народного* тезауруса в *национальный* – предмет либеральной историографии рубежа XIX–XX вв. и ее наследников, далекий от проблематики нашей работы. См. об этом: Perrie M. The Muscovite Monarchy in the Sixteenth Century. P. 233–236.

⁴⁹² Семячко С. А., Смирнов И. П. Повесть о бражнике // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3: (XVII в.). Ч. 3. Санкт-Петербург, 1998. С. 85–89; Пигин А. В. Древнерусская Повесть о бражнике в интерпретации старообрядческих полемистов // Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Litteraria Rossica. 2015. С. 261–269.

крайне затруднено. Если властные образы «общего дела» излучают репрессивные политические значения и весьма незначительно ретушируют «дело государя» теми или иными формулами совместного делания, то для иноземных агентов политические формы были по определению скрыты фигурой высшей власти и ее ведомств, бросающих тень на любые самостоятельные репрезентации. Сопrotивление высоким языкам в городской сатире XVII в. не складывается в доктрины, однако намечает в своем роде протестные светские и шутовские ритуалы «босоты и наготы»⁴⁹³.

Путь к снятию, к последней стадии идентификации (растождествлению) был закрыт европейскими мыслителями, описывающими деспотизм и тиранию *Востока*, *Московиш* или *Болгарши*. Когда Ивэр Нойманн пишет о рождении европейского политического Я, он не учитывает выводов Маршалла По об органичности идеи московской тирании в европейской политической мысли⁴⁹⁴. По мнению данного исследователя, в рамках европейских – главным образом аристотелианских – дефиниций определение строя московитов как тирании было выводом из собранных фактов, а не русофобским вымыслом. Как *тирания* в чистом виде, так и *тирания без тирана* обсуждались между московитами и европейцами на всем протяжении XVI–XVIII вв. «Просветитель» Иосифа Волоцкого воссоздает библейский (прежде всего новозаветный) образ «нечестивых царей», которым противостоят их жертвы – мученики⁴⁹⁵. Князь Семен Бельский на пиру у хана Сахиб-Гирея в 1537 г. заявлял, что «тиранством» и «новшествами» московский государь («царь») отвратил от себя народ, крымский хан мог бы легко разогнать тамошнее войско и часть народа, а другая, большая, примет самого Бельского своим великим князем при поддержке хана⁴⁹⁶. Пользовавшийся русской калькой слова *тиран* (т. е. *мучитель христиан*) князь Андрей Курбский в своих сочинениях, написанных в эмиграции, объяснял порабощение русской знати тем же, что Бельский рассчитывал обратить себе на пользу, – союзом монгольской тирании и московского властного безбожия⁴⁹⁷.

Апофеозом в противостоянии московской политической доктрины с республиканизмом стала переписка Ивана IV со Стефаном Баторием в июне—сентябре 1581 г., когда польский король возобновил войну против Москвы и втянулся в многостраничную литературную полемику со своим врагом. Фоном для упреков со стороны короля послужило одно из посланий царя от 29 июня, в котором прозвучали выпады о нарушении королем древнего посольского обычая, преступлении договоров, следовании басурманским обычаям, унижении московских послов и соединении на войну вместе с изменниками царя. В подтексте звучало обвинение всей политической системе противника: король, по мысли Ивана IV, был не ровня царю, незаконный, поскольку избран на престолы – и то в обход законно избранного правителя (т. е.

⁴⁹³ Лихачев Д. С. Поэтика литературы // Художественно-эстетическая культура Древней Руси. XI–XVII века. М., 1996. С. 379–380.

⁴⁹⁴ Нойманн И. Б. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004. С. 109.

⁴⁹⁵ Soldat C. The Limits of Muscovite Autocracy. P. 270–272.

⁴⁹⁶ Зайцев И. В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя: (начало XV – первая половина XVI в.). Очерки. М., 2004. С. 142–143.

⁴⁹⁷ До недавнего времени считалось, что аналогом понятия *тиран* в московской культуре является калька *мучитель*. Именно ее применяет к Ивану Грозному Андрей Курбский (*Goldfrank D. M. The Deep Origins of Tsar'-Muchitel': A Nagging Problem of Muscovite Political Theory // Russian History. Vol. 32 (2005). No. 3–4. P. 341–354; Каравашкин А. В. Власть мучителя. Конвенциональные модели тирании в русской истории // Россия XXI. 2006. № 4. С. 63–64; Halperin Ch. Ivan the Terrible. P. 70*). Однако словоформа *тиран* обнаружена в кириллических документах, составленных в Швеции в пропагандистских целях и имевших какое-то распространение в Московском государстве уже на рубеже 1570–1580-х гг. (*Селин А. А. Новые материалы об идеологической борьбе в годы Ливонской войны // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 12. СПб., 2006. С. 34–37*).

императора Максимилиана II), не имевший династических прав на свои престолы (и незаконный правитель Ливонии и Пруссии), ставленник Османской империи (верный турецким обычаям) и неблагочестивый (с аналогиями из древней истории). Тем не менее достигший Святого престола латинский перевод этого послания дважды передает термином *Res publica* обозначение общего христианского единства или же власть правителя в своей стране («*de communi Reipublicae commodo*», «...*et quod nos detrimentum Reipublicae nostrae a nostris perfidis accipere gaudebas*»)⁴⁹⁸. В ответном послании от 2 августа, которое было направлено в Москву одновременно на латыни и на русском языке Речи Посполитой, король Стефан обрушился на московскую тиранию, возводя избирательную монархию и политическую систему Речи Посполитой ко временам Римской республики и указывая на права граждан выбирать себе добродетельных правителей, каковым царь в Москве не является, будучи образцовым наследником древних и недавних тиранов и подлинным басурманином, гонителем своих подданных и наследником ханов, у которых его предки слизывали кумыс с конских грив. Кроме того, король неоднократно употреблял понятие *Res publica* в значении *государство* (каковым в понимании короля была и древняя Римская республика, и ее имперские наследники: «*Voce ea Latini Imperium et potestatem humanam significant cuius quidem verbi usus a Republica Romanorum promanavit [или manavit], qui id non tam summo alicui Magistratui, quam ipsi populo universo [или universo Romano] tribuerunt*»)⁴⁹⁹. Два значения (тираноборческое и институциональное) в этом сочинении короля и его советников были соединены в неразрывное целое. Иван Грозный иронизировал уже в сентябре на переговорах с посредником и представителем Святого престола Антонио Поссевино в ответ на прямые упреки со стороны Стефана Батория в *тирании*, сходной с библейской египетской, что фараоны были свободными правителями и «дань» – которой требовал король с Москвы в качестве контрибуции – никому не платили («...фараон египетской никому дани не даывал»⁵⁰⁰). Обвинения в тирании царь Иван Васильевич парировал, превращая обличения своего политического типа в защиту суверенитета. Выбор между утратой суверенитета и тираническим правлением московский монарх решал осознанно в пользу *тирании*, хотя понимал, что его обличают и упрекают в неуважении добродетельных форм правления. Царь знал о *правах и свободах* шляхты и условиях выборов короля после смерти Сигизмунда II Августа и побега Генриха Валуа из Кракова, однако лавировал и, по всей видимости, готов был сохранить политические устои Короны Польской, но не собирался идти на уступки Панамраде Великого княжества Литовского (включая Киев и Волынь).

Уже в Смутное время возникли проекты, весьма похожие по идее и форме на присяги польских королей. Их основная часть по имени Генриха Валуа называлась *Генриховыми артикулами*, а дополнения (предназначенные изначально для французских послов на сейме 1573 г.) – *Pacta conventa*. После смерти Сигизмунда III Вазы, с 1632 г. две эти части взаимно дополняли друг друга в королевской присяге, произносимой при вступлении на престол. Договорные «статьи» в России отразились в ряде памятников, испытавших влияние польско-литовской традиции. Еще на первых выборах польско-литовского монарха после смерти Сигизмунда II Августа Панове рада прислали в Москву Ивану IV статьи, в которых указывались договорные основы возможного избрания московской кандидатуры, и царь обсуждал с посланниками Речи Посполитой *права и свободы* на случай своей победы на выборах⁵⁰¹. Во время Смуты приня-

⁴⁹⁸ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. № 13. Л. 42 об. – 65 об., 89–93 (л. 66–89 утрачены); Ф. 389. Оп. 1. № 591. Л. 515–529; № 592. Л. 130–144 об.; Biblioteka ks. Czartoryskich w Krakowie. № 1664. S. 201–226; № 307. S. 351–361; № 310. S. 65–89; Archivio Apostolico Vaticano. Segr. di Stato. Polonia. № 15. F. 156–160.

⁴⁹⁹ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. № 591. Л. 546 об. – 575; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. № 592. Л. 163 об. – 200; Biblioteka Narodowa w Warszawie. № 6604. К. 1–33; Biblioteka Kórnicka PAN w Kórniku. № 982. S. 44–54; GStA-PK. HBA 719. E5. F. 2–18; Archivum Romanum Societatis Iesu. Polonia. Opera nostrorum. № 329 I. F. 2–23v; РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. № 13. Л. 265 об. – 350.

⁵⁰⁰ РГАДА. Ф. 78 (Сношения России с римскими папами). Оп. 1. Кн. 1. Л. 267.

⁵⁰¹ Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. М., 1978. С. 46–119.

тие договорных грамот в самом Московском государстве обсуждалось неоднократно: крестоцеловальная грамота Василия Ивановича Шуйского 19 (29) мая 1606 г.; договор послов Лжедмитрия II с Сигизмундом III Вазой 4 (14) февраля 1610 г.; окружная грамота Боярской думы 20 (30) июля 1610 г., договор бояр с представителями Сигизмунда III и наказ со «статьями» послам к королю под Смоленск от 17 (27) августа 1610 г. в качестве условия воцарения королевича Владислава в России; приговор 30 июня (10 июля) 1611 г.⁵⁰² Соглашение между Станиславом Жолкевским и Григорием Леонтьевичем Валуевым в Клушине от 29 июня (9 июля) 1610 г. развивало условия, достигнутые ранее под Смоленском (Валуев и его соратники принесли при этом присягу королевичу Владиславу Жигимонтовичу)⁵⁰³. Сравнение этих обязательств высшей светской власти перед *землей и всякими людьми* показывает, что уже между февралем и августом 1610 г. у московских политических сил оформилось требование невмешательства во внутреннюю жизнь страны. «Собственно говоря, – пишет В. Н. Козляков, – это и был негласный „общественный договор“ Московского государства, разрушенный в Смутное время»⁵⁰⁴. К этому мнению важно было бы все же добавить, что по форме этот «договор» предполагал вхождение Российского царства в сферу польско-литовского республиканизма. От этого вывода уходили российские исследователи Смуты, видя в нем идею зависимости и подчиненности российской политической культуры. Одну из самостийных концепций предложил Ю. В. Готье, доказывавший, что самодержавие от слабого Федора Ивановича и избранного царя Бориса Годунова и самозванца Дмитрия Ивановича, будто бы подготовленного боярским заговором в Москве и смещенного им же, само деградировало до состояния, при котором договорные записи стали возможны⁵⁰⁵. Этот вывод подменяет вопрос об источниках документа его «исторической необходимостью». Впрочем, согласно логике Готье, попытки боярства чуть было не увенчались успехом в момент свержения Василия Шуйского и принятия московской «семибоярщиной» ограниченной версии договорных статей 4 (14) февраля 1610 г., в которых «чувствуется влияние польско-литовского государственного строя»⁵⁰⁶.

Обещания боярина кн. В. И. Шуйского перед вступлением на престол подробно обсуждаются в «Новом летописце». Будто бы боярин сначала обещал целовать крест всей земле, «что мне ни нат кем ничево не зделати без собору никакова дурна... а которая де была грубость при царе Борисе, никак никому не мститель», – а хотя бояре и «всякие людие» начали отговаривать его, поскольку таких обрядов в Московском государстве «искони век... не повелось», будущий царь не отказался от своих слов, а присутствующие целовали ему крест после совершения обряда самим Шуйским, не посоветовавшись «со всею землею и з городами»⁵⁰⁷. Василий Иванович обещал осуждать на смерть и лишение имущества «всякого человека» только боярским судом, а у ближних родственников отнимать имущество, только если они были «в одной мысли» с преступником. Слова об игнорировании «всей земли и городов» можно отбросить, поскольку они отражают негативное отношение к самой договорной практике со стороны автора «Нового летописца», оценивавшего события Смуты с точки зрения

⁵⁰² *Кобрин В. Б.* Смутное время – утраченные возможности // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX в. / Сост. С. В. Мироненко. М., 1991. С. 176–182; *Крамми Р. О.* «Конституционная реформа» в Смутное время // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Период Киевской и Московской Руси: Антология / Сост. Дж. Маджеска; пер. с англ. З. Н. Исидоровой. Самара, 2001. С. 240–258; *Флоря Б. Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. С. 115–137; *Hellie R.* Did Russians Ever Hope for Non-Autocratic Rule? // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 28 (2006). No. 1/4. P. 471–482; *Козляков В. Н.* Смутное время в России начала XVII века. М., 2021. С. 299–301, 340–344.

⁵⁰³ *Бутурлин Д. П.* История Смутного времени в России в начале XVII века. С. 259, см. также с. 276–277, 453–482 (Наказ посольству к Сигизмунду III Вазе. Москва, 17 августа 1610 г.).

⁵⁰⁴ *Козляков В. Н.* Василий Шуйский. М., 2007. С. 235–237, цит. со с. 236.

⁵⁰⁵ *Готье Ю. В.* Смутное время. М., 2019. С. 49–50.

⁵⁰⁶ Там же. С. 67–68.

⁵⁰⁷ ПСРЛ. Т. 14. М., 2000. С. 69.

эпохи монархической реставрации⁵⁰⁸. Договорные статьи в грамоте Шуйского, на которой было принесено взаимное целование креста будущим царем и его подданными, соединяют польско-литовскую и российскую правовые практики. Из реалий Речи Посполитой заметно влияние клаузулы Литовского Статута 1529 г. и последующих редакций разд. I арт. 1, в котором господарь гарантировал справедливый суд, прежде чем наступает наказание. Отчасти также – *Генриховские артикулы*, в которых король обязывался соблюдать законы, подчиняться постановлениям Сейма и согласовывать с ним свои важнейшие решения, или приложения к ним – *Pacta conventa*. Впрочем, статус обязательств Василия Шуйского и последующих грамот был ближе к последним, поскольку конституционных гарантий будущие цари никому не давали, соглашаясь лишь с существующим устройством и отказываясь, вполне в духе принципов предшествующего века, преследовать врагов предыдущего правителя.

Хотя Василий Шуйский придерживался обязательств перед *всей землей*, и его обязательства, и другие подобные контрактные выступления были выдвинуты еще до обряда коронации (венчания на царство) и не были подтверждены ни одним венчанным московским царем и не превратились в определенный порядок при помощи особого указа или уложения. Кроме того, республиканская терминология в данных актах отсутствует или сглажена, хотя обязательства царей перед церковными главами, землей, собором и служилыми людьми были беспрецедентны в истории России. Избрание на царство *всей землей* вносило дополнительную легитимность в самодержавие Бориса Годунова, Василия Шуйского, Владислава Жигимонтовича и Михаила Романова, однако из них только царь Василий Иванович ссылался на приговор *земской думы* о своем избрании (во время заговора декабря 1608 – 17 февраля 1609 г.)⁵⁰⁹. Конструкты *вся земля*, *земская дума*, *всякие люди* или *все чины* переводились на язык польско-литовского республиканского устройства. Именно такого взаимопонимания искало руководство Московского государства в переговорах со Станиславом Жолкевским в августе 1610 г., готовя послов под Смоленск, которые должны были передать: «А будет король или паны рада учнут говорить, что без большого сойму, не прирадя всею землею, государю королевичу в Московское государство идти нельзя, и для того король велит сойм учинити Коруны Польские и Великого княжества Литовского всем людем, и они б дожидались сойму; а на сойме король о всех делех постановя, королевича на Московское государство отпустить»⁵¹⁰. Польско-литовские политические реалии в сознании патриарха Гермогена и других московских властей содержали практически все аналогии московского устройства. *Королю* соответствовал *царь*, *Панам раде* – *Бояре*, *Сейму* – *Собор всей земли* (в отличие от *освященного собора*, который выступает также в формуле *патриарх и весь собор*) или *Вся земля, станам* (сословиям) – *все чины* или *все люди*. Постановление *о всех делех*, которое в наказе послам применяется также к российским реалиям (например, к договорным *статьям* в формуле *бити челом о делех*), соответствует польско-литовским сеймовым решениям, т. е. *конституциям*.

Обязательства высшей светской власти и *земли* выросли обоюдно. Было бы неверно считать, что эти клятвы вносили ограничения только в полномочия власти. Если не считать ссылки на целование креста Ивану IV в окружной грамоте царевича Дмитрия Ивановича (Лжедмитрия I) от ноября 1604 г. (в достоверности которой можно сомневаться)⁵¹¹, до времени царя Федора Ивановича нет прямых свидетельств о приведении к крестоцелованию всего правоспособного населения Российского царства. Даже сторонники договорных отношений (например, Федор

⁵⁰⁸ *Вовина-Лебедева В. Г.* Новый летописец: история текста. СПб., 2004. С. 315–327.

⁵⁰⁹ О датировке заговора кн. Р. И. Гагарина и др. см.: *Козляков В. Н.* Смутное время в России начала XVII века. С. 253–254 (прим. 149), 254–256.

⁵¹⁰ *Бутурлин Д. П.* История Смутного времени в России в начале XVII века. С. 480 (Москва, 17 августа 1610 г.).

⁵¹¹ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук. Т. 2. СПб., 1841. С. 76–77. № 61 (Ноябрь 1604 г.). См. также: *Козляков В. Н.* Смутное время в России начала XVII века. С. 91–92.

Карпов или Андрей Курбский) не упоминают никаких взаимных клятв при Василии III или Иване Грозном и к таковым не призывают. Соборное утверждение Бориса Годунова на царство, по всей видимости, сопровождалось всенародным крестным целованием о верности царю и его потомкам по формуле: «На том, рече, целую крест, как в сей записи писано»⁵¹². Утвержденные грамоты 1598 г. хранились в царских палатах и Успенском соборе Кремля⁵¹³. Лжедмитрий I привел население к присяге в июне 1605 г. После его свержения царица-инокиня Марфа Нагая и царь Василий Шуйский пытались снять клятвенные обязательства перед царем Дмитрием Ивановичем, представляя их как клятвопреступные по отношению к более ранним обязательствам патриарху Иову. В свою очередь Лжедмитрий II в своих грамотах (в частности, в Смоленск в апреле 1608 г.) допускал прощение для всех присягнувших на верность Шуйскому и даже для самого московского узурпатора (хотя они забыли царское крестное целованье ему, т. е. еще Лжедмитрию I), но считал исконным и нарушенным кознями Бориса Годунова крестное целование себе и Ивану IV: «И его Борисовы советники Богдан Яковлев сын Бельской, да Ондрей Петров сын Клешнин, да Василей Щолкалов отрынули от себя его злокозненный умысл и принесли искреннюю благодать во сердцах своих, и помня нам великим государем крестное целованье, как блаженное памяти государю нашему батюшку царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси и нам крест целовали...»⁵¹⁴. Этот вымысел свидетельствовал об остроте для Лжедмитрия II, как и для царя Василия Ивановича, вопроса о снятии общей присяги царю Борису Федоровичу. Из сказанного следует, что соборные гарантии *всей земли* на воцарение Бориса Годунова современниками воспринимались как общегосударственная присяга. Подобные присяги повторялись при каждом новом правителе в Москве, а сам этот механизм вплоть до решений Земского собора 1613 г. был беспрецедентным в истории России соединением присяги на верность и соборных выборов нового монарха и династии. В этих условиях названные выше крестоцеловальные записи избираемых на трон правителей перед *землей* задумывались в качестве *Pacta conventa*, но ни разу не были утверждены ни земскими соборами, ни высшей духовной властью. Сами претенденты на престол, в отличие от королей Речи Посполитой и других европейских стран, воспринимали обязательства перед *землей* как вторичные по отношению к соборному и присяжному определению своей царской и великокняжеской власти.

Память о событиях Смуты сохранялась на протяжении XVII в. Григорий Котошихин считал, что московские цари после Ивана IV избирались на трон (*обираны на царство*) и принимали на себя обязательства (*нисма*) перед людьми править справедливо. Подразумевались при этом Федор Иванович, правители эпохи Смуты и Михаил Федорович. Царь Алексей будто бы эту традицию нарушил⁵¹⁵. Это упоминание отчасти подтверждается сведениями псковского сказания начала XVII в. «О бедах и скорбях и напастях» о том, что Михаила Романова бояре «к роте приведоша», а также в сочинениях В. Н. Татищева (1730 г.), Филиппа Юхана Табберта Страленберга (1730 г.) и Иоганна Готтхильфа Фоккеродта (1734–1737 гг.)⁵¹⁶. Возможно,

⁵¹² Бутурлин Д. П. История Смутного времени в России в начале XVII века. С. 371 (Москва, 20 февраля 1607 г.).

⁵¹³ Там же. С. 374–375 (20 февраля 1607 г.).

⁵¹⁴ Бутурлин Д. П. История Смутного времени в России в начале XVII века. С. 382–384 (Орел, 24 апреля 1608 г.).

⁵¹⁵ Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича / Подг. Г. А. Леонтьевой. М., 2000. С. 150. Вряд ли данная точка зрения была широко распространена в России. Ее высказал Котошихин в своей записке о Московском государстве уже в Швеции (1667 г.), доказывая при этом незаконные и нарушающие традицию тяготения Алексея Михайловича к автократии. См. об этом в упомянутых ниже работах Дж. Уайкхарта, а также: Шмидт С. О. Русская эмиграция и ее влияние на отечественную историческую мысль // Документальное наследие по истории русской культуры в отечественных архивах и за рубежом. Материалы международной научно-практической конференции 29–30 октября 2003 г. М., 2005. С. 11–64, здесь с. 18–21.

⁵¹⁶ Л. В. Черепнин занял двойственную позицию, сомневаясь, что присяга была принесена, но при этом считая сведения о «роте» царя Михаила перед собором «шагом на пути эволюции сословно-представительной монархии в сторону от опричного „образца“, учрежденного Грозным» (Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 204–211, цит. на с. 210). В. Н. Козляков, развивая точку зрения С. Ф. Платонова, парирует, что все названные источники недо-

псковский аноним и перебежчик Котошихин тенденциозны, отстаивая идеалы времен Смуты, а авторы XVIII в. – политическую культуру эпохи *кондиций*. Однако сомнения в существовании обязательств Михаила Романова перед знатью, как представляется, беспочвенны. Во-первых, хорошо известна крестоцеловальная окружная грамота Совета всея земли от февраля 1613 г., и она должна была рассматриваться как гарантия взаимных обязательств между царем и подданными. Во-вторых, обязательства верховной власти отражены в местнической политике. Как отмечает Ю. М. Эскин, утвержденные грамоты 1598–1613 гг. в равной мере гарантировали сохранение прав «чиновных людей», что преподносилось как двуединое обязательство – подчинение элиты самой власти и установленным порядкам службы и мест, т. е. по сути гарантии стабильности самих элит со стороны власти⁵¹⁷. Впрочем, существенная оговорка о значении утвержденных грамот в московской политической жизни заключается в том, что известные ныне грамоты «1598 г.» и «1613 г.» не могут относиться к фактическому времени восшествия на престол Бориса Годунова и Михаила Романова, а созданы соответственно около 1599 г. и в 1616–1617 гг. и дополнены подписями задним числом⁵¹⁸. Не случайны и делопроизводственные ссылки на прощение «прежних вин», означавшие всеобщую амнистию после Смуты для подданных Михаила Романова⁵¹⁹. Прощение упоминалось в приказной документации от имени царя и коснулось многих воевод и детей боярских, побывавших на службе у Лжедмитрия II и Владислава Жигимонтовича (в их числе – Ф. К. Плещеев, Г. Н. Орлов, кн. Ф. Т. Черново Оболенский и др.)⁵²⁰. Маловероятно, что эти гарантии не были прописаны особым указом и произнесены царем Михаилом Федоровичем прилюдно. Наконец, в-третьих, крестоцеловальные обязательства Алексея Михайловича упоминали челобитчики 2 июня 1648 г. («помня государево крестное целование», соответственно в шведском переводе того времени: «чтобы ты твою данную присягу и обещание вспомнить захотел»), которую И. Л. Андреев понимает как ограничительный документ при венчании на царство⁵²¹, а Д. А. Ляпин – как крестоцеловальную грамоту⁵²². Д. А. Ляпин полагает, что под крестным целованием могла пониматься присяга народа царю, а не его присяга народу. Однако и конструкция фразы в челобитной, и сама практика взаимных обязательств при целовании креста этому выводу противоречат. Еще одним аргументом в пользу концепции И. Л. Андреева является неоднократная готовность Алексея Михайловича присягать на «правах и вольностях» казакам и своим предполагаемым подданным Речи Посполитой, к чему мы обратимся чуть позже.

Царская власть в России постепенно и эпизодически проникалась понятиями республиканского тезауруса. Прежде всего, в русской истории XVI – начала XVII в. было немало примеров негласных царей, и приходилось признавать как тиранические злоупотребления предков, так и целые злые правления. Из примеров внутренней тирании в российской книжности сложилось согласие, не выраженное ни в одной строгой доктрине⁵²³. Эти интеллектуалы не имели в России печатной аудитории, но излагали свои взгляды в беседах и набирались мнений в

статочны надежны и поиск подобных источников является «тупиковой темой для исследования» (Платонов С. Ф. К истории московских земских соборов. М., 2018. С. 73–74; Козляков В. Н. Московское царство. СПб., 2019. С. 184–193, цит. на с. 193).

⁵¹⁷ Эскин Ю. М. Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. С. 141–147.

⁵¹⁸ Лисейцев Д. В. К датировке составления царских утвержденных грамот конца XVI – начала XVII в. // Мининские чтения: Труды участников международной научной конференции. Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (24–25 октября 2008 г.). Нижний Новгород, 2010. С. 24–31.

⁵¹⁹ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Московского стола. Оп. 9. 1640 г. Ст. 157. Л. 22, 23. См. также: Ерусалимский К. Ю. На службе короля и Речи Посполитой. С. 478.

⁵²⁰ Кабанов А. Ю., Рабинович Я. Н. Смутное время начала XVII века. С. 5–22, 51–68, 69–88.

⁵²¹ Челобитная «мира» московского царю Алексею Михайловичу 10 июня 1648 г. // Общественная мысль России XVI–XVII вв. Т. 2: Московское царство / Сост. И. Л. Андреев. М., 2010. С. 455.

⁵²² Ляпин Д. А. Царский меч: социально-политическая борьба в России в середине XVII в. СПб., 2018. С. 98.

⁵²³ Вальденберг В. Е. Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. М., 2006; Rowland D. B. Did Muscovite Ideology Place Limits on the Power of the Tsar (1540s – 1660s) // Russian Review. Vol. 49 (1990). P. 125–155.

повседневной жизни. Памятники, содержащие опасные мысли, имели неравное влияние и круг читателей. «Временник» Ивана Тимофеева и «Описание» Григория Котошихина сохранились в одном списке и не имели хождения. При этом Джордж Уайкхарт отмечал, что взгляды Котошихина сближаются с идеями его британских современников Томаса Гоббса и Джона Локка в представлении о необходимости контракта властителя и подданных и ограничении самодержавия законами⁵²⁴. Их современник Готфрид Вильгельм Лейбниц на польских выборах короля в 1668–1669 гг. боролся против российской кандидатуры, видя в ней автократическую угрозу для прав и свобод Речи Посполитой, Европы и «всего христианства»⁵²⁵. Московские учения об ограничении власти были в то время неизвестны и никак не влияли на образ страны. Впрочем, примеры более популярных текстов об обязанностях и злоупотреблениях власти также есть. «Словеса дней и царей» Ивана Хворостинина известны в трех списках, а взгляды опального придворного обсуждались соборно⁵²⁶. «История» Авраамия Палицына, послания протопопа Аввакума и пришедшая в рукописную традицию к 1670-м гг. «История» Андрея Курбского – в десятках читаемых списков к началу XVIII в. Истории павшего Российского царства, погруженного в Смуту, создавали по крайней мере образ разрушительных ошибок, ведущих к гибели династии и множества людей и к многолетним тяготам всей страны. Препятствовать этому должны были как цари новой династии, так и ее православные защитники.

Диалог с соседней страной, в которой *права и вольности* были предметом гордости и политическим устройством, в Москве считали допустимым. Когда в 1655 г. Речь Посполитая погрузилась в Потоп и Ян Казимир бежал в «Венгерские горы», в Москве отказались признавать власть короля, но царь Алексей Михайлович обязался перед Сенатом и шляхтой Великого княжества Литовского не нарушать их «веры, прав и вольностей»⁵²⁷. Российские власти готовы были признать политические институты республиканского государства, если бы оно в лице своих граждан приняло подданство московского царя. С другой стороны, перед нами условности делового этикета, за которым расхождение политического устройства монархии и республики не менее очевидны. Прежде всего, Москва диктовала Варшаве свои условия с позиции силы, считая Великое княжество Литовское уже своей собственностью и предлагая королю и сословиям Речи Посполитой сохранить федерацию, что было всего лишь уловкой, чтобы «под рукою» царя оказалась еще и Корона Польская⁵²⁸. Во-вторых, в ходе переговоров в Немежи в августе 1656 г. московское представительство настаивало на избрании царя на трон Короны и Литвы при живом короле Яне Казимире (*vivente rege*), что грозило очевидным для партнеров нарушением *прав и свобод* их страны⁵²⁹. В Москве рассматривались *Pacta conventa* (договорные *статьи*) также во время выборов в Речь Посполитой в 1668–1669 гг., а уже на выборах 1674 г. посол В. М. Тяпкин передал в Москву обширный документ, отложившийся в Посольском приказе под названием «Перевод статей постановленного уговоренного от чинов Речи Посполитой Коронной и Великого княжества Литовского и государств, к ним надлежащих...», в котором заключались *Pacta conventa* (*присяжная запись*) короля Яна III Собеского. Язык перевода, как отметил А. В. Богатырев, говорит о некоторой чуждости политической культуры Речи Посполитой для московских реалий: польск. *dygnitarstwa, stany* и лат. *ordinum*

⁵²⁴ Weickhardt G. G. Political Thought in Seventeenth-Century Russia. P. 321, 337. См. также: *Idem*. Kotoshikhin: An Evaluation and Interpretation // Russian History. 1990. Vol. 17 (1990). No. 2. P. 127–154, здесь P. 135, 148–149, 153–154.

⁵²⁵ Wójcik Z. Russian Endeavors for the Polish Crown in the Seventeenth Century // Slavic Review. Vol. 41 (1982). P. 67–68. О российском опыте в доктрине Лейбница см.: Мезин С. А. Петр I, Лейбниц и Сперанский // Российская история. 2011. № 1. С. 115–120.

⁵²⁶ Семенова Е. П. И. А. Хворостинин и его «Словеса дней» // ТОДРЛ. Т. 34. Л., 1979. С. 286–297.

⁵²⁷ Флоря Б. Н. Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). М., 2010. С. 44.

⁵²⁸ Козляков В. Н. Царь Алексей Тишайший. С. 204–206, 210–212, 214–215, 220–221, 226–227, 242–249.

⁵²⁹ Wójcik Z. Polska i Rosja wobec wspólnego niebezpieczeństwa szwedzkiego w okresie wojny północnej 1655–1660. Warszawa, 1957. S. 27.

переведены при помощи моск.-русск. *чин*; лат. *civium* – *жители*; лат. *administrator* и *arendator* – в равной мере как *правитель, правления, наймы*; польск. *deputat* – *приназначенный* и т. д.⁵³⁰ В целом в Посольском приказе были хорошо знакомы с республиканским устройством, однако часть его понятий была непереводаема на московский русский язык или перевод значительно обеднил объем значений первоисточника. Таким было положение дел с республиканской терминологией во властных верхах Российского государства к началу XVIII в., когда в дипломатии уже широко использовалось понятие *вещь гражданская* (калька для *res publica*), однако в словарных текстах 1700-х гг. *гражданство* и *народное жителство* как прямые переводы соответствующих греческого и латинского образцов не имели политических коннотаций⁵³¹. Как уже говорилось выше, «гражданская» лексика еще в 1660-е гг. тесно увязывалась с Псковом и московско-псковскими отношениями, не предполагая обобщений для всего Российского царства, но допуская автономный от Москвы республиканский образ общежития в Пскове.

Помимо Речи Посполитой и Англии, пример республиканского строя показывали северные итальянские города-государства. Республиками (*гражданствами*) в середине 1650-х гг. считались в Москве Генуя и Лукка⁵³². Их политическое устройство в наименьшей мере волновало российскую власть, поскольку они входили в ареал дипломатии в направлениях Империи, Франции или Святого престола. О выборах «князя» (т. е. дожа) Венецианской республики можно было прочесть в Софийской II летописи (около 1518 г.) отдельный рассказ о посольстве Семена Толбузина в 1475 г. Нетитулованные кандидаты должны были быть умными и храбрыми, а назначение одного из них на высшую должность зависело от «малого дитяти», вынимавшего именные бобовые зерна из сосуда для голосования⁵³³. *Дож* и был известен в Посольском приказе при Иване Грозном как *венецианский князь*. Вся дипломатическая переписка велась с Венецией через *князя* как полномочного главу страны и при посредничестве римского папы. Как показывает М. А. Киселев, лишь в 1655 г. венецианского посла в Москве расспрашивали, кто в Венеции «князь именем или статьи»⁵³⁴. Под «статами» понимали форму государственного устройства, отличную от монархической. Примерами *Статов* для Посольского приказа служили Голландия после Революции и Англия времен протектората Оливера Кромвеля, а также с какого-то момента – *Речь Посполитая Венетейская*, *Речь Посполитая Немецкая* и *Речь Посполитая Женевская*⁵³⁵. Впрочем, понимание политического строя Венеции не сказалось на дипломатической адресации – посольство Ивана Чемоданова от царя направилось в следующем году к высшей власти республики в лице дожа и отказалось встречаться с сенаторами («владельцами»), когда выяснилось, что дож («князь») болеет, – даже если сенатор сядет «на княжьем месте»⁵³⁶. Таким образом, на переговорах москвиты использовали обычный еще со времен Ивана Грозного посольский прием, усомнившись в политических полномочиях сенаторов, которые исполняют свои функции всего по полгода («месяц по пяти и по шти»). «Великие люди» (сенаторы) избирались «всею землею»⁵³⁷. Это вполне переводилось на

⁵³⁰ Богатырев А. В. Русский текст «Pacta Conventa» Яна III Собеского и его польский первоисточник // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 19. М., 2020. С. 66–81, здесь с. 70, 72.

⁵³¹ См. здесь главу «Республиканская идея в России в век Просвещения» (К. Д. Бугров, М. А. Киселев).

⁵³² Киселев М. А. Форма правления и социальная иерархия в российской политической мысли XVII – первой четверти XVIII века. С. 35–36. См. также: «Республиканская идея в России в век Просвещения» (К. Д. Бугров, М. А. Киселев).

⁵³³ Казакова Н. А. Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков. С. 119–121.

⁵³⁴ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными (далее – ПДС). Т. 10. СПб., 1871. Стб. 865. См.: Киселев М. А. Форма правления и социальная иерархия в российской политической мысли XVII – первой четверти XVIII века. С. 24.

⁵³⁵ Последние два примера почерпнуты нами из Картотеки древнерусского словаря ИРЯ РАН (статья «Посполитый»), основаны на Походном журнале 1725 г. (с. 32–33) и Географии 1710 г. (с. 24). См. также: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 17: (Помаранець – Потышати). М., 1991. С. 217–218.

⁵³⁶ Древняя российская вивлиофика (далее – ДРВ). Ч. 8. СПб., 1775. С. 446.

⁵³⁷ Там же. С. 408–409.

язык московских властей междуцарствия эпохи Смуты, но не на язык дипломатии суверенов. Отсутствие единоначалия в Венеции подробно отражено в статейном списке послов и стало причиной конфликта посольских «обычаев». При этом одной из целей посольства из Москвы было признание венецианцами царя Алексея Михайловича величайшим правителем Европы – что со всех точек зрения было уже слишком и говорило только о непонимании внутреннего устройства страны, которой для Москвы долгое время не существовало⁵³⁸.

Понятие *Статы* в российской высокой книжности не использовалось. Оно обозначало и форму правления в Венецианской республике и Республике Соединенных провинций, и самих должностных лиц (*Господа Генеральные Статы*)⁵³⁹. Это аналог названия высшего совета в Короне Польской и Великом княжестве Литовском *Панове рада*, *Панове радные*, обозначавшего и институт в его полном составе, и представительный круг советников из его состава. В «Вестях-Курантах» за 1660 г. для лат. *res publica* впервые звучит «республика», хотя чаще переводчики (например, «Куранты» за 1669 г. и переводная «Космография» 1670 г.) применяют польскую кальку *речь посполитая*⁵⁴⁰. Поскольку до 1568 г. в Европе не было прецедентов немонархического управления, а власть в Короне Польской и Великом княжестве Литовском считалась в Москве монархической, а не республиканской, прецедентов обсуждения такой необычной политической формы мы не обнаружим. Только в периоды польско-литовских междуцарствий (*interregna*) в Москве задумывались над порядком старшинства в тамошнем управлении и считали это положение дел временным и опасным. Во главе государства в таких случаях помещались *Панове рада* Короны и Литвы и *рыцарство*, как называли в Москве польско-литовскую шляхту. Республика как их единство не упоминается в документах, исходящих из Посольского приказа. И все же только польско-литовская политическая практика долгое время открывала перед Москвой непосредственный контакт с республиканской формой правления. Новости в переводных «авизах» (*Курантах*) характерно обходили различия в политическом устройстве государств Европы при помощи понятия *земля*⁵⁴¹. Республики для переводчиков второй половины XVII в. были непривычны. Как отмечает С. М. Шамин: «Не слишком хорошо известной в Москве оказалась Швейцария. Сама страна справедливо получила у переводчиков Посольского приказа определение „вольной речи посполитой“, а Женева была помещена в Италии. Возможно, переводчик перепутал ее с Генуей»⁵⁴². Это логично, учитывая далекое от ученых доктрин и политической борьбы происхождение новостей в переводных *Курантах*, а также ориентацию этой газеты на чтение государем и высшей московской бюрократией. Происхождение этой газеты, как уже отмечали Д. К. Уо и Ингрид Майер, теснее связано с посольскими обычаями и задачами тайной политики: *письмами и отписками* приграничных воевод и их доносителей, *наказами и статейными списками* посольских служащих, *расспросными речами* иммигрантов из Европы и других уголков мира, – чем с общественным мнением и публицистикой⁵⁴³. Посольский приказ на всем протяжении своего существования культивировал емкие нравоучительные сказания (*exempla*), призванные объяснить не само по себе прошлое, а политическую актуальность и извлечь из этих сказаний наиболее

⁵³⁸ Longworth Ph. Russian-Venetian Relations in the Reign of Tsar Aleksey Mikhailovich // The Slavonic and East European Review. Vol. 64 (1986). No. 3. P. 380–400, здесь P. 388–392; Di Salvo M. Italia, Russia e mondo slavo. Studi filologici e letterari / A cura di A. Alberti et al. Firenze University Press, 2011. P. 97–116.

⁵³⁹ Сапун Г. А. Россия и Украина в Вестфальской системе международных отношений, 1648–1667 гг. М., 2019. С. 138–139.

⁵⁴⁰ Киселев М. А. Форма правления и социальная иерархия в российской политической мысли XVII – первой четверти XVIII века. С. 25–26; Хархордин О. В. Республика. Полная версия. С. 90–91.

⁵⁴¹ Шамин С. М. Куранты XVII столетия: Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М.; СПб., 2011. С. 84, 106–110, 277–280.

⁵⁴² Там же. С. 110.

⁵⁴³ Waugh D. C., Maier I. Muscovy and the European Information Revolution: Creating the Mechanisms for Obtaining Foreign News // Information and Europe: Mechanisms of Communication in Russia, 1600–1854 / Ed. S. Franklin, K. Bowers. Cambridge: Open Book Publishers, 2017. P. 77–112, здесь P. 80–85.

благоприятные для московской политической практики прецеденты. Этой цели соответствовали и исторические памятники вроде *Хронографа* или *Степенной книги*, и наглядные визуальные источники – родословные древа, европейские иллюстрированные хроники и космографии. Христианско-имперский идеал русского настоящего и его исторические корни со времен формирования посольского образа истории в XVII – начале XVIII в. не поменялись⁵⁴⁴.

В отношении украинских территорий позиция Москвы была со времен Смуты более жесткой, чем в борьбе за польский и литовский престолы, а после присоединения Запорожского войска царю Алексею Михайловичу приходилось лавировать, чтобы не отвратить казаков. Требования *прав и вольностей народа руского*, озвученные Запорожским войском в 1622–1623 гг., в Москве не признавали⁵⁴⁵. После смерти Богдана Хмельницкого посольство Богдана Матвеевича Хитрово и Ивана Афанасьевича Прончищева в ноябре 1657 г. должно было вместе с новым гетманом жалованной грамотой подтвердить «войсковые права и вольности»⁵⁴⁶. Уступки звучали с обеих сторон на фоне готовящегося в Москве «избрания» Алексея Михайловича на польский и литовский престолы. Не прошло и двух лет, как признанный в Москве гетман Иван Выговский совместно с королевскими представителями разработал проект Гадяцкой унии, предполагавший денонсацию Переяславских соглашений и в первоначальной версии вступление Русского княжества по образу Литовского княжества (*in Ducatum Russiae na kształt Księstwa Litewskiego*), а в постановлении Сейма – в качестве Третьего народа (*naród Ruski*) в федеративное объединение с Коронай Польской и Великим княжеством Литовским (*wszystka Rzeczpospolita narodu Polskiego i Wielkiego Księstwa Litewskiego i Ruskiego*)⁵⁴⁷. Сейм не поддержал эту инициативу, однако тенденция казаков к республиканскому федерализму была налицо, и московским церковным и светским властям приходилось ее отчасти признавать. Так, на Переяславскую раду 1659 г. царь лишь утвердил своим указом полностью независимый от московского представительства состав рады (включая *чернь*) и велел выбрать нового гетмана. Федерализм был ослаблен навязанным из Москвы воеводским управлением, налоговой и церковной зависимостью, а также предписанием новоизбранному гетману приезжать в Москву, чтобы *государевы очи видеть*⁵⁴⁸. Царь Алексей Михайлович допускал, по всей видимости, и далее, что *вольное* вхождение Запорожского войска под его власть будет одновременно и концом *вольности*. Об этом свидетельствует, например, то, что Московские статьи 1665 г., формально подтвердившие казацкие вольности, предполагали исполнение и контроль со стороны царских воевод⁵⁴⁹. Опосредованно требования *прав и вольностей* были восприняты российской православной элитой после Тринадцатилетней войны, но не подразумевали ни федерализма, ни идеи шляхетско-казацкой демократии.

Рецепция казачьего *круга* как образа свободной политической общности также в России не состоялась. В Москве окружили казаческую политическую организацию примерно таким же «заговором молчания», которым когда-то ранее были окутаны монгольские политические формы и европейские республики. О существовании *сечи, рады, круга (майдана)* и *коша* знали в Москве, но не считали, что эти формы управления переводимы на какие-либо московские понятия. Совещание ватаги, которое носило черты *круга*, на расспросе казака московские вла-

⁵⁴⁴ Ерусалимский К. Ю. История на посольской службе: дипломатия и память в России XVI века // История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2006. С. 664–731.

⁵⁴⁵ Брехуненко В. Козаки на Степовому Кордоні Європи. С. 308–315, 328–344.

⁵⁴⁶ Козляков В. Н. Царь Алексей Тишайший. С. 226.

⁵⁴⁷ Гадяцька унія 1658 року / Редкол. П. Сохань, В. Брехуненко та ін. Київ, 2008. С. 11–12 (Гадяч, 8 (18) сентября 1658 г.), 14–22 (Варшава, 12 (22) мая 1659 г.) (подг. к публ. В. Герасимчук). См. также: Тайрова-Яковлева Т. Гадяцька угода – текстологічний аналіз // Там же. С. 31–46.

⁵⁴⁸ Козляков В. Н. Царь Алексей Тишайший. С. 261.

⁵⁴⁹ Там же. С. 375–377.

сти писали *думой*, уподобляя институт российскому правительственному аналогу⁵⁵⁰. Республиканские параллели не раз возникали у путешественников в Степи и описателей казаков, а также в XVIII в. в исторических экскурсах самих представителей *вольных людей*. Трудность перевода в данном случае двуедина. С одной стороны, на языке московского делопроизводства казаки не столько отстаивали свои свободы, сколько своевольничали или стремились под власть православного царя. Столкновение языков произошло уже после грамоты Михаила Федоровича на Дон 29 июля 1617 г., где служба и договор с казаками связаны с их «целованием креста», т. е. с клятвенными обязательствами. От этой формулы в дальнейшем пришлось отказаться, а возвращение к практике целования креста в конце декабря 1631 г. после убийства казаками посланника Ивана Карамышева вызвало недовольство на Дону, отказ признать клятвы своих представителей в Москве и напоминание о службе «не поместьями и не с вотчин, а с травы и воды»⁵⁵¹. *Трава и вода* казаков противопоставлены не просто московским формам землевладения, но и недопустимой для вольных людей служебной зависимости российского класса землевладельцев. Возможно, это было высмеивание каких-то юридических формул (например, подведомственность «по земле и по воде»; ср. также выражение *утечи душою да телом*, т. е. спастись от смерти, бежав без имущества; или освобождение как раздача «земли на четыре части, а дела до них нет никому»)⁵⁵². В повстанческой истории Российского государства эта формула вновь появилась в Большой Псковской челобитной 1650 г., в которой служилые люди противопоставлялись обеспеченным иноземным офицерам, поскольку здешние («природные») служили «с травы и с воды, и с кнута»⁵⁵³. Сравнение показывает, что *трава и вода* (*и кнут*) упоминаются не в обозначение свободы или особого устройства, а как знак прошения о поддержке, милости и прекращении притеснений.

Подобным образом *вечное холопство под пресветлой державой, крепкой или высокой рукой его царского величества*, согласно формуле в переписке Донского войска с Москвой и в московской формуле присоединения Запорожского войска к России в 1651–1654 гг., не гарантировало сторонам взаимопонимания. Одним из следствий обсуждения присяги было столкновение языков сопротивления тирании с московской политической метафорой *холопского гражданства*⁵⁵⁴. Параллель к московским условиям была проговорена гетманом Богданом Хмельницким, который от короля Владислава IV Вазы в 1647–1648 гг. ожидал признания *вассальной рыцарской службы* казаков, т. е. по сути их шляхетства. При переходе в подданство России самого гетмана и казаков не смутили эти расхождения, и они настояли на своем понимании присяги как добровольного военного соглашения с Москвой на взаимных условиях, но подчеркнув свой «давний обычай войсковой». Москва, как и в своих предварительных договоренностях со шляхтой Короны Польской и Великого княжества Литовского на королевских выборах, признала права казаков как ответное обязательство царя на крестоцелование в монархическое подданство (*приведение черкас ко кресту*), но не предлагая ни равенства казаков с российскими служилыми людьми, ни идеи интеграции элит⁵⁵⁵.

⁵⁵⁰ Документы российских архивов по истории Украины. Т. 1. Документы по истории запорожского казачества 1613–1620 гг. / Сост. Л. Войтович и др. Львов, 1998. С. 223–224.

⁵⁵¹ *Брехуценько В.* Козаки на Степовому Кордоні Європи. С. 238–240 и сл.

⁵⁵² *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975. С. 262; *Панеях В. М.* Холопство в XVI – начале XVII века. Л., 1975. С. 50; *Каушанов С. М.* Государь и подданные на Руси в XIV–XVI вв. // IN MEMORIAM: Сборник памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997. С. 224–225.

⁵⁵³ *Козляков В. Н.* Царь Алексей Тишайший. С. 90.

⁵⁵⁴ *Воеск В.* Imperial Boundaries. Cossack Communities and Empire-Building in the Age of Peter the Great. Cambridge, 2009.

⁵⁵⁵ Дискуссии о «букве и духе» Переяславских соглашений см.: *Davies B.* The Road to Pereiaslav: Ukrainian and Muscovite Understanding of Protectorate, 1620–1654 // Cahiers du Monde russe. Vol. 50 (2009). No. 2/3. P. 465–493, здесь P. 483, 486; *Санин Г. А.* Россия и Украина в Вестфальской системе международных отношений, 1648–1667 гг. С. 127–130. См. здесь выше в обсуждении концепций В. Кивельсон и М. По. Примером интеграции элит можно считать присоединение в Москве в 1665 г. гетману Ивану Брюховецкому боярского чина, а его высокопоставленным спутникам-запорожцам, приехавшим к царю с посоль-

Немало примеров, в которых высказывания казаков о своих политических институтах и обычаях нарушали республиканские логики в тех дискурсивных нишах, где мы бы ожидали их увидеть. Независимые *круги* в рядах их управления подавлялись ими самими, а высказывания о борьбе против «боярства» в Москве напоминали риторику шляхетской Речи Посполитой и боевого равенства, а не республиканского равноправия, при этом шляхта нередко становилась главной мишенью польско-литовских казаков, как дети боярские и бояре – московских⁵⁵⁶. Принцип *с Дону выдачи нет* не носил уравнительного характера, а устанавливал только право на свободное вхождение в ряды казачества, не гарантируя новоприбывшим никаких других прав. Запорожское мотто *вольного въезда и выезда за Пороги* также не содержит коннотаций политического устройства, а уточняет лишь «визовый режим». Ученые истории XVII–XVIII вв. оплотом демократии намечали то Сечь, то старшину, то «зуполную раду» запорожцев и городских казаков⁵⁵⁷. В советской науке предпринимались попытки рассматривать казаческие объединения как *sui generis* республики, однако приходилось вносить в концепцию оговорки из марксистской перспективы: управление казаков не вело к поддержке ими никаких буржуазных социальных групп, а следовательно, республики без третьего сословия были обречены кануть в Лету истории⁵⁵⁸. С другой стороны, казаки при всем демократизме *сечи* и *круга* поддерживали вертикальный стиль управления, как наследие княжеской власти *totius Russiae*. На выборах короля в 1648 г. Запорожское войско выступало за самодержавное управление в Речи Посполитой, восстановление «греческого» православия, отмену религиозных свобод⁵⁵⁹. Пиком своеобразного монархического республиканства стал торжественный въезд Богдана Хмельницкого в Киев и последующая самодержавная экзальтация гетманской власти. Это был результат соединения освободительных тенденций в Запорожском войске с теократической доктриной, проповедуемой киевским духовенством, и византийской книжной традицией. В 1607 г. в Остроге издано «Завещание» императора Василия I Македонянина, в 1620-е гг. в Печерской Лавре – трижды Номоканон, в 1628 г. – «Поучение» Агапита⁵⁶⁰.

Идейные формы в Москве XVI–XVII вв. далеки от публичных дискурсов-идеологий Нового времени, что особенно видно по развитию идеи сакрального города. Москва не была Третьим Римом в доктринальном смысле. Такой популярной и разделяемой массами доктрины не существовало, у нее не было и соответствующих популярных форм вплоть до возникновения политического мистицизма в XIX в., притом что, как показывают специальные исследования, сама метафора в различных контекстах приобретала самые разные смыслы. Менялся и ее статус: от династической и апокалиптической идеи до доктрины симфонии властей, ренессанс-

ством, московских дворянских чинов. Однако уже вскоре после этого Иван Брюховецкий разорвал отношения с Москвой. См.: Козляков В. Н. Царь Алексей Тишайший. С. 373–374.

⁵⁵⁶ Urwanowicz J. Wojskowe «sejmiki». Koło w wojsku Rzeczypospolitej XVI–XVIII wieku. Białystok, 1996.

⁵⁵⁷ Яковенко Н. Дзеркала ідентичності. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI – початку XVIII століття. Київ, 2012. С. 418–419.

⁵⁵⁸ Рознер И. Г. Антифеодальные государственные образования в России и на Украине в XVI–XVII вв. // Вопросы истории. 1970. № 8. С. 42–56.

⁵⁵⁹ Козляков В. Н. Царь Алексей Тишайший. С. 68–83.

⁵⁶⁰ Плохий С. Наливайкова віра: Козацтво та релігія в ранньомодерній Україні. Київ, 2005. С. 268–301; Яковенко Н. Нарис історії України. 3-є вид., перероблене та розширене. Київ, 2006. С. 314–319, 356–359; *іт. ж.* Дзеркала ідентичності. С. 397–426, здесь с. 404–409, 424–426; Брехуненко В. Козаки на Степовому Кордоні Європи. С. 147–155, 171–174, 184–220, 253–274, 366–369; Його ж. Східна брама Європи. Козацька Україна в середині XVII–XVIII ст. Київ, 2014. С. 102–111, 130–147. В контексте «борьбы за свободу» казаческое движение и восстание Степана Разина рассматривает В. Кивельсон. Впрочем, монархические идеалы повстанцев и отеческое величие самого атамана при этом не учитываются. Например, Степан Разин говорил о *свободе* для «чорных людей» Российского государства, подразумевая их освобождение от «бояр» и «изменников», однако ни о чьих *правах* в его высказываниях и распоряжениях речи не шло. См.: Kivelson V. Muscovite «Citizenship». P. 486; ср.: Khodarkovsky M. The Stepan Razin Uprising: Was It a «Peasant War»? // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 1994. Bd. 42. H. 1. P. 6–7, 11–13; Berelowitch A. Stenka Razin's Rebellion: The Eyewitness and Their Blind Spot // From Mutual Observation to Propaganda War. Bielefeld, 2014. P. 93–124, здесь P. 103–105, 108–109, 112–116; Никитин Н. И. Разинское движение: взгляд из XXI в. М., 2017. С. 64–66.

ной идеи царства, воздвигнутого на костях, и доктрины сопротивления в старообрядческих учениях. Идеи *земского дела* в XVI в. или *всей земли* в эпоху Смуты звучат чрезмерно – это мобилизационные декларации, призванные сплотить «граждан» государства в качестве холопов государя. В мирные годы востребованность в подобных декларациях приближалась к нулю. В годы Смуты от имени *всей земли* выступало уже правительство князей Ф. И. Мстиславского и В. В. Голицына, свергнувшее царя Василия Шуйского. Амбиции Первого, а затем и Второго ополчения объединить *всю землю* были во многом компенсацией утраченной в стране верховной власти, а не устойчивой доктриной, которая была бы подобна разделяемому учению. Звучание этого идеала на Земских соборах вплоть до середины XVII в. отражает не затухающий республиканизм, а приверженность Михаила и Алексея Романовых и российского дворянства идеалам царства в противовес Смуте.

Московская политическая культура XVII – начала XVIII в. допускала пренебрежение и некоторую неосведомленность в вопросах политических типов, однако с первых шагов шляхетской борьбы за исконную или выборную монархию в годы Смуты знания о республиканском устройстве были достаточны, в том числе чтобы его игнорировать и относиться к нему снисходительно. Согласно личному доктору царя Сэмюэлю Коллинзу (1667 г.), его ближний советник и глава посольского дела А. Л. Ордин-Нащокин был почитателем монархий и «врагом республик», которые считал «рассадниками мятежа и ересей» и хотел бы уничтожить по всей Европе⁵⁶¹. Этим канцлер царя Алексея Михайловича вполне поддерживал своего величественного патрона, осудившего казнь английского короля и заметно для современников лавировавшего между риторикой вольностей и абсолютной власти в отношениях с Речью Посполитой и вольным казачеством. Царь Петр Алексеевич, как и его отец, видел в республике особый тип, отличный от монархического правления, проявляя осведомленность в аристотелевской доктрине⁵⁶².

Рядом с Российским царством на всем протяжении его развития существовали противостоявшие ему республики. Самой крупной из них стала объединенная в 1569 г. Речь Посполитая. Как показано выше, ни название этой страны, ни ее политический строй не были приняты в Москве, и само по себе это показатель того отношения, которое российские власти и элиты питали к соседу. Московское государство и Речь Посполитая формировались во взаимных притяжениях и отталкиваниях, и в историографии принято изучать влияние московской угрозы, военные конфликты между двумя государствами и в целом российский фактор в политических тенденциях Короны Польской и Великого княжества Литовского. Противоречия оформлялись в устойчивые взаимные клише, носившие все более выраженные этнические формы. В Речи Посполитой ко времени московской Смуты сложился образ воровского государства на Востоке, несущего опасность одним своим существованием. Историческая память с конца XV – начала XVI в. пестовала образ особого *московского народа*, отличного от других русинов, а в хрониках второй половины XVI – начала XVII в. предпринимались попытки

⁵⁶¹ Bickford O'Brien C. Russia and Eastern Europe. The Views of A. L. Ordin-Naščokin // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge*. Bd. 17 (1969). H. 3. P. 371. Возможно, конечно, в этих словах отразилось преувеличение самого автора или осторожность московского канцлера в общении с навязчивым придворным. Однако достоверность самого диалога английского врача с Ординым-Нащокиным на тему основных политических типов весьма вероятна. Против такого взгляда также может говорить то, что именно Афанасий Лаврентьевич выступал за возрождение Земского собора для обсуждения мира с Речью Посполитой во время следствия по «делу» патриарха Никона. Однако само свидетельство об этом исходило от Никиты Ивановича Зюзина, который разглашал, по мнению следствия по «делу» патриарха Никона, царские секреты. См.: *Козляков В. Н. Царь Алексей Тишайший*. С. 325–328, 388–389.

⁵⁶² См. статью К. Д. Бугрова и М. А. Киселева в наст. издании.

представить московитов как шляхетный народ, равный по своим правам с польским и литовским и даже более древний.

Обособленность московитов во всех версиях печатных хроник польско-литовских авторов представлена как этнический факт, тогда как триумфальная литература и визуальные репрезентации закрепили представление о победоносном сокрушении московских противников⁵⁶³. Второй Литовский Статут 1566 г. на юридическом уровне закрепил образ *неприятеля нашего великого князя московского*, лишь отчасти сглаженный в Третьем Статуте 1588 г. Выезд за пределы Великого княжества во Втором Статуте разрешался во всех случаях, кроме оскорбления величества господаря («ображенья маестату») и не считая Московского государства («выймучы земли Московские»)⁵⁶⁴. Образ «неприятеля московского» вновь возник в актах Люблинской унии 1–4 июля 1569 г. в ознаменование обязательств суверена Речи Посполитой вернуть их прежним владельцам «замки, имения, посессии и владения», захваченные неприятелем⁵⁶⁵. Влияние военной угрозы со стороны Москвы на короля в его поисках объединительной схемы для Короны Польской и Великого княжества Литовского отмечали и современники⁵⁶⁶. Во время выборов 1573 г. при помощи образа лукавого захватчика – великого князя московского, волка в овчей шкуре – французская делегация готовила общественное мнение в пользу Генриха Валуа⁵⁶⁷. Полоцкие привилеи были захвачены московитами – отвоєванный замок был восстановлен в правах в 1580 г., однако «все листы, привилея и твердости на права и волности всей земли Полоцкое належачые, на он час в том замьку Полоцком в церкви Светое Софии... суть побраны»⁵⁶⁸. В королевском привилее Витебску 1592 г. прозвучало, что воры («злодеи») украли старые привилеи из храма Пречистой Богородицы, «пришедши... з Великого Навагорода»⁵⁶⁹. Важно было подчеркнуть, что в потере привилегий виноваты преступники из Московского государства. В эти же годы началось формирование образа москов-

⁵⁶³ Maliszewski K. *Obraz Rosji i Rosjan w kulturze polskiej doby późnego baroku // Między Zachodem a Wschodem. Studia z dziejów Rzeczypospolitej w epoce nowożytnej / Pod red. J. Staszewskiego, K. Mikulskiego, J. Dumanowskiego. Toruń, 2002. S. 143–152; Niewiana A. Moskwin-Moskal-Rosjanin w dokumentach prywatnych. Portret. Łódź, 2006; Krzywy R. Wstęp // Głuchowski J. Wtargnięcie w Moskiewski kraj Mikołaja Radziwiłła w roku 1568. Warszawa, 2017. S. 17–28. Репрезентации триумфа над Москвой и образ свергаемой московской тирании в XVI–XVII вв. изучались в книгах: Zawadzki K. *Prasa ulotna za Zygmunta III. Warszawa, 1997; Pfeiffer B. Caelum et regnum: Studia nad symboliką państwa i władcy w polskiej literaturze i sztuce XVI i XVII stulecia. Zielona Góra, 2002; Kąkolewski I. Melancholia władzy: Problem tyranii w europejskiej kulturze politycznej XVI stulecia. Warszawa, 2007. О литературных и визуальных репрезентациях «присяги царей Шуйских» в польской культуре см. статьи Д. Хемперека, В. Тыгельского, Ю.-А. Хрошчицкого и А.-Я. Ямского в сборнике: *Hóld carów Szujskich / Pod red. J. A. Chrościckiego, M. Nagielskiego. Warszawa, 2014. Колониальные дискурсы в отношении Москвы дискутируются в работах: Franczak G. Moskwa – polskie Indie Zachodnie. O pewnym mirażu kolonialnym z początku XVII wieku // Nel mondo degli Slavi. Incontri e dialoghi tra culture. Studi in onore di Giovanna Brogi Bercoff / A cura di M. Di Salvo, G. Moracci, G. Siedina. Firenze, 2008. S. 163–171; Grala H. Rzeczpospolita Szlachecka – twór kolonialny? // Perspektywy kolonializmu w Polsce, Polska w perspektywie kolonialnej / Red. J. Kieniewicz. Warszawa, 2016. S. 275–299.***

⁵⁶⁴ Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 г. // Вялікае княства Літоўскае: энцыклапедыя. Т. 3. Дадатак. А–Я / Рэдкал. Т. У. Бялова і інш. Мінск, 2010. С. 482 (арт. 7). В Статутах Первом 1529 г. и Третьем 1588 г. говорится более обобщенно о победе в «землю неприятельскую». См.: Там же. С. 436 (арт. 2, 4), 555–556 (арт. 6, 7). См. также: *Lanno I. I. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569–1586): Опыт исследования политического и общественного строя. Т. 1. СПб., 1901. С. 533–554. Третий Статут не имел юридического приоритета на землях, вошедших в состав Короны Польской по Люблинскому договору 1569 г., где до начала XVIII в. сохранял юридическое значение так называемый Волинский – Второй Литовский Статут 1566 г. См.: Довбищенко М. Українська адвокатура Волині литовсько-польської доби (XVI–XVIII ст.). Київ, 2019. С. 79–91.*

⁵⁶⁵ Akta unii Polski z Litwą 1385–1791 / Wyd. S. Kutrzeba, W. Semkowicz. Kraków, 1932. S. 346, 361, 370; ср.: Помнікі права Беларусі XIV–XVI стст.: агульназемскія прывілеі і акты дзяржаўных уній: крыніцазнаўчы дапаможнік / Склад. Г. Я. Галенчанка і інш. Мінск, 2015. С. 278, 299, 314.

⁵⁶⁶ Januškevič A. *Unia Lubelska a wojna Inflancka: wzajemna współzależność na tle polityki wewnętrznej Litwy // Unia Lubelska z 1569 roku: Z tradycji unifikacyjnych I Rzeczypospolitej / Pod red. T. Kempy, K. Mikulskiego. Toruń, 2011. S. 45–54.*

⁵⁶⁷ Kąkolewski I. *Melancholia władzy. S. 252–285.*

⁵⁶⁸ *Пазднякоў В. С. Помнікі права Беларусі XIV–XVI стст.: абласныя прывілеі. Крыніцазнаўчы дапаможнік. Мінск, 2018. С. 179–191, цит. на с. 181.*

⁵⁶⁹ Там же. С. 102.

ского православия как потенциальной угрозы для православных подданных короля⁵⁷⁰, а также образа казака, разрушающего Речь Посполитую в сговоре с Москвой⁵⁷¹.

Сказывались эти представления и на том, как в моменты обострения локальных конфликтов звучали инвективы в адрес местных москвитов, однако в целом на всем протяжении существования унии Короны и Литвы московская нация и ее представители на службе короля и Речи Посполитой воспринимались как законный свободный народ в ряду других народов. Лукаш Дзялынський в своем дневнике передает речь московского стрелецкого головы Микулы, взятого в плен в Велиже во время Великолуцкого похода в августе 1580 г. Речь была произнесена в кругу шляхтичей и перед родными пленника, которым было разрешено вернуться к царю. Она отражала военную доблесть и сожаление москвиты, что он не погиб за царя. Микула знал, к кому он обращается, но не выказал ненависти, а, наоборот, ссылаясь на общность ценностей воинов с обеих сторон, вызвав в шляхтичах сочувствие⁵⁷². Сочувственный портрет москвиты в эмиграции В. С. Заболоцкого рисует в своих записках начала XVII в. новогрудский шляхтич Федор Евлашевский. Записки шляхтичей начала XVII в., побывавших в Москве и Московском государстве, изображают недоверие и «гордость» со стороны московских соратников в отношении «ляхов» и «литвинов», однако это отношение требовало внутренних и уличных дискуссий, которыми запестрели тексты. Объединительные проекты с Москвой обсуждались на высшем уровне, и последний из них в канун Смуты – он был выдвинут Л. И. Сапегой и допускал приход к власти над общей Польско-Литовско-Московской республикой представителя Москвы. При этом завоевательные планы в отношении Москвы и в период Смуты вызывали у магнатов и шляхты Короны и Литвы настороженное отношение вплоть до открытого сопротивления, несмотря на поддержку идеи интервенции теоретиками справедливой войны⁵⁷³.

Москва была крупным и к середине XVI в. в целом открытым центром притяжения служилых людей, а в их числе и шляхты-русинов и «литвы», однако образ западных соседей складывался в памятниках местной исторической и военной культуры нелестный. Бесы являлись святому Сергию в островерхих литовских шапках, и этот сюжет в XVI–XVII вв. был во множестве списков жития святого доступен московским читателям. Побег «в Литву» в родословных книгах, Дворовой тетради и в крестоцеловальных грамотах середины XVI в. отмечался как преступление, ставящее крест на карьере и равнозначное прекращению местной ветви рода бежавшего. Высшая власть позволяла себе насмешки над правами соседних монархов на свои владения и ставила под сомнение права Пястов и Ягеллонов на «русские» земли и связанные с ними территории, в конечном счете – на Корону и Литву. В этом ряду унижительное обращение царя к королю и Г. А. Ходкевичу летом 1567 г. от имени кн. И. Д. Бельского как князя «Литовского и Бельского», который по своему происхождению был полноправным наследником всего Великого княжества Литовского. Польское происхождение и долгое нахождение на коронных землях являлось показателем чуждости. Московские служилые люди читали в разрядных книгах и о детях боярских по прозвищу «Лях», вызывавшему, по всей видимости, насмешку. Заточение «литовских» элит в Москве в 1534 г. после побега кн. С. Ф. Бельского и Ляцких, а также следственные дела против кн. И. Д. Бельского и Воротынских в 1562 г. и против кн. П. М. Щенятева в 1568 г., возможно, имели и более популярные формы, которые до нас дошли лишь

⁵⁷⁰ *Hodana T.* Między królem a carem. Moskwa w oczach prawosławnych Rusinów – obywateli Rzeczypospolitej (na podstawie piśmiennictwa końca XVI – połowy XVII stulecia. Kraków, 2008. S. 19–62.

⁵⁷¹ *Luber S.* Die Herkunft von Zaporoger Kosaken des 17. Jahrhunderts nach Personennamen. Wiesbaden, 1983; *Станиславский А. Л.* Гражданская война в России XVII в.: казачество на переломе истории. М., 1900; *Сас П. М.* Запорожці у польсько-московській війні наприкінці Смути (1617–1618 рр.). Біла Церква, 2010.

⁵⁷² *Ерусалимский К. Ю.* Стрелецкий сотник Микула – Москвит, о котором узнала Европа // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. М., 2020. Вып. 15. С. 187–214.

⁵⁷³ *Wisner H.* Wielkie Księstwo Litewskie a Moskwa. Okres Smuty // *Napis*. 2006. Ser. 12. S. 99–108; *Bukowski J.* Magnateria Rzeczypospolitej wobec dymitriad i wojen interwencyjnych z Rosją // *Scripta minora / Red. B. Lapis*. T. 4. Poznań, 2006. S. 199–313.

глухими отзвуками: скажем, упомянутое в «Истории» Курбского убийство «ляховицы» Марии по прозвищу Магдалина или события в Москве 17 мая 1606 г., имевшие выраженные религиозно-этнические очертания, как и преследования «белорусцев» и книг «литовской печати» при патриархе Филарете. Тем не менее вряд ли может вызывать сомнение, что задолго до реформ царя Федора Алексеевича в московском обществе существовали знания о «ляхах» и «литве», облегчавшие московской беглой шляхте интеграцию в польско-литовское общество.

Невзирая на обилие мобилизационных и ненавистнических дискурсов во взаимных отношениях между двумя *de jure* воюющими сторонами, московские элиты и привилегированный класс не только видели у соседей близкий по типу общественный строй, но и пользовались его благами, заимствовали его идеалы, интегрировались в общество Короны и Литвы и рассуждали о перспективах слияния противостоящих слоев в одно государство. В отдельные исторические периоды такая перспектива казалась насущной и неизбежной, и это не могло не отразиться на самосознании и политической культуре московского общества. В настоящей работе будет предпринята попытка проследить влияние польско-литовских социально-политических представлений, шляхетского «сарматизма» и тенденций федеративного развития в Короне и Литве на московский служилый класс, который можно по аналогии с зарубежным образцом и вне зависимости от позднейших преобразований царя Федора Алексеевича условно обозначить как московскую шляхту.

Характер политической унии Короны Польской и Великого княжества Литовского и их слияния «в единое тело» требовал сложного обоснования на языке российской политической культуры и, конечно, не был в полной мере понятен в Москве⁵⁷⁴. Идея государственного «тела» была малоизвестна в московском православии, хотя она и звучала в сочинениях Максима Грека и из уст митрополита Макария во время суда над Иваном Висковатым. Позднее Андрей Курбский выразил ее уже в своих эмигрантских сочинениях, испытавших влияние европейского республиканства. Впрочем, в Российском царстве были известны основные политические термины польско-литовской унии. Понятие *dominium*, охватывающее государственные образования, объединенные Кревской унией, и употребляемое как в единственном, так и во множественном числе, точно соответствует моск.-рус. *господарство* и его однокоренным понятиям⁵⁷⁵. В нем, возможно, не так выражен принцип, позволяющий различать *corona regni* и *regnum*, как в унии Короны Польской и Великого княжества Литовского⁵⁷⁶. Однако в московской деловой риторике сохранялось отличие между понятием *наше господарство*, выражающим личную власть суверена во всех своих владениях, и *нашии господарства*, указывающим на разноликие территориальные пределы московских правителей. Федеративное понимание тер-

⁵⁷⁴ О принятии унии см., например: *Halecki O. Przyłączenie Podlasia, Wołynia i Kijowszczyzny do Korony w roku 1569.* Kraków, 1915; *Ferenc M. Mikołaj Radziwiłł «Rudy» (ok. 1515–1584): Działalność polityczna i wojskowa.* Kraków, 2008. S. 287–397; *Камінський Сидима А.* Історія Речі Посполитої як історія багатьох народів, 1505–1795. Громадяни, їхня держава, суспільство, культура / Пер. з пол. Я. Стріхи. Київ, 2011. С. 55–80; *Падалінскі У.* Прадстаўніцтва Вялікага Княства Літоўскага на Люблінскім сойме 1569 года: Уздел у працы першага вальнага сойма Рэчы Паспалітай. Мінск, 2017. См. также сборники статей, в которых многие работы непосредственно затрагивают вопрос интерпретации Люблинской унии: *Праблемы інтэграцыі і інкарпарацыі ў развіцці Цэнтральнай і Усходняй Еўропы ў перыяд ранняга Новага часу: Матэрылы міжнар. навук. канферэнцыі (Мінск, 15–17 кастрычніка 2009 г.) / Навук. рэд. С. Ф. Сокал, А. М. Янушкевіч.* Мінск, 2010; *Unia Lubelska z 1569 roku: Z tradycji unifikacyjnych I Rzeczypospolitej / Red. T. Kempa, K. Mikulski.* Toruń, 2011.

⁵⁷⁵ *Золтан А.* К предыстории русск. «государь» // Из истории русской культуры. Т. 2. Кн. 1: Киевская и Московская Русь / Сост. А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. М., 2002. С. 584–588; *Бачинский А. А., Ерусалимский К. Ю., Кочиковская Н. А., Моисеев М. В.* Дипломатическая переписка Ивана Грозного: проблемы авторства, хранения и бытования // Российская история. 2018. № 2. С. 111–112; *Авдеев А. Г.* «Государь» или «господарь»? Об одном элементе титулатуры правителей Древней Руси // Российская история. 2018. № 5. С. 9–16.

⁵⁷⁶ Здесь я ориентируюсь на интерпретацию уний 1386–1569 гг.: *Frost R. Ograniczenia władzy dynastycznej. Rzeczpospolita polsko-litewska, Szwecja a problem monarchii złożonej w epoce Wazów (1562–1668) // Праблемы інтэграцыі і інкарпарацыі ў развіцці Цэнтральнай і Усходняй Еўропы ў перыяд ранняга Новага часу: Матэрылы міжнар. навук. канферэнцыі (Мінск, 15–17 кастрычніка 2009 г.) / Навук. рэд. С. Ф. Сокал, А. М. Янушкевіч.* Мінск, 2010. S. 155–173; *Idem.* Oksfordzka historia unii polsko-litewskiej. T. 1. S. 31–108.

риториального объединения Великого княжества Литовского, выраженное в кревской и радомско-виленской формуле *Littwania et caetera dominia*, было близко к формуле, в которой московские цари перечисляли свои *Московские господарства*, присоединяя к ним обособленно Казань, Астрахань, Ливонию, Сибирь и Кавказ, как позднее Белую и Малую России – к Великой России. Форма объединения государств вокруг Москвы с середины XVI в. – а во многом уже с конца XV в. – мыслилась как имперская, однако это была в своем роде империя *ad hoc*, и ее фактические границы могли как разрастаться, так и съеживаться, не переставая быть единством царств под скипетром православного, или белого, царя⁵⁷⁷.

Можно ли считать московское единство тождественным тому, которое мыслилось при помощи столь многосложной для сегодняшнего понимания формулы, как *perpetuo applicare* Кревского соглашения 1385 г., скрепленного браком Ягайло с Ядвигагой в начале 1386 г.? С одной стороны, принципиальным отличием между этой формулой в польско-литовском исполнении и в России, объединявшей северо-восточные великие княжества, северские земли, Великий Новгород и Псков, Рязанское великое княжество и земли, не входившие в конгломерат общей исторической памяти, было отсутствие самой договорной основы. «Вечное присоединение» Великого княжества Литовского к Короне Польской или к королевской Короне в силу политико-династического основания заключенного договора, выполненного с соблюдением норм писаного права на мирной основе, принципиально отличалось от того единства, которое росло на восток от Великого княжества Литовского и к концу XV в. вступило в прямое противоречие с представлениями о территориальном единстве под властью великих князей литовских. Благодаря охвату земель принесшими суверенных потомков матримониальными союзами, великие князья Ольгерд и Витовт и их наследники могли поднимать вопрос о правах на восточные русские земли. Тот же вопрос со стороны Москвы звучал бы полностью безосновательно по той же причине – он и не звучал вплоть до правления Ивана Грозного, когда возникли как фантастические родословные легенды, так и признанные в Литве и Короне династические аргументы, на сей раз в пользу прав Москвы на русские земли.

С другой стороны, русские земли ни в акте Кревского (1385) и Городельского (1413) соглашений, ни позднее в Мельнике (1501) и Люблине (1569) не были включены в состав основных *dominiorum*, которые бы соединялись в единое *regnum* или *dominium*, несмотря на то что русский титул сохраняли за собой и Ягайло, и Витовт. Это существенно меняет взгляд на контекст и значение соединительных формул в отношении тех земель на восток от Литвы и Короны, которые предполагались в числе государств и земель, входивших в состав договаривающихся сторон. И в Креве, и в Люблине такими территориальными образованиями могли считаться любые владения, входящие в состав Короны и Литвы как двух отдельных целых. И в том, и в другом случае русские земли могли быть лишь частью целого, причем Московское государство, не будучи стороной соглашения, в первом случае угадывается как потенциальное владение Витовта, видящего там свои династические права, а во втором – как общий неприятель и сторона, не входящая в сферу интересов той или иной части федерации. Как показали Ярослав Пеленский и Наталия Яковенко, «русский» вопрос вытеснялся в объединительной формуле Короны и Литвы благодаря понятию «*stany*» («общества» или «страт») в отношении региона, тогда как «старина» в русских землях поддерживалась вплоть до конца XVI в. структурами общей памяти, высоким статусом княжеской власти и локальными культурно-правовыми традициями⁵⁷⁸. Сходной точки зрения придерживается Наталия Старченко,

⁵⁷⁷ Обзор литературы и исследование семантики «белого» в евразийской политической культуре см.: *Третьяков В. В.* «Белый царь»: Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007. О Российском царстве как империи *ad hoc* см. подробнее: *Ерусалимский К. Ю.* Империя *ad hoc* и ее враги: о трудностях интерпретации российских политических дискурсов XVI – начала XVII века // *Theatrum Humanae Vitae*. Студії на пошану Наталі Яковенко. Київ, 2012. С. 207–216.

⁵⁷⁸ *Pelenski J.* Inkorporacja ziem dawnej Rusi do Korony w 1569 roku. Ideologia i korzyści: próba nowego spojrzenia // *Przegląd*

говоря об особых территориальных правовых традициях в Речи Посполитой, где не только народы, но и воеводства сохраняли правовую специфику⁵⁷⁹. На политико-терминологическом уровне данный феномен изучали Кароль Мазур и Томаш Амброзьяк, говоря о «республике» как подвижной форме, в различных дискурсах и контекстах меняющей смысловое наполнение: от региональной «отчизны» до идеи сословного представительства и парламентской республики в целом⁵⁸⁰.

Летописная метафора «собираения русских земель» далека от правового языка и тем более от формулы *perpetuo applicare* и уподобляет объединение земель собиранию грибов или приобретению того, что принадлежит собирателю уже в силу принадлежности прямым и предполагаемым предкам в любом прошлом. Библейские аналогии «собираения земель» как жатвы звучали бы в данном случае не только нескромно, но и подозрительно, потому что собиранием в Библии и сакральной книжности занимается не только Господь, но и дьявол или смерть⁵⁸¹. Хроника Яна Длугоша отразила такой индивидуальный критический взгляд на унию между Короной и Литвой, а права Ягелло и его потомков на польскую корону вызывали у каноника краковского епископа немалые сомнения. Формула Люблинской унии возникла в условиях торжества нового отношения к прошлому, выраженного в хрониках Мартина Бельского и Мартина Кромера⁵⁸². В них хроникальный взгляд Длугоша был заметно переработан в пользу той версии истории, которая превращала право на присоединение «всей Руси» (ср. в Киевском акте Люблинского сейма от 5 июня 1569 г.: «*tuska ziemia wszystkima*») к Короне в право «общего дела»⁵⁸³. Для литвинов и русинов концепция общего дела звучала в ряде случаев угрожающе, поскольку предполагала, что, например, походы польских королей на русские земли, а следовательно, и эксклюзивное право Короны на Русь означают необходимость «возвращения» юго-восточных земель Великого княжества Литовского в состав Короны Польской вне зависимости от иных условий унии. Предыстория республики, рассказанная тогда же и позднее Матеем Стрыйковским и Александром Гваньини, допускала больше возможностей для унии между русинами, поляками, литвинами, крестоносцами и даже москвитями, однако строилась на той же идее общего дела. Таким образом, лишь отчасти хроникальный канон, созданный Длугошем, являлся *common stock* польско-литовской истории – непосредственным фактором нового объединения 1569 г. стало, наоборот, переосмысление этого канона и критика Длугоша с позиций республиканского естественного права, неминуемо и из глубокой древности объединившего народы Короны и Литвы.

Historyczny. 1974. N. 65. Zesz. 2. S. 248–262; Яковенко Н. М. Українська шляхта з кінця XIV – до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна). 2-є вид., переглянуте і виправлене. Київ, 2008. См. также: Брехуненко В. Московська експансія і Переяславська рада 1654 року. Київ, 2005. С. 36–43.

⁵⁷⁹ Старченко Н. Люблінська унія як ресурс формування концепту політичного «народу руського» (1569–1648 рр.) // Український історичний журнал. 2019. № 2. С. 4–45.

⁵⁸⁰ Мазур К. W stronę integracji z Koroną. Sejmiki Wołynia i Ukrainy w latach 1569–1648. Warszawa, 2006. S. 226–255; Амброзьяк Т. Партикуляризм в парламентской жизни Великого княжества Литовского 1587–1648 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2018. С. 130–163.

⁵⁸¹ Впрочем, в Библии мотив «жатвы» почти всегда имеет сугубо позитивное значение. Ср.: Ис. 9:3; Мф. 13:30; 25:26; Ин. 4:36.

⁵⁸² Как показывает Йоанна Ожел, «мифическое время» прародителей поддерживало в Короне и Литве на всем протяжении их единства несходные версии «своего прошлого». В то же время легендарная эпоха Палемона (Публия Либона) не оставляла места для приращения Литвы к Руси, и в самосознании Великого княжества Литовского была гарантирована независимость не только от Короны, но и от Москвы. Впрочем, немалое место в своей работе Й. Ожел посвящает более поздним версиям о старшинстве Леха над Палемоном. В исторической памяти унии, как представляется, от этого вопроса идея первенства Короны над Литвой и русскими землями не зависела. См.: Orzeł J. Historia – tradycja – mit w pamięci kulturowej szlachty Rzeczypospolitej XVI–XVII wieku. Warszawa, 2016. S. 25–122.

⁵⁸³ Litwin H. Kijowszczyzna, Wołyń i Braclawsczczyzna w 1569 roku. Między unią a inkorporacją // Проблеми інтеграції... S. 200–203; Chorażyczewski W., Degen R. Przyłączenie czy przywrócenie? (Na marginesie aktów inkorporacyjnych Podlasia, Wołynia i Kijowszczyzny z 1569 roku) // Велике Княства Літоўскае: палітыка. эканоміка, культура: зб. навук. арт.: У 2 ч. Ч. 1 / Уклад. А. А. Скеп'ян. Мінск, 2017. S. 201–208.

В Москве также понимали, что летописный язык непригоден для описания переворота, принесенного имперской идеей в восточную русскую культуру во второй половине XV в. Летописи оказывались в фактической оппозиции к московским политическим инициативам, а некоторые отразили сложные и почти всегда малоудачные попытки исправить прежние оценки современности и даже древности, яркими примерами чего стали Свод митрополита Даниила, Воскресенская летопись, Летописец начала царства, Лицевой летописный свод и близкая к летописанию Степенная книга. Летописание как жанр, допускающий независимые оценки, еще в противостоянии московских книжников в правление Василия II Темного и даже Ивана III вступает в противоречие с государственным аппаратом в более поздней московской культуре и неминуемо влечет за собой демарши против отдельных решений летописцев и летописного дела. Например, Лицевой свод был забракован и не завершен, а его воссоздание в правление Федора Ивановича не привело к возникновению новой традиции общей памяти. Возрождение летописного жанра в XVII в. происходило уже на фоне широкой популярности текстов совсем другого рода, соединяющих летописную независимость и достоверность с фрагментарным видением прошлого, визионерством и пропагандой («Новый летописец», «Сказание» Авраамия Палицына, «Казанская история», Сборник Ивана Пересветова, Хронограф 1617 г., Житие Сергия Радонежского). Чем же вызвана гибель официального летописания на рубеже 1560–1570-х гг.? Нет ясных оснований считать, что это произошло в какой-то связи с европейскими культурными тенденциями, однако и изменение в повествовательных жанрах, маркируемое этой хронологической границей в Москве, несет отпечаток тех тенденций, которые заметны в польской и литовской историографии. Последние записи официальной летописи в Москве относятся к 1567 г. – далее молчание, после которого жанр меняется до неузнаваемости, несмотря на многочисленные позднейшие рефлексии прежних форм. По всей видимости, в Москве велся поиск формы, аналогичный тому, который и способствовал в Короне и Литве новой концепции политической унии. Вряд ли в окружении Ивана IV не понимали, что «общее дело» поляков и литвинов в формуле Люблинских соглашений предполагало по меньшей мере согласие объединившихся народов стоять вместе за «всю Русь»⁵⁸⁴.

Однако могли ли в Москве этой исторической доктрине что-либо противопоставить? Политический язык московских канцелярий был нагружен иными акцентами, нежели летописание, – прежде всего, безличными деловыми формулами, в которых проступал еще не принятый в русской политической культуре самодержавный проект. Выхватить в этом языке индивидуальные голоса крайне трудно, что хорошо показала дискуссия вокруг предполагаемых следов мирной политической программы Избранной рады, представленных в исследованиях А. Л. Хорошкевич⁵⁸⁵. Дискуссия, как бы мы ни оценивали ее результаты по частным вопросам, выявила слабую проработанность в науке именно тех дискурсов, которые послужили Анне Хорошкевич фоном для интерпретации политических программ неформального совета Ивана Грозного. Посольское делопроизводство конца XV – начала XVIII в. сохранило множество точечных решений в терминологических коллизиях, а иногда – терминологические ребусы, восходящие к полновесным политическим логикам, которые не известны более ни по каким обобщенным текстам. Более того, как показали исследования В. М. Живова, Ан. Береловича, Дж. Окенфусса и Яна Хеннингса, в России еще во второй половине XVII в. не происходило

⁵⁸⁴ Филошкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы. Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб., 2013. С. 129–136.

⁵⁸⁵ Хорошкевич А. Л. Задачи русской внешней политики и реформы Ивана Грозного / А. Л. Хорошкевич // Реформы и реформаторы в истории России. М., 1996. С. 3–34; *Она же*. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003; *Она же*. Гостеприимство И. М. Висковатого / А. Л. Хорошкевич // Иноземцы в России в XV–XVII веках. М., 2006. С. 253–259.

стандартизации ни в восприятии правовых текстов, ни в юридической терминологии, ни в торговле, ни в посольском деле⁵⁸⁶.

И тем не менее эти выводы не должны касаться тех аспектов стандартизации, которые выявляются в источниках латентно и изучены еще явно недостаточно. В правление Василия III и первые годы правления Ивана Грозного разнообразные формы договоренностей с титулованными суверенами допускались в Москве и были предметом межгосударственных соглашений. В пограничных землях сохранялись владения великого князя и три категории князей: не подчиняющиеся Москве, «смотрящие» на Москву независимые князья и «служащие» – князья, чьи владения гарантированы Москвой и зависят от нее лишь частично⁵⁸⁷. Данная схема отражает более ранний этап отношений между Москвой и Крымским ханством, когда «служащими» великому князю и его детям князьями считались Василий Шемячич и Трубецкие, а князья, которые на Москву «смотрят», не уточнялись⁵⁸⁸. Статус «смотрящих» князей нигде не оговорен, однако он играл какую-то роль в московском политическом кругозоре, по крайней мере – внося в него элемент непредсказуемости. Система «служилого» княжения, сложившаяся в отношениях Москвы с северо-восточными княжествами, к началу правления Ивана Грозного выродилась в номинальное привилегированное подданство⁵⁸⁹. Статус князя-«слуги», которым еще в середине XVI в. были наделены князья «литовского» происхождения И. Д. Бельский и М. И. Воротынский, отражал это промежуточное положение, уже в опричнину уничтоженное⁵⁹⁰.

Статус князя-слуги исчез одновременно с последним независимым удельным князем и его матерью. Владимир Старицкий был убит по инициативе Ивана IV в конце 1569 г., вскоре после объединения Короны и Литвы. И одним из обвинений, предъявленных князю Владимиру и Новгороду Великому, было отступничество в пользу Сигизмунда II Августа. Как мыслилось в Москве возможное объединение этих «отступников» с новой польско-литовской унией – невозможно сказать, и показательно, что никакие источники в самих Короне и Литве не донесли сведений на этот счет. А титул князя-слуги был восстановлен после отступления войска крымского хана Девлет-Гирея от Молодей и погиб вместе с его носителем, кн. М. И. Воротынским, в 1573 г. после таинственного «чародейского» дела, о котором крайне мало информации сохранилось помимо «Истории» Андрея Курбского. Для князя-эмигранта казнь видного политика и воеводы была личной трагедией, но он донес и важный аспект отношений между царем и прославленным воином. Попыткам предшествовал оговор слуги, и за колдовством, как и в ряде подобных случаев в XVI–XVII вв., скрывалось подозрение в *crimen laesae maiestatis*, которое Воротынский, по словам Курбского, отказывался признавать. Этот факт находит неясную параллель с казнью в конце 1567 г. шляхтича И. П. Козлова, которого по злобной иронии или намекая на какие-то сегодня неизвестные факты Иван Грозный считал слугой Миха-

⁵⁸⁶ Okenfuss M.-J. The Rise and Fall of Latin Humanism in Early-Modern Russia: Pagan Authors, Ukrainians, and the Resiliency of Muscovy. Leiden et al., 1995; Berelowitch An. De modis demonstrandi in septidecimi saeculi Moschovia // Von Moskau nach St. Petersburg. Das russische Reich im 17. Jahrhundert / Hrsg. von H.-J. Torke. Wiesbaden, 2000. P. 8–46; Живов В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 73–115; Hennings J. Russia and Courtly Europe: Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725. Cambridge, 2016.

⁵⁸⁷ РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). Оп. 1. Кн. 8. Л. 29–29 об. (Грамота в делах за конец 1533 – начало 1534 г.).

⁵⁸⁸ Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI в. М., 2001. С. 192.

⁵⁸⁹ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени: (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 402–404; Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 137–138, 157–158; Назаров В. Д. Юриковичи Северо-Восточной Руси в XV в. (о типологии и динамике княжеских статусов) // Сословия, институты и государственная власть в России: (Средние века и раннее Новое время): Сб. ст. памяти акад. Л. В. Черепнина. М., 2010. С. 426–427.

⁵⁹⁰ Шмидт С. О. Исследования по социально-политической истории России середины XVI века. Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 1964. С. 338; Беликов В. Ю., Кольчева Е. И. Документы о землевладении князей Воротынских во второй половине XVI – начале XVII в. // Архив русской истории. 1992. Вып. 2. С. 93–121, здесь с. 98.

ила Воротынского. Возможно, именно через Воротынского вело тайные переговоры литовское руководство, направив в Москву к лету 1567 г. письма от лица короля и магнатов.

В канун обмена тайными письмами и сразу после него произошло трехкратное в течение одного года повышение владетельного статуса кн. А. М. Курбского в его владениях в Великом княжестве Литовском. Этот факт говорил о стремлении короля и литовской элиты представить Курбского как образец для Боярской думы, о чем говорилось, судя по ответным письмам, в послании от Г. А. Ходкевича кн. М. И. Воротынскому⁵⁹¹. В том же 1567 г. в Великом княжестве Литовском велось расследование по факту приезда московских купцов в Киев, под подозрением в тайных контактах с Иваном IV оказался кн. К. К. Острожский, тогда как киевский мещанин Булыга бежал в Москву⁵⁹². Нет ли связи между переманиванием московской элиты литовскими магнатами и следствием против киевских мещан? Известные ныне источники не говорят о присылках посланий из Москвы в Киев или другие земли Великого княжества Литовского, однако секретные контакты могли осуществляться и через официальные посольские каналы.

К моменту заключения унии между Короной и Литвой относится уникальный в своем роде «королевский» проект Ивана Грозного, служивший на протяжении нескольких лет прикрытием для российского правления царя в Ливонии. Эрцгерцог Магнус на рубеже 1569–1570 гг. получил корону из рук царя, но был окружен чиновниками из Москвы, которые регулярно доносили ему о поведении короля-вассала⁵⁹³. При всей призрачности власти Магнуса в Ливонии, его статус показывал тенденцию Москвы к расширению политического лексикона. На заре государственной унии между Короной и Литвой этот жест был важным знаком, позволявшим представить правление царя как открытое для полусвободных союзов. Как представляется, физическое уничтожение удельного князя и пресечение служилых князей и князей-слуг в московском политическом языке были тем не менее реакцией именно на события в Короне и Литве, а не результатом каких-то долгосрочных тенденций в повестке московских великих князей и царей. Уделы существовали и позднее, пограничное противостояние за отчины Трубецких еще в XVII в. вносило противоречия в жизнь России и Речи Посполитой, однако для Москвы было важно продемонстрировать, что никаких поползновений, которые свидетельствовали бы о симпатиях к федеративным тенденциям в самой России, не потерпят. На этом фоне череда бутафорских властных проектов – королевство Магнуса, попытки царя бежать в Англию, перенос столицы в Вологду, череда незаконных браков царя, инспирированные Иваном IV шутовские браки царевича и наследников Старицких, надежды царя на королевский и великокняжеский престол в Короне и Литве после смерти Сигизмунда II Августа, правление Симеона Бекбулатовича – это не бессмысленные маскарады, а ответы на федеративную альтернативу, предложенную объединенным государством-соседом, и частично скрытый страх перед ее осуществлением в России⁵⁹⁴. Люблинская уния не вызвала паники в Москве, и официальный посольский церемониал отразил даже уверенность в обыденном течении дел, а также готовность к сотрудничеству, однако и в этом отношении в конце 1560-х и начале 1570-х гг. произошли не во всем заметные перемены в московской дипломатии.

Прежде всего, после ряда мирных инициатив со стороны Вильно царь в 1570 г. пошел на перемирие, которое вряд ли было выгодно с военной точки зрения Москве и не потребовало даже созыва Земского собора, что внешне вступало в противоречие с практикой, наме-

⁵⁹¹ *Ерусалимский К. Ю.* На службе короля и Речи Посполитой. С. 385–388, 868–871.

⁵⁹² *Баранович А. И.* Украина накануне Освободительной войны середины XVII в.: (социально-экономические предпосылки войны). М., 1959. С. 23–24.

⁵⁹³ *Селарт А.* Иван Грозный, Кайзер Ливонский? К истории возникновения идеи о российском вассальном государстве в Ливонии // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* (далее – SSBP). 2013. № 2. С. 180–197.

⁵⁹⁴ О Симеоне Бекбулатовиче см.: *Беляков А. В.* Чингисиды в России XV–XVII веков: Просопографическое исследование. Рязань, 2011 (по указателю).

тившейся четырьмя годами ранее. Литвины – судя по всему, по тайной договоренности короля с канцлером Великого княжества Литовского – с 1568 г. неоднократно выказывали готовность вести переговоры о признании царского титула Ивана Васильевича, что достигло своего пика в переписке царя с Я. Я. Глебовичем. Известны два письма последнего в Москву от 1573 и 1574 гг., в которых он обращается к «Его Царской Милости». Это было бы фактом государственной измены, если бы были сомнения в том, что Панове рада принимали участие в этой переписке⁵⁹⁵. Полоцкий пленник Глебович и был отпущен царем в надежде на привлечение сторонников своей милостью в Великом княжестве Литовском, о чем говорят сохранившиеся фрагменты мемуаров Глебовича в «Гербовнике» Бартоша Папроцкого. Кроме того, царь проводил политический эксперимент в Москве, испытывая на подопытных полоцких шляхтичах литовскую форму управления прямо в Кремле: литвинам было разрешено создать подобие замкового суда и принимать законные решения, сообщая их через посольных в Литву, как если бы полоцкие уряды были просто перенесены в Москву⁵⁹⁶.

Уничтожая пленников и политических противников в своем царстве, а также унижая шведских послов после заключения Люблинской унии, Иван Васильевич демонстрировал одновременно готовность к союзу с Литвой и к подавлению любого сопротивления своей власти. Возможно, царь действительно верил, что показательными убийствами и пытками, получившими наглядное воплощение для европейцев благодаря рассказам посольства Яна Кротоского, Миколая Талвоша и Андрея Ивановича Харитоновича⁵⁹⁷ и «Запискам» Альберта Шлихтинга⁵⁹⁸, он предстает во всем величии перед лицом своих союзников и будущих подданных⁵⁹⁹. Такой взгляд на законную государственную власть Иван IV неоднократно выражал в канун Люблинского сейма в переговорах с Елизаветой Тюдор, Юханом III и даже рассылая с английскими купцами послания от Антверпена до Южного Ирана. При этом мира с Литвой царь придерживался и дальше вплоть до подтверждения сведений о победе Стефана Батория на выборах в 1575–1576 гг. Как раз на эти годы приходятся экстравагантные политические формы управления в Москве, до сих пор, пуще опричнины, ставящие в тупик тех историков, которые ищут в них внутривполитический смысл.

Царь сохранял открытость дипломатии перед Литвой даже в ущерб отношениям с Коронным Сенатом, о чем свидетельствует следственное дело посланника от Сената Речи Посполитой (из Короны Польской) Лаврина Дубровы или включение в посольскую документацию секретного письма Григория Остика. Даже объявляя войну Стефану Баторию и готовя удар по литовским замкам в Ливонии, в конце 1576 – начале 1577 г. царь сохранял мирные отношения с Литовской радой. Царь уступил литовским сенаторам и обязался удовлетворить претензии литовских купцов. Наконец – и это наиболее интересный аспект отношений с новой унией – царь пошел на обсуждение прав и свобод литовской шляхты, гарантий для соблюдения всех

⁵⁹⁵ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1573 г. № 1. Л. 7 об. – 10, 19 об. – 21 об.; ОР РГБ. Троицкое собр. II. № 17. Л. 193 об. – 198, 209 об. – 212 об.; ОР РГБ. Ф. 235. Папка 3. № 21. Л. 12–15 об., 22 об. – 25.

⁵⁹⁶ *Straszewicz M.* Testament Anny z Korsaków Rahoziny z 1563 roku. Przyczynek do dziejów jeńców połockich // *Przegląd historyczny*. Т. 96 (2005). Zesz. 3. S. 449–458. Данные факты не учтены при подготовке сборника: *Urzednicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy*. Т. V. Ziemia Połocka i województwo Połockie XIV–XVIII wiek / Pod red. H. Lulewicza. S. 146. № 438; S. 164. № 551; S. 167. № 563; S. 180. № 657; S. 193. № 724.

⁵⁹⁷ Подробнее о составе посольства и задачах миссии см.: *Радаман А. А.* Клиенты і «прыяцелі» Астафея Багданавіча Валовіча ў Наваградскім павеце ВКЛ у 1565–1587 г. // *Unus pro omnibus: Валовічы ў гісторыі Вялікага княства Літоўскага XV–XVIII стст.* / Склад. А. М. Янушкевіч; навук. рэд. А. І. Шаланды. Мінск, 2014. С. 293–294.

⁵⁹⁸ *Grala H.* Wokół dzieła i osoby Alberta Schlichtinga. (Przyczynek do dziejów propagandy antymoskiewskiej w drugiej połowie XVI w.) // *Studia Źródłoznawcze*. 2000. Т. 38 (2000). S. 35–52; *Дубровский И. В.* Латинские рукописи сочинений Альберта Шлихтинга // *Русский сборник: Исследования по истории России*. Т. XVIII. М., 2015. С. 74–217.

⁵⁹⁹ Перспективы включения Великого княжества Литовского в состав Российского царства обсуждались в период опричнины. Они отразились как на агрессивных проектах (например, заговоре против герцога Юхана Финляндского с целью заполучить в Москву Катерину Ягеллонку), так и на различных схемах законного перехода Литвы под руку московского царя и его вассальных бояр (явных в полуофициальной переписке Боярской думы с Сигизмундом II Августом и Панами радой).

неотъемлемых прав, действующих на территории Великого княжества Литовского. Впрочем, говорить о свободе вероисповедания в России не приходилось ни до постановлений Варшавской конфедерации в конце января 1573 г., ни после них. Не согласился царь и на прощение своих изменников в случае своего избрания на троны Речи Посполитой.

Религиозный фактор унии был весьма значимым и в 1386, и в 1569 г. Почти все русские земли, входившие в орбиту Москвы до присоединения Новгорода Великого, не испытывали разногласий по вопросу о вероисповедании. Впрочем, Москва выполняла и крестоносную миссию среди нехристианских народов, чем заслужила себе похвалы европейских путешественников и благодаря чему во многом и была включена в число цивилизованных стран в ренессансной этнографии. С другой стороны, мы обречены переоценивать роль Москвы и московского православия в этом процессе. Христианизация литовских и финских народов долгое время оставалась делом Новгорода и Пскова, нередко совместно с другими русскими землями и Тевтонским орденом. Завоевание Югры, а затем поволжских язычников было, по сути, военным захватом. Впрочем, присоединение Новгорода происходило при методичном подавлении автономии и полномочий новгородской архиепископии, сохранявшейся, как казалось Ивану Грозному, в избытке у архиепископа Пимена к началу 1570 г. Если в разделении полномочий царства и священства (Моисея и Аарона) в представлениях царя Ивана нам сегодня видится лишь один из аргументов в борьбе за неограниченную власть, то в условиях расширения религиозных свобод в Великом княжестве Литовском благодаря Виленскому и Гродненскому привилеям в канун Люблинской унии придирчивое внимание к участию попа Сильвестра в политике, ограничение светских прав митрополитов и последовавшие за ними кровавые погромы высшего духовенства и новгородской церкви в годы опричнины могут рассматриваться как ответ на новые перспективы, исходящие из Великого княжества Литовского. Покорение мусульманских земель было сопряжено с волной крестоносных настроений, которые поддерживали не только обычный шляхтич Иван Пересветов и княжеская элита в лице Андрея Курбского, но и царь в официальной переписке с Империей, Святым престолом и Великим княжеством Литовским, и, разумеется, официальная церковь.

Кревская и Люблинская унии объединили земли разных вер в государство, где в конце XIV в. пришлось соблюдать паритет между католицизмом привилегированной коронной шляхты, православием русских земель и язычеством традиционной «собственной Литовской земли» (в терминологии М. К. Любавского). В историографии сложилось два встречно расположенных аналитических направления, которые не всегда достигают между собой точек соприкосновения. С одной стороны, после работы О. П. Бакуса о мотивах перехода литовской знати на московскую службу в XV – начале XVI в. ясно, что фактор религиозных притеснений православных литвинов переоценен в московском летописании⁶⁰⁰. Москва, будучи к концу XV в. престольной для православной митрополии, видела в католической власти Великого княжества Литовского главный козырь для сопротивления, успешно мобилизующего в отношениях русских земель с Ордой. И формула Городельской унии этому взгляду способствовала – принятие русских земель в состав объединения Короны и Литвы означало отказ от княжеской власти, которую православная церковь поддерживала. Вряд ли случайно, что многие из литовских перебежчиков на дворе Ивана III и Василия III были титулованными владетелями.

С другой стороны, фактор религиозных гонений до сих пор упоминают как один из ключевых в истории «цивилизационного выбора»⁶⁰¹. Если это так, то к 10 января 1569 г., когда в Люблине открылся объединительный сейм, роль Великого княжества Литовского и литовских элит в этом выборе была совершенно неочевидна. Привилеи 1430 и 1432 гг. предоставляли права и свободы литовской православной шляхте, однако не устраняли расхождений между

⁶⁰⁰ *Backus O. P. Motives of West Russian Nobles in Deserting Lithuania for Moscow 1377–1514. Lawrence, KS, 1957.*

⁶⁰¹ *Frost R. Oksfordzka historia unii polsko-litewskiej. T. 1. S. 258–284, 629–658.*

католическими и православными политическими языками. Княжеская власть уступала идее правящей шляхты. В конечном счете последний оплот титулов в Короне и Литве представили русские земли Великого княжества Литовского, где привилегии княжеской власти уступали вместе с ориентацией на православие уже во второй половине XVI в., претензии княжеского рода Слуцких на место в Сенате в силу правящего происхождения пресеклись вместе с мужской ветвью рода (1592 г.)⁶⁰², а требования восстановить права князей звучали на сеймах еще много лет спустя после Люблинской унии (1638 г.)⁶⁰³. Первый Литовский Статут формально открывал доступ всем христианам к высшему управлению. Сенаторская должность К. И. Острожского была одновременно сделкой с местными православными элитами и означала, что формула Городельской унии больше *de facto* не действует. Приход Реформации и возобновление войны с Москвой в 1561–1562 гг. подтолкнули Сигизмунда II Августа принять Виленский (1563 г.) и Бельский (1564 г.) привилегии, открывшие прямой путь к возникновению общехристианской толерантности в духе Варшавской конфедерации (1573 г.).

Во второй половине XVI в. уния мыслилась как объединение христианских земель, но под христианством понималось множество реформационных учений, и среди них – реформированные православие и католицизм, которые все имели доступ к высшей власти. Кроме того, на землях унии, как и в Московском государстве, селились правоспособные мусульмане с привилегиями религиозно-этнического меньшинства (подобных привилегий, исходящих из Москвы, мы не знаем ни в XVI в., ни в последующие два столетия), а также иудеи, которым была гарантирована королевская защита (в отличие от части Европы и от Москвы, где как раз при Иване Грозном высшая власть прямо запретила иудеям доступ на территорию государства, и вплоть до разделов Речи Посполитой во второй половине XVIII в. запреты, модифицируясь, сохранялись). Вхождение Короны и Литвы в объединение с Московским государством Ивана Грозного могло привести к серьезным потрясениям в религиозной жизни новой унии после смерти Сигизмунда II Августа. Показательно, что нам неизвестно ни о каких гарантиях, которые Москва предложила бы польско-литовским иудеям, мусульманам, а также реформационным христианам, хотя права католиков царь соглашался соблюдать. Наоборот, присоединение Москвы к Речи Посполитой могло бы снять ту напряженность в отношении к местным православным, которая, как показали исследования Бориса Гудзяка, Томаша Кемпы, Мажены Ледке, Томаша Ходаны и Василя Ульяновского, подталкивала элиту Великого княжества Литовского переходить из православия в реформационные церкви, а высшую власть в сотрудничестве с Римом – искать способы ограничить религиозный фактор в тяготении русских земель Речи Посполитой к Москве⁶⁰⁴.

В науке преувеличена замкнутость российских политических элит. Конечно, они до царя Петра Алексеевича не ездили за границу на учебу, и крайне редки были в Москве браки с европейскими партнерами. Однако проекты отмены этого пережитка известны со времен Ивана Грозного, тогда как сами правители предпринимали попытки выехать из страны, причем неоднократно декларируя свои намерения подданным. В приписках к Лицевому своду прозвучало обращение царя к верным боярам, в котором он допускал побег своего сына из Московского

⁶⁰² Wisner H. Rzeczpospolita Wazów. III. Sławne Państwo, Wielkie Księstwo Litewski. Warszawa, 2008. S. 12, 18.

⁶⁰³ Zakrzewski A. B. Paradoxy unifikacji i ustroju Wielkiego Księstwa Litewskiego i Korony XVI–XVIII w. // *Czasopismo prawno-historyczne*. 1999. T. 51. Z. 1–2. S. 221.

⁶⁰⁴ Gudziak B. A. Crisis and Reform. The Kyivan Metropolitanate, the Patriarchate of Constantinople, and the Genesis of the Union of Brest. Cambridge, Mass., 2001; Liedke M. Od prawosławia do katolicyzmu: Ruscy możni i szlachta Wielkiego Księstwa Litewskiego wobec wyznań reformacyjnych. Białystok, 2004; Kempa T. Wobec kontrreformacji. Protestanci i prawosławni w obronie swobód wyznaniowych w Rzeczypospolitej w końcu XVI i w pierwszej połowie XVII wieku. Toruń, 2007 и др.

царства: «Не дайте бояром сына моего извести некоторыми обычай, побегите с ним в чужую землю, где Бог наставит»⁶⁰⁵. По предположению С. Б. Веселовского и Б. Н. Флори, эти слова отражают настроения царя времен опричнины («в опричном угаре»)⁶⁰⁶. Впрочем, приписки в недоработанных томах Лицевого свода не могли возникнуть ранее 1576–1577 гг., когда завершались работы над огромной иллюстрированной летописью. Настроение этих приписок ближе к периоду, когда победы в Ливонской войне сменились непоправимыми поражениями и у царя усилился страх мятежа в пользу одного из наследников или Стефана Батория⁶⁰⁷.

Бегство из государства было в конце 1560-х – 1570-х гг. тем особым настроением, в котором концентрировались и страхи, и чаяния московских элит. А этот исторический момент был одним из самых успешных в реализации интегративной идеи по отношению к московским подданным, а особенно к московской шляхте, которая опиралась на Второй Литовский статут 1566 г. и конституцию Варшавского сейма 1578 г., пользуясь равными правами с местным рыцарством. Московские переселенцы влились в политический народ Короны и Литвы и составили его неотъемлемую часть⁶⁰⁸. Близкой им была и «российская» идентичность украинского казачества, местной шляхты и всего политического «русского народа» в составе Речи Посполитой в конце XVI – первой половине XVII в.⁶⁰⁹ Шляхта Короны и Литвы после смерти Сигизмунда II Августа считалась и с возможностью слияния с Московским государством и избрания на троны Речи Посполитой московской кандидатуры⁶¹⁰.

На королевской службе оказались представители едва ли не всех крупнейших фамилий, окружавших московский трон. Родичами московских удельных князей были Ярославовичи, Шемятичи, Верейские. Ветвью боярского рода Захарьиных были Иван Васильевич Ляцкий и его сын Иван. Сигизмунду I Старому служил брат высших московских политиков кн. С. Ф. Бельский. Суздальская знать в лице кн. И. Д. Губки Шуйского и его потомков утвердилась в Брестском повете Великого княжества Литовского. Ярославские Рюриковичи были представлены Андреем Курбским и позднее его потомками. Тверские – кн. В. И. Телятевским, который по своему поместному праву в Московском государстве претендовал даже на ярославский титул, посягая на прерогативу Курбского и его потомков в Речи Посполитой и князей Сицких

⁶⁰⁵ ПСРЛ. Т. 13. М., 2000. С. 531.

⁶⁰⁶ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 283; *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. 4-е изд. М., 2009. С. 78–79.

⁶⁰⁷ Поздняя датировка Лицевого свода, уводящего окончание работ над ним в период правления царя Федора Ивановича, поддержана в работах А. А. Амосова и В. В. Морозова, а также отчасти в статье С. О. Шмидта 2011 г. См.: *Морозов В. В.* Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века. М., 2005; *Ерусалимский К. Ю.* Лицевой летописный свод в дипломатии Ивана Грозного // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2017. № 6. С. 24–33.

⁶⁰⁸ Понятие политического народа применительно к шляхте Великого княжества Литовского разработано Ю. Кяупене. Исследовательница отметила, что литовский политический народ придерживался своего видения политической причастности на заре Люблинской унии. Сплочение происходило благодаря общей военной опасности, клиентарным связям, сознанию своей обособленности от коронной шляхты и европейским тенденциям в общественной мысли (*Kiaupienė J.* «Mes, Lietuva». Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės bajorija XVI a.: (viešasis ir privatus gyvenimas). Vilnius, 2003; *Она же.* Политический народ Великого княжества Литовского в системе политических структур Центрально-Восточной Европы в XV–XVI веках // Сословия, институты и государственная власть в России... С. 586–591). В дискуссии вокруг тезиса о самобытности литовского политического народа затрагивался вопрос об отношении литовских магнатов к «шляхетской демократии» и проблема вырождения демократии в олигархию (*Niendorf M.* Wielkie Księstwo Litewskie. Studia nad kształtowaniem się narodu u progu epoki nowożytnej (1569–1795) / Przekł. M. Grzywacz. Poznań, 2011. S. 49–70; *Вилимас Д.* К вопросу о характеристике государственного строя Великого княжества Литовского после Люблинской унии: демократия versus олигархия // Проблемы інтеграції... С. 149–154).

⁶⁰⁹ *Плохій С.* Наливайкова віра: Козацтво та релігія в ранньомодерній Україні. Київ, 2005. С. 192–229; *Яковенко Н.* Дзеркала ідентичності: Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI – початку XVIII століття. Київ, 2012. С. 9–43; *Брехуненко В.* Козаки на степовому кордоні Європи: Типологія козацьких спільнот XVI – першої половини XVII ст. Київ, 2011. С. 111–146. См. также: *Мильников А. С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности XVI – начала XVIII в. СПб., 1999. С. 74–105; Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства / Отв. ред. А. В. Доронин. М., 2017. С. 93–105 (здесь особенно статьи Ю. Кяупене, О. И. Дзярновича, В. И. Ульяновского, М. В. Дмитриева, И. Грали, А. М. Бовгири).

⁶¹⁰ *Zakrzewski A. B.* Wielkie Księstwo Litewskie między Wschodem a Zachodem. Aspekt polityczny i prawno-ustrojowy // Między Zachodem a Wschodem. S. 23–36.

в Москве. Смоленских воплотил Владимир Заболоцкий, вспомнивший в эмиграции о своем княжеском происхождении. Предполагаемые черниговские князья были представлены кн. М. А. Ноготковым Оболенским. Впрочем, последние трое вымерли, не оставив потомства «по мечу».

Это далеко не все, кто хотел бы перейти на службу Сигизмунда I Старого, Сигизмунда II Августа и их наследников, хотя неясно, как именно Шуйский появился при дворе короля, и очевидно, что Телятевский не хотел – он сдался Стефану Баторию в Полоцке. Вместе с братом великой княгини, матери Ивана Грозного, Михаилом Глинским собирался выехать кн. Иван Турунтай Пронский – он был бы встречен своими дальними родичами из рода великих князей пронских, давно служившими литовским монархам. Не удалось бежать в июле 1554 г. кн. С. В. Звяге Ростовскому. Пытался прорваться в Литву кн. Ю. И. Горенский – но был схвачен и казнен. В начале мая 1581 г. бежал ближний родич опричных выдвиненцев царя Д. И. Бельский, который сумел уйти во главе небольшого отряда, отбившегося с потерями от преследования. Вскоре после смерти Ивана Грозного бежал М. И. Головин, позднее убитый в Литве И. И. Бунаковым, мстившим за смерть своего отца.

Среди шляхтичей, близких к ведущим московским родам, были Колычевы, Бутурлины, Тетерины, Сарыхозины, Кашкаровы, Голохвастовы, Бунаковы, Остафьевы, Зверевы, Измайловы... Не все названные роды испытали потрясения в России. Часто неясно даже, в какой именно хронологической связи находятся казни в России с побегом представителей их родов. Традиция интерпретации, идущая от С. Б. Веселовского, в целом позволила установить корреляцию между казнями и «выездами», однако во многих случаях выводы самого исследователя и последовавших за ним авторов не подтвердились. Неясно, когда именно были уничтожены «всеродне» Тетерины и Сарыхозины. Нельзя исключать как то, что царь подозревал перебежчиков в заговоре против своей особы, в результате чего были убиты их родичи, так и то, что казни охватили род еще до их побега или несколько позже (например, в виде мести за Изборскую кампанию). На стороне короля в небольшой исторический промежуток около конца 1563 – начала 1564 г. оказались одновременно не менее пяти мужских представителей Тетериных и Сарыхозиных. Трое из них на рубеже 1568–1569 гг. приняли участие в Изборской кампании князей Александра и Ивана Полубенских и привели пленных на Люблинский сейм. Одного из изборских пленников получил в подарок от кн. А. И. Полубенского Курбский⁶¹¹. Возможно, от этих же людей князь Андрей Михайлович узнал что-то новое и о казнях и других событиях первых лет опричнины, о чем рассказал в мартирологах своей «Истории». Это были заметные события в Короне и Литве. Они вызвали не только энтузиазм у хронистов и поэтические реплики⁶¹², но и настоящие военные триумфы в Варшаве и Люблине. Пленным и эмигрировавшим москвитам выплачивали пожалования из казны в знак торжества над противником и милости короля⁶¹³. На объединительном сейме прозвучали даже упреки в адрес короля, что он заботится больше о приезжих москвитях, чем о собственных пленниках в Москве. Этот голос звучал из уст одного из полоцких пленников, выпущенных, чтобы призывать шляхту и короля к выкупу затворников. Впрочем, как можно полагать, царь видел в захваченной полоцкой элите в своем роде заложников, позволявших, как ему казалось, манипулировать ими в переговорах с королем и Панами радой. Конечно, впечатление эти действия царя производили

⁶¹¹ Ерусалимский К. Ю. На службе короля и Речи Посполитой. С. 266–275.

⁶¹² Хорошкевич А. Л. Захват Полоцка и бегство кн. А. М. Курбского в Литву // *Świat pogranicza*. Warszawa, 2003. С. 117–120; Кантелер А. Латинские поэмы о победах литовцев над московскими войсками в 1562 и 1564 гг. и о побеге Курбского // *Ad fontem / У источника*. Сборник статей в честь чл.-корр. РАН Сергея Михайловича Каштанова. М., 2005. С. 318–325; Некрасевич-Короткая Ж. В. События и лица российской истории второй половины XVI – первой половины XVII в. в памятниках латиноязычной поэзии Великого княжества Литовского // *SSBP*. 2012. № 2 (12). С. 26.

⁶¹³ Скрышников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 360–361; Ерусалимский К. Ю. Московско-литовская война 1562–1566 гг. и введение опричнины: проблемы демографии и земельной политики // *Российская история*. 2017. № 1. С. 3–31.

прямо противоположное, но все же Ивана Васильевича окружали подданные, видящие в литвинах скорее собратьев, а не врагов.

Что роднит всех шляхтичей московского происхождения на королевской службе и что позволяет говорить о перспективе унии Литвы и Короны с Москвой? Имена перебежчиков в источниках говорят о том, что они носили типичный для ренессансной книжности национальный идентификат – они были *московитами*, *москалями*, *москвитинами*. К 1560-м гг. он перестал означать прямую связь с Москвой как городом или Московским княжеством, а в подавляющем большинстве случаев имел расширительное значение, охватывая все земли, находившиеся под властью московских великих князей. Эта нация просуществовала в лице своих представителей в Европе вплоть до начала XIX в., когда была преобразована в сознании европейцев в особый стереотипный образ, в чужого «Другого» национальной культуры. Наличие своего идентификата не оставляет сомнений, что польско-литовское общество было готово видеть в эмигрантах особый народ, но не стремилось создавать никакой диаспоры или культурной основы для восприятия эмигрантов в качестве меньшинства в самой Короне, Литве, а затем – в Речи Посполитой. Московиты прямо ассоциировались с Московским государством, пока носили это прозвище, и должны были, потеряв его, потерять и свою причастность к московскому обществу. Во-вторых, правовые ситуации, в которых фигурируют в Речи Посполитой московские шляхтичи, позволяют судить о том, что сразу или вскоре по прибытии они пользовались привилегиями военного сословия нового отечества. Реестры присяги Короне Польской винницкой и брацлавской шляхты 1569 г. показывают, что московиты и их жены принесли присягу на верность королю и Короне Польской вместе с остальными своими собратьями по оружию. Впрочем, феодальная лестница была открыта для московитов, как правило, не вся. Их первые пожалования – *хлебокормленье* или *выживенье*, чаще всего состоявшее из средств на пропитание и натуральных выплат. Земельные пожалования *до воли и ласки* господаря не могли быть переданы по наследству, нельзя было также распоряжаться ими как-либо еще без согласия на то короля. Наиболее частой формой ленного держания было *доживоте* – т. е. право пожизненного владения имением, иногда расширяемого до двух и трех поколений.

Участие в войне именно против *неприятеля московского* не было обязанностью шляхтичей-московитов, однако считалось частью их военной повседневности. Иван Ляцкий и князь Семен Бельский прямо декларировали перед началом Стародубской войны готовность отводить свои отчины в Московском государстве. Князь Семен с 1536 г. осуществлял проект создания буферного государства на Рязани и Белой, в котором сам готовился стать сувереном. Допускал он и установление дружественного по отношению к королю Сигизмунду Старому, Сулейману Великолепному и крымским Гиреям правительства в Москве. Пытались решительно повлиять на Ливонскую войну Курбский в 1564–1567 гг. и связанные с ним дружбой и общими целями его соотечественники из отряда кн. А. И. Полубенского в 1568–1569 гг.

О московитах на королевской службе в королевских пожалованиях в новом отечестве говорилось, что они бежали от московского тирана, бросив свои владения, взамен которых они и награждались. Временный статус феодальных держаний нигде не определялся в связи с необходимостью отвоевать имущество перебежчиков в Московии. Так задача больше не стояла. Как будто вычеркивая эту же перспективу, в Москве в ряде случаев уничтожались родовые гнезда «изменников», благодаря чему исчезал еще в первой половине XVI в. существовавший статус разделенного рода, в котором находились многие крупные роды Московского государства и Великого княжества Литовского⁶¹⁴.

⁶¹⁴ Неполный список разделившихся между Москвой и Литвой брянских и смоленских фамилий см.: Кром М. М. Меж Русью и Литвой: Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. 2-е изд., испр. и доп. М., 2010. С. 264–287.

Коллизии поджидали москвитов не только в землях покинутого отечества, но и во владениях короля. Так, в имении Г. А. Ходкевича Спасове после Ульской битвы 1564 г. на москвитов напали местные жители, видимо приняв отходящую с поля боя роту за наступающего неприятеля. Развернулся настоящий кровавый бой, о чем Луцкий гродский суд рассматривал иск ротмистра. Вплоть до окончания Ливонской войны реестры Королевской казны из Варшавского архива древних актов позволяют проследить службу особой роты из 50 москвитов, которыми командовал какое-то время с 1563 г., видимо, Владимир Заболоцкий, а позднее также – Умар Сарыхозин и Агиш Сарыхозин. Агиш при Сигизмунде III выдвинулся на лидирующие позиции среди москвитов-эмигрантов. Это положение после него не сохранилось, даже когда в Литву переезжали высокопоставленные в Москве Хованские, Салтыковы, Трубецкие и В. А. Ордин-Нащокин.

В российской историографии имперского периода перспективы, открытые объединительным сеймом 1569 г., часто представлялись в зеркале идеи полонизации. Однако эта идея имеет весьма мало общего с реалиями середины – второй половины XVI в. Уния Литвы с Коронай и инкорпорация в Корону русских земель четырех воеводств Великого княжества Литовского открывали новый период в политическом устройстве союзных государств. Волынь и восточные воеводства получили автономию, приближаясь в своем статусе к самостоятельной и самобытной системе внутри федеративного государства. Великое княжество Литовское в ходе реформ еще до Люблина приобрело права и свободы, не только приближающие местную шляхту к собратьям в Короне, но и освобождающие ее от всевластия королевских наместников. Идея объединения «равных с равными» не была пустой декларацией, а соблюдалась как неотъемлемое право литвинов на всем протяжении существования федерации. Безразличие, выраженное царем, когда он узнал от польских и литовских представителей о заключении унии, скрывало несогласие. Москва не принимала сам язык прав и свобод, не видела в служилых людях единого влиятельного сословия, не допускала гарантий для «мужиков торговых» и противостояла всем известным примерам представительных собраний.

Историческая память, сформированная в России на фоне мобилизации в войне против Ливонии и Великого княжества Литовского, лишала легитимной предыстории существование обоих врагов, а история унии между Литвой и Коронай рисовалась как историческая ошибка, следствие слабости власти в обоих этих государствах. Достаточно вспомнить, что незадолго до объединительного сейма Иван Грозный высказывал сомнение, что до Ягайло в Короне Польской вообще были короли, а право королевы Ядвиги на корону царь ошибочно или намеренно связывал с ее происхождением от «пошлых королей». Эти высказывания звучали в официальной политике, и вряд ли элиты в Вильно и Кракове могли относиться к ним как к пустой болтовне и списывать их на эмоции. Ядвига была символом унии. Ее образ возникал в памяти всякий раз, когда вспоминались первые унии между Ягайло и Витовтом, причем все общеземские привилегии Великого княжества Литовского отсчитывают существование унии именно от договоренностей Ягайло с Витовтом, а следовательно, Иван IV и его окружение в своей риторике наносили удар в самое сердце объединительной идеи.

Образцы «листов»-ультиматумов от лица шведского короля Юхана III за 1582–1584 гг. показывают, что в Москве знали и слово «тиран» применительно к московской власти, и обязательства поддержать права и свободы вместо кровопролития и рабства⁶¹⁵. Это не была риторика *ex post*, а язык, который звучал в сознании московской шляхты на всем протяжении становления государственной машины Ивана IV и его наследников на московском престоле. Обещание «прав и вольностей» московским «чинам» (т. е. сословиям) не раз звучало в годы Смуты от лица Сигизмунда III Вазы, причем результаты переговоров московского посольства к королю под Смоленском в августе 1610 г. показывают, что в Москве настаивали на соблюдении сво-

⁶¹⁵ Об этом см. выше, на с. 204.

его «обычая», приближавшего политическую культуру москвитов к европейским порядкам⁶¹⁶. Наконец, «московский двор Владислава Вазы» отразил тот тип зеркального построения московских элит, который наметился еще в период Стародубской войны и неизменно сопутствовал московско-польским отношениям вплоть до первых лет правления Романовых⁶¹⁷.

Эмигранты из Московского государства сохраняли политический кругозор православного государства, где княжеская власть была в своем роде обязательной светской стороной устройства общества. В нашем распоряжении на фоне множества данных о взаимных конфликтах и службах титулованных и нетитулованных москвитов в новом отечестве нет ни одного примера, когда москвиты выразили бы несогласие с верховенством князей над нетитулованными шляхтичами. Наоборот, Владимир Заболоцкий в переговорах с имперским агентом аббатом Иоганном Циром выразительно отстаивает свой княжеский статус, давно утраченный его предками в Москве. Андрей Курбский и Василий Телятевский претендуют на новый ярославский титул, которого в Москве они бы не получили. Один из Оболенских претендует на родовой титул, невольно завышая себе цену в момент обмена пленными и вызвав негодование даже у царя Ивана Васильевича.

⁶¹⁶ Polak W. O Kreml i Smoleńszczyznę. Polityka Rzeczypospolitej wobec Moskwy w latach 1607–1612. Toruń, 1995. S. 211; Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. С. 245–247, 253–266.

⁶¹⁷ Подробнее см.: Jaworska M. «Moskiewski dwór» królewicza Władysława w latach 1617–1618 // Kronika Zamkowa. 2015. Roczn. 2 (68). S. 31–58.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.